

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

АНАСТАСИЯ ВАЛЕЕВА
СЕДЬМАЯ ЛИНИЯ

ЛЕТОМ В ПАРИЖЕ ТЕПЛЕЕ

ЭЗОТЕРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ -
ЯСНОВИДИЦА ВЕДЕТ РАССЛЕДОВАНИЕ

Annotation

Жизнь ясновидца Яны Милославской непроста — приходится помогать людям и в буквальном смысле пропускать через себя их проблемы. Тем более, если этот дар получен в результате катастрофы, в которой погибли близкие Яны... А уж когда проблемы клиентов касаются криминала, то начинается настоящий мистический триллер...

- [Анастасия Валеева](#)
 - [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВТОРАЯ](#)
 - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ](#)
 - [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ПЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ШЕСТАЯ](#)
 - [ГЛАВА СЕДЬМАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВОСЬМАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДЕВЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДЕСЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ](#)
-

Анастасия Валеева
ЛЕТОМ В ПАРИЖЕ ТЕПЛЕЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Это видение-воспоминание посещало Яну Борисовну Милославскую по несколько раз в год. Страшные события той ночи, когда они с мужем и сыном возвращались домой, каждый раз вставали перед ее внутренним взором, то проносясь за одно мгновение, которое она даже не успевала осознать, то прокручиваясь плавно, словно в кадрах замедленной съемки. Тогда Яна Борисовна могла рассмотреть все в деталях.

Катастрофа произошла несколько лет назад. К вечеру, когда они выезжали с дачи, перекопав под зиму свой небольшой участок и сложив в сарай садовый инвентарь, на небе стали курчавиться светлые, не предвещавшие ничего плохого облака, но вскоре они начали собираться в большие кучи, темнеть и набухать, словно сосцы щенной суки. Выехав на дорогу, все поняли, что дождь застанет их в пути, но сильно по этому поводу не переживали: все-таки на машине.

Загородная трасса была пустынна, она отражала лишь дальний свет фар, который метался по мокрому асфальту, повторяя движения старенькой «шестерки», подпрыгивающей на неровностях дороги. Александр Васильевич, Шурик, — муж Яны Борисовны — уверенно ведет машину сквозь пелену дождя, соблюдая разумную скорость. Он радуется, что успели управиться с садом до дождей, перебрасывается шуточками с Андреем, сидящим на переднем сиденье рядом с ним, и пытается разговорить Яну Борисовну, которая отвечает односложно и невпопад, ерзая на заднем сиденье.

— Да что с тобой, Яна, — он поворачивает голову, пытаюсь посмотреть ей в глаза, — устала, что ли?

Яна только молча пожимает плечами. Если бы она знала! А ведь она знала, чувствовала — что-то не так! Она сама тогда не понимала, что с ней происходит. Это уже потом, пережив клиническую смерть и открыв в себе способности, о которых раньше и не подозревала, она стала по-другому смотреть на вещи, на людей и на события. Все в жизни взаимосвязано. Ничто не происходит просто так...

Дорога идет на подъем. Салон «шестерки» осветился фарами догнавшей их машины. Саша снизил скорость и принял немного к правой обочине, давая возможность обогнать. Обычная, в общем-то, ситуация на дороге, но у Яны почему-то учащенно бьется сердце, бухая в груди словно паровой молот. Невыносимо захотелось что-нибудь сделать, закричать,

остановить машину, но она молчит, боится напугать Сашу, боится, что ее слова заставят мужа ошибиться. «Он хороший водитель, — пытается она себя успокоить, — все будет хорошо.» «Не будет», — слышит она чей-то голос и хватается за спинки передних сидений.

Легковушка пошла наконец-то на обгон, выехав в левый ряд. Яна смотрит на нее через боковое стекло и ей кажется, что сквозь темень и плотные струи дождя, она видит профиль водителя. Она знает, что этого не может быть, что на фоне сырого черного поля человеческий глаз не может ничего воспринять, но этот профиль словно стоит у нее перед глазами. «Мистика какая-то, — шепчет она и проводит рукой перед глазами, — ну что же ты, обгоняй».

Уже потом, в больнице, ей рассказали, что водитель старого «Москвича» не смог почему-то переключить скорость на подъеме, и мощности двигателя не хватило, чтобы закончить маневр. Так они и приблизились к вершине холма, идя параллельными курсами. Яна слышит, как чертыхнулся Саша, видя, что ситуация выходит из-под контроля. Если сейчас из-за перевала появится встречный автомобиль, аварии не избежать.

Так все и произошло. «КамАЗ» вылетел навстречу на огромной скорости. Он шел по своей полосе и водитель, естественно, не ожидал, что дорога будет занята. Что происходило у него в голове, когда он увидел свет фар встречного автомобиля, трудно сказать. Если бы он свернул направо — в кювет — может быть, и остался бы в живых, хотя падение с высоты нескольких метров да еще на большой скорости почти не оставляло ему никаких шансов на это. Он выбрал другой вариант. Скорее всего, подумав, что водитель «Москвича» заснул за рулем, он крутанул руль влево, на встречную полосу, и надавил на тормоза. На скользкой дороге «КамАЗ» занесло и тяжелая машина продолжала двигаться по асфальту боком.

— Тормози! — теперь уже не сдерживая себя, закричала Яна, но Саша и так вдавил педаль тормоза до отказа в полник.

«Шестерка» почти остановилась до столкновения с «КамАЗом», но самосвал, уже неуправляемый, продолжал по инерции двигаться вперед. До сих пор этот металлический удар, жестяной скрежет, визг резины об асфальт стоят у Яны в ушах. «КамАЗ», столкнувшись с «шестеркой», опрокинулся прямо на нее. Его стальной кузов раздавил переднюю часть легковушки, словно песочный кулич. Яна Борисовна помнит белую, ослепительно яркую вспышку, после чего ей стало невыразимо хорошо, куда-то исчезли все страхи и тревоги, и всю ее окутало какое-то радостное чувство, сравнимое с экстазом. Она стала подниматься все выше и выше, скользя по светящемуся тоннелю, стенки которого представляли собой

скрученный спиралью светящийся серебром воздух. А может быть, это был эфир или еще что-то невесомое.

Яна парила в этом тоннеле, не касаясь стен, которые вибрировали и переливались всеми оттенками серебра и перламутра, удаляясь от места катастрофы. Три бестелесные сущности скользнули по тоннелю мимо Яны. Каким-то образом она поняла, что это Саша, Андрей и водитель «КамАЗа», который погиб одновременно с мужем и сыном Яны, при падении ударившись головой о стойку кабины. Почему-то она знала это, как и то, что водитель «Москвича», который тоже не избежал столкновения с самосвалом и свалился в глубокий кювет, несколько раз перевернувшись на косогоре, все еще жив, но вскоре должен умереть.

Обогнав ее, три сущности исчезли вдали, превратившись в маленькие золотые точки. Ей захотелось рвануть вслед за своими родными, догнать их и плыть в радости и легкости рядом с ними, но какая-то сила заставила вдруг ее остановиться. Вся жизнь пронеслась перед ней за несколько коротких мгновений, но в эти мгновения уместилось столько подробностей! Она поняла, что должна остаться. Яна замедлила свой полет, плавно развернулась и двинулась обратно. Все остальные события той ночи она наблюдала как бы со стороны. Невесомая, она легко парила над местом аварии, без труда проникая мысленным взором сквозь непреодолимые для физического тела и взгляда препятствия. Если бы она захотела, то смогла бы пронзить землю и очутиться с противоположной стороны земного шара, могла бы двигаться и дальше, сквозь солнечную систему, сквозь галактики и черные дыры, но она осталась над трассой, где находились тела любимых ею людей и ее собственное. Ей было любопытно, что произойдет дальше, и она почему-то знала, что пока должна оставаться именно в этой точке пространства.

Ливень продолжался всю ночь до самого утра, но Яна не испытывала никакого дискомфорта. Холодные струи проходили сквозь нее, и от этого ей не становилось ни хуже ни лучше. Примерно через час на перегороженной «КамАЗом» и «шестеркой» трассе с обеих сторон выстроились большие «хвосты» разнокалиберных авто. Еще некоторое время спустя, сверкая проблесковыми маячками и прорезая сырой ночной воздух сиренами, прибыли машины ГИБДД и «скорой помощи». Мужичка из «Москвича» быстренько уложили на носилки и впихнули в «скорую», в нем еще теплились остатки жизненных сил.

Теперь все столпились на трассе возле опрокинутого на «шестерку» «КамАЗа». Тело водителя самосвала удалось достать довольно быстро, а вот из легковушки то, что осталось от людей, прибывшая служба спасения

выковыривала долго, используя различные хитроумные механизмы. Только к утру из расчлененной с помощью домкратов и пневматических ножниц «шестерки» удалось извлечь тело Яны Борисовны. Ее грудь, зажатая между передним и задним сиденьями, замерла, не в состоянии впустить хоть немного воздуха.

Странно, она смотрела на себя со стороны, не ощущая ничего, кроме любопытства. Только в клинике, когда ее положили на операционный стол, и врачи начали колдовать над ней, она поняла, что должна вернуться. Вернуться, чтобы продолжать земную жизнь, полную страданий и радостей, разочарований и удач, побед и поражений. Какая-то неведомая сила заставила ее снова слиться со своим телом. Яна не сопротивилась этой силе, она знала, что свободна в своем выборе, что стоит только захотеть, и она может остаться здесь, где легко и радостно, где нет ни скорби, ни печали, но знала она и другое. Теперь, когда у нее появилась вера в свои силы, она должна остаться. Остаться, чтобы до конца прожить свою земную жизнь. Упругие потоки подхватили ее, перевернули на спину, и она, будто рука — в перчатку, нырнула в свое тело.

Световой тоннель, в котором секунду назад находилась ее сущность, потерял свою искристость, стал понемногу тускнеть и вскоре совершенно растворился, рассеялся, словно далекий песчаный смерч. Вместо него сквозь опущенные веки Яна почувствовала свет лампы, висевшей над операционным столом, услышала характерный щелчок, какой бывает, когда в рукоятку пистолета вставляют обойму, и резкую боль, заглушаемую введенными ей наркотиками. После этого все исчезло. Много месяцев спустя, переосмысливая все произошедшее с ней в ту ночь, Яна Борисовна поняла, что находилась какое-то время между жизнью и смертью, и ее душа уже готова была покинуть этот грешный мир, но почему-то задержалась...

* * *

Обычно этот сон навещал Яну Борисовну Милославскую в дни полнолуния. Так случилось и на этот раз. Она лежала на спине на кровати в своем небольшом деревянном домике. Этот дом она купила вскоре после того, как ее выписали из больницы.

Яна поняла, что не может больше жить в оставшейся кирпично-бетонной квартире, поэтому, сразу же занялась поиском нового жилья. На те деньги, которые стоила их трехкомнатная квартира в центре города, в то время можно было купить неплохой особняк, но Яна долго не могла

подобрать себе подходящее жилье. Представители риэлтерских фирм, которые занимались поисками подходящего варианта, уже начали отворачиваться от нее, когда Яна вновь и вновь появлялась у них в офисах. Милославская в сотый раз пыталась объяснить им, чего же она в конце концов хочет, но клерки не понимали ее.

Тогда она стала просто ездить по городу и рассматривать расклеенные на столбах и стенах домов объявления. Тактика у нее была простая. Она садилась на трамвай или автобус неподалеку от своего дома и ехала на нем до конечной остановки. Там она выходила и принималась внимательно изучать объявления, продвигаясь пешком к центру. Вскоре ей повезло. В тот день она поехала на трамвае номер десять, который ходил в Октябрьский поселок, и минут через двадцать вышла на конечной остановке.

Осмотрев полуразрушенную остановку у подножья покрытого лесом холма и не обнаружив ничего интересного, Милославская двинулась в обратном направлении. Она миновала дом престарелых, старую школу, новое здание поликлиники, несколько магазинов и вскоре оказалась на предпоследней остановке, которая почему-то называлась «Девятая линия».

«Странное название», — подумала Яна и принялась рассматривать объявления на деревянной стенке остановочного павильона. На одном листочке с «поплывшими» от дождя чернилами Яна прочла, что продается дом. Что-то екнуло у нее в груди и, едва разобрав корявый старческий почерк, она отправилась по указанному адресу.

Дом нашелся на удивление легко, даже не пришлось никого спрашивать. Оказывается, линиями в этом района назывались улицы, тянущиеся вверх от трамвайных путей. Пройдя два небольших квартала до Седьмой линии, она повернула направо. Здесь асфальта уже не было. Довольно пологая вначале, дальше дорога стала забирать все круче и минут через семь вывела Яну Борисовну почти на самую вершину холма. Несмотря на крутой подъем, Яна почти не ощущала усталости. Она пересекла асфальтовую дорогу, по которой прошел полупустой автобус и остановилась возле заросшего бурьяном участка, посреди которого стоял дом. Рядом с домом рос огромный дуб, зеленевший свежей весенней листвой.

Она постучала в калитку, уже зная, что это именно то, что она так долго искала. Немного подождав, Милославская отворила калитку и зашла на участок. Влекомая старой ржавой пружиной калитка со скрипом захлопнулась за ней.

В этот день все как-будто повернулось к ней лицом. Не было никакого

волнения или тревоги, только мысль, что все у нее получится, вселяла в Яну Борисовну уверенность в своих силах.

Владельцами дома оказались две престарелых сестры, одна из которых вскоре вышла во двор. Словоохотливая старушка объяснила Яне Борисовне, что дом им достался в наследство, и они быстро сошлись в цене. Уже через две недели, оформив все документы, Милославская переселилась в Октябрьский поселок, среди местных жителей называемый Агафоновкой. «Агафоновка, так Агафоновка, — решила Яна Борисовна, не слишком вдаваясь в этимологию этого названия, — наверное, какой-то Агафон был в этом месте первым поселенцем».

* * *

Вячеславу нравилась его рубашка, недорогая по западным меркам, но сшитая на славу. В мелкий горошек, с красивыми манжетами и аккуратными строчками. Вячеслав только что приехал из Франции, где находился в командировке, и теперь живописал Веронике прелести заграничной жизни.

— Недорого, но с умом, — в пятый раз повторил он, потягивая арманьяк «Septre». — И этот тоже, — ткнул он пальцем в бутылку с толстенным дном, — совсем недурен.

Он пил медленно, причмокивая и щурясь точно кот, объевшийся сметаны. Вероника сидела на кожаном диване, облаченная в привезенное Вячеславом платье. Его серебристая ткань выгодно подчеркивала округлые формы ее немного широковатых бедер, но в то же время позволяла видеть, что животик совсем не плоский.

— Нет, все-таки умеют эти негодники-французы вещи делать, — в свой черед восхитилась она, проводя ладонью по коленям. — Ничего не имею против, чтобы сгонять в Париж и приодеться.

— Для тебя нет ничего невозможного, — потянулся всем телом Вячеслав, — только намекни Жорке, — небрежным тоном закончил он.

— Намекни! — передразнила его Вероника. — Так он ведь со мной попрется! А мне свобода и независимость нужна.

Она недовольно поджала губы, и оттого вся ее кукольная, немного одутловатая физиономия постарела. Вячеслав краем глаза уловил эту гримасу, совершенно не красившую Веронику, и в который раз спросил себя, почему он до сих пор встречается с этой женщиной. Ответ пришел сам собой и спровоцировал на его не по-мужски сочных губах ледяную

усмешку. Потом он вспомнил их вчерашний полдень, то, с какой кошачьей томностью ластилась к нему Вероника, то, как ловко она удовлетворила его, и неприятная для него самая улыбка, вспоровшая его отражение в большом овальном зеркале, испарилась. Его глаза затуманились не то от воспоминания, не то от выпитого, и он широко зевнул.

— Ну, — недоверчиво усмехнулся он, — про независимость ты загнула...

Вячеслав выжидательно посмотрел на Веронику.

— Отчего же? — напряглась она. — Ты не думай, что без Жоры я бы жить не смогла. Я с головой дружу...

— Но языков иностранных не знаешь, — шутливо поддел свою любовницу Вячеслав, — а там без этого... — он поднял вверх указательный палец и закатил глаза.

— Выучу! — с апломбом крикнула Вероника.

— Поздновато, матушка, — хихикнул Вячеслав, — ушел поезд-то... Да ты не кипятись, это я так... Наши славянские бабы любой ихней сто очков вперед дадут. Я имею в виду Франкфурт этот гребаный с его аэропортом. Ну не иначе, как несколько кишок: сектор А-двадцать, сектор Б-сорок семь — хрен поймешь, как до этих секторов добраться. Лестницы, тоннели, лифты, переходы какие-то, залы длиною с семеновский мост... Хорошо, что на русских напал, подсказали, где лифт, а то бы так и бегал по второму этажу, а мой самолетик с первого стартанул бы! — Вячеслав засмеялся.

Его простуженный голос, наполненный рыкающим придыханием и сминаемый сухим рокочущим кашлем, наполнил комнату осколками битого стекла.

— Какого черта ты прямым рейсом не вылетел? — задалась справедливым вопросом Вероника.

— Вылетел бы, ежели бы билеты были, — издевательским тоном сказал Вячеслав. — Скажи спасибо Жоре, что он откладывает все на последний момент — ни с того-ни с сего лети во Францию, налаживай контакты с «ситроенщиками».

— Ну не надо, — брезгливо поморщилась Вероника. — За счет фирмы в Париж сгонял! Все-то ты недоволен...

Вероника старалась не смотреть на плакат с ухмыляющейся Бритни Спирс. Ее раздражала не только мерзкая улыбочка сытой американки, но еще и надпись в углу плаката: «Идол девушек».

Нет, ее, Веронику, нельзя было назвать завистливой или скаредной. Просто она не хотела ни с кем делить своего Славика, будь то какая-нибудь

бесстыжая секретарша или певичка с обложки журнала. В этой страстной и немного странной ее привязанности к Славику, как ей казалось, таилась та самая цельность славянской женской души, та испепеляющая и обольстительная наивность, о которой с таким подъемом вещал ее любовник. На миг глаза Вероники затуманили слезы восторга и жалости к самой себе. Да, иногда она могла поставить ему в упрек слишком уж дешевый браслет или банальное кольцо, подаренные ей к Рождеству или к Пасхе, но сама не мелочилась, если дело шло о его выгоде или спасении. Светка, ее подруга и завистница, в таких случаях не могла надивиться на ее «глупость», но Светкины советы и злопыхательство были не способны поколебать материнско-сестринские наклонности Вероники.

Вероника загадочно улыбнулась. Вячеслав, не обладая особой чуткостью, все же различил в этой улыбке сатанинский привкус. Вероника размышляла над тем, как объяснит Жоре наличие у нее серебристого платья и пары лакированных туфель со шнурочками. Чулки и белье — вне подозрения. Жора не контролировал ее нижнее белье, он путался во всех этих корсетах, поясах, чулках и бюстгалтерах. А вот по поводу платья и туфель мог задать весьма не деликатный вопрос.

Вероника лениво поднялась с дивана, продефилировала к бару и, отвинтив пробку с бутылки «Джек Даниэлз», плеснула себе в коньячную рюмку граммов пятьдесят и бросила кусок льда.

— Скажу, что была в «Парижанке», — задумчиво произнесла Вероника, словно была уверена, что ее мысли благодаря особой телепатии, свойственной любовникам и влюбленным, передались Славику, — не будет же он проверять!

— Не уверен, — шутливым тоном сказал Вячеслав и взъерошил свои светлые волосы, которые в этом жесте не нуждались, ибо и без того торчали, как иголки на дикобразе.

Вячеслав уделял большое внимание моде. Всем своим видом он старался показать, что, несмотря на свои сорок шесть, может жить и веселиться, как двадцатилетний парень. Конечно, он немного поправился, раздался, как говорят. Но его глаза, когда все шло как по маслу на работе и когда Вероника не досаждала ему своими вздорными идеями, сверкали ясной голубизной. Он поглаживал свою новомодную бородку, более темную, чем волосы, смоченные дорогим муссом и уложенные в лирическом беспорядке, и глядел на себя в зеркало, стремясь придать своему молодежавшему лицу особенно привлекательное выражение.

Но в тот самый момент, когда он, как ему показалось, был близок к цели, когда он лукаво улыбнулся самому себе, прикрыв веки и загадочно

растянув углы губ, его холеный фэйс был заслонен светлым, не совсем стройным силуэтом. Вероника подошла к зеркалу, держа в руке рюмку с виски, и принялась разглядывать себя с не меньшим интересом, чем это минуту назад делал Вячеслав.

— Какой ты меня находишь? — высокомерно поинтересовалась она, оборачиваясь к Вячеславу.

— Восхитительной, — через силу улыбнулся тот.

Неожиданно ему пришла на память хрупкая обаятельная Жаклин, с которой он провел пару вечеров в русском ресторане на улице Вавэн.

— Ты не меняешься... — льстиво улыбнулся Вячеслав, отмахиваясь от образа сексапильной француженки в черном бархатном платье и гася ценою исполинских усилий приступ кашля, — я понимаю Жорку — все никак не успокоится!

Он сдавленно засмеялся, поднялся с кресла и привлек к себе Веронику.

— А себя ты понимаешь? — томно прошептала Вероника, опуская рюмку на каминную полочку, отделанную мрамором.

— Иногда нет, — признался Вячеслав, поздравляя себя с тем, что в одни и те же слова при желании можно вложить массу смысла и оттенков, — не понимаю, как я позволяю Жорке спать с тобой.

Он закашлялся.

— Мне казалось, ты не из тех, кто ревнует... — усмехнулась Вероника. Переждав приступ кашля у любовника, она сильнее прижалась к его статной фигуре. — Надо что-то делать с твоим кашлем, — сердобольно добавила она.

И тут из ее рыжих волос, реющих где-то возле Славиного носа, вылупился призрак Жаклин. Он запорхал словно мотылек, легкий и неуязвимый. Жаклин молола какой-то французский вздор, обещая сумасшедшую ночь. Вячеслав видел, как приоткрываются ее чувственные губы, как она наклоняет голову, как улыбается неизвестно чему, как на его шее смыкаются изящные руки, как она вся запрокидывается и...

— Мечтаешь? — промурлыкала Вероника.

— Я хочу увезти тебя в Париж, — соврал Вячеслав, положив руки на Вероникины ягодицы. — Мне надоел этот дурацкий бизнес, все надоело! — он отдернул руки от Вероникиной попки и широко всплеснул ими.

Здесь уж Вячеслав не врал. Маленькая ложь тесно переплелась с признанием, полным страстной эмоциональной силы, и в итоге возник нерасторжимый комок правды и лжи, где последняя едва проступала. Вячеслав снова обнял Веронику.

— Ха-ха-ха, — запрокинув голову, засмеялась Вероника, — ты сошел с ума!

Ее карие глаза сузились от наслаждения, на скулах проступил румянец, тонкие брови чуть приподнялись, губы разомкнулись и застыли в плотоядной улыбке.

— У меня еще есть кое-что для тебя, — тихо проговорил Вячеслав, — пойдем.

Он разомкнул объятия, отстранился и, взяв Веронику за увешенное золотыми побрякушками запястье, потянул за собой. Они вошли в спальню.

— Ты это теперь так называешь? — хихикнула Вероника.

Вячеслав молча открыл ящик небольшого комода из светлого дерева и достал оттуда золотисто-черную коробочку.

— Это «Либертин», выдумка Вивьен Вествуд, — самодовольно улыбнулся он.

— Либертин? — округлила глаза Вероника.

— Во времена маркиза де Сада либертенами называли безбожных аристократов-развратников, — кашлянул он, — вот я и подумал, что тебе, моей маленькой развратнице, понравятся эти духи. Либертин — это женский род от либертен, поняла?

Он достал из коробки небольшой, увенчанный стеклянным католическим крестом пузырек. Отвернул шарообразную пробку. Вероника почувствовала запах лимона, мандарина и манго. Кисло-сладкое облако пронзила нота кипариса — Вячеслав водил пальцами по ее немного заплывшим ключицам. Аромат кипариса стал более явным, потом вдруг начал угасать, смываемый нежной фруктовой волною.

— Чудесно, — трепеща ноздрями, прошептала Вероника.

— И это не все, — зачарованно улыбнулся Вячеслав, поднеся руку к горлу — его вновь начал донимать кашель.

Справившись с ним, из того же ящика он вынул обитую синим бархатом длинную плоскую коробочку.

— Что это? — не выдержала Вероника.

Вячеслав протянул открытую коробочку Веронике.

— Часы? — в тоне Вероники ее любовник различил ноту разочарования.

— Но какие! — поспешил поддержать ее восторг и погасить ее разочарование Вячеслав. — «Алэн Манукян».

— Армяшка, что ли? — поморщилась Вероника, разглядывая прямоугольный черный циферблат с двумя малюсенькими золотыми стрелками.

Вячеслав хрипло засмеялся. «Жаклин бы так никогда не сказала», — с легким раздражением подумал он.

— Браслет из кожи питона, — гордо изрек Вячеслав, — а марка «Манукян» известна не только во Франции, но и во всем мире!

Вероника сожалела, что это был подарок, что она не могла прямо спросить, сколько стоят эти «манукяны». Она надеялась получить браслет или колье, или цепочку с подвеской. Часы... Она вздохнула, стараясь вложить в этот вздох всю гламурную томность, на которую была способна. Только бы Славик не счел ее разочарованной!

Она надела часы на руку и обняла Вячеслава. Тот погладил ее по бедрам и задрал подол серебристого платья. Призрак Жаклин забрезжил в воздухе. Он тихо затрепетал, но вдруг метнулся в сторону, сметаемый жаркой волной знакомого шепота.

— Мой милый котик, — проворковала Вероника, — Жора сегодня нам сделал неслыханный сюрприз... У нас есть два часа, — кокетливо скосила она глаза на свои новые часики, — вчера все было как-то скомкано и...

— Ну что ты! — улыбкой мачо улыбнулся Вячеслав. — Я никогда так не торчал!

Его снова душил кашель. Вероника спустила бретельки и расстегнула молнию на платье.

— Если хочешь, я останусь в туфлях и в чулках...

Она знала о маленькой пикантной слабости Вячеслава — он любил заниматься сексом с не совсем раздетыми женщинами. То есть с женщиной, то есть с Вероникой... Ибо она свято верила в то, что никакая особа женского пола не стоит ее мизинца.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Оставив позади заснеженную станцию, поезд набирал обороты. Его равномерное покачивание на рельсах действовало на пассажиров лучше любого снотворного. Яна смежила веки и через каких-нибудь пять минут погрузилась в тягучий, как кавалькада кучевых облаков, сон. Она реяла в их серой вате, проплывающей мимо ее лица дымящимися клубами и принимавшими странные очертания. Иногда ей казалось, что перед ней знакомые лица, и она силилась припомнить, где их видела.

Едва догадка закипала в ее мозгу, облако проносилось с ошеломляющей силой и от него к щекам Яны шли грозные электрические разряды, отчего все ее жаждущее разгадки существо трепетало. Яна летела, чувствуя, что в ее волосы впрягается огненный ветер. Постепенно он терял силу и блеск и вдруг предстал в виде раздираемой неистовыми порывами дымки. Внезапно Яна почувствовала удушье. Она нащупала рукой горло, точно его сжимала стальная удавка или металлический галстук. Попробовала ослабить давление, но удушье только возросло.

Яна вскрикнула и открыла глаза. В зрачки ей ударила тьма, сковавшая помещение купе. И вслед за этим в дверцу купе постучались. В этом стуке Яна отчетливо различила испуг, который кто-то желал скрыть под покрывалом заботы. До нее донесся ритмичный голос проводницы:

— Выходим в соседний вагон... Аварийное отключение света... Без паники... выходим...

Кромешная тьма купе наполнилась встревоженными голосами пассажиров, жалобами и недовольством.

— Что такое? — испуганно спрашивала женщина с нижней полки.

— Не знаю, но если велено... — отвечал ей баритон мужчины сверху.

— А багаж? — взвизгнула женщина, лежащая на полке, располагавшейся под Яной.

— Ужас! — воскликнула соседка Яны. — Как же одеваться — света-то нет!

— Без паники, — скомандовала Яна, — ничего страшного. Это ненадолго.

— Откуда вы знаете? — с тревожным недоверием спросила рыжеволосая дама, с которой Яна обменялась при посадке вежливой улыбкой.

— Знаю, — сурово ответила Яна, удивляясь про себя силе своего

ставшего неожиданно чужим голоса.

— А багаж? — повторила колхозница, ехавшая на нижней полке.

— Выходи, сестра, — мужчина, еще две минуты назад спавший на верхней полке напротив Яны, был батюшкой, то есть попом.

Он вез две огромные сумки с церковной макулатурой и при каждом удобном случае пытался вернуть в неприветливый разговор пассажиров Слово Божье.

— Бред какой-то! — истерически вскрикнула рыжеволосая. — Ничего не видно.

Мрак купе наполнился суетливым копошением. Яна начала осторожно спускаться с полки и наткнулась на тучное тело попа.

— Извините, — сказала она, пытаясь нащупать сапоги.

В этот момент на нее налетела колхозница.

— Блин, так это ж пожар! — вдруг осенило ту.

— Никакого пожара нет, — с непреклонной интонацией в голосе ответила Яна, набросив на обнаженные плечи пиджак и рывком открывая дверь купе.

Тут ей в ноги ударило что-то тяжелое и огромное. Это поп повалился на пол, на своем пути увлекая за собой колхозницу.

— А-а-а! — истошно верещала та.

Свет, прянувший из коридора, вырвал из тьмы темный комок скукожившихся на полу людей. По коридору шли люди, постоянно вопрошая дрожащую от волнения проводницу о грядущей судьбе их багажа.

— Задымление, — бросила облаченная в пестрый бархатный халат женщина.

— Ничего особенного, — утешал всех парень в милицейской форме, — сработала пожарная сигнализация и включился порошковый огнетушитель. Через десять минут вы вернетесь в свои купе.

Яна еще раз посоветовала обитателям своего купе эвакуироваться, пообещав, что ничего не случится с их багажом, и спокойным шагом двинулась по проходу к тамбуру. Люди галдели, обмениваясь возгласами недоумения, страхами и опасениями. Где-то душераздирающе плакал ребенок.

— Ни хрена себе! — нервно смеялся стоявший в одном исподнем мужчина. — Так и околеть недолго!

— Да скоро все закончится, — успокаивала его девушка лет двадцати пяти в джинсах и пуховике, надетом на голое тело.

Она глубоко затягивалась сигаретой, судорожным жестом поднося и

вынимая ее изо рта.

— Ну и цирк! — хохотал мужик в черной болоньевой куртке, стоявший у самой двери.

Яна еле протиснулась через задымленный тамбур в соседний вагон.

— Минуты через две все кончится, — улыбнулась она девушке.

— И вагон наш отцеплять не будут? — ухмыльнулся седовласый мужик в куртке.

У него была ярко выраженная внешность алкоголика, его колени подгибались, а руки бессмысленно шевелились в воздухе.

— Не будут, — Яна снова вспомнила тот страшный вечер, когда в катастрофе погибли ее муж и сын.

— Кому расскажешь — не поверят, — не унимался мужик.

Видно, ему хотелось поболтать. Вскоре дверь за его спиной подалась и до трясущихся в вагоне людей донесся ободряющий возглас:

— Все, заходите!

Ехавшие в Янином купе люди так и не добрались до тамбура. Рыжеволосая тряслась как в лихорадке, стоя у туалета, колхозница, выпучив глаза, пялилась на находившихся рядом ментов, а поп отрешенно созерцал проносящиеся за окнами поезда пейзажи. Яна по-доброму усмехнулась этой его отстраненности. Сама она не различала ничего, кроме запорошенной снегом черноты.

— По грехам нашим, — вздохнул батюшка, не оборачиваясь к ней, — видно, почувствовал ее присутствие, — на все воля Божья, Яна Борисовна.

— Не буду спорить, отец Пантелеймон, — тихо произнесла Яна.

Пребывавшие в трансе попутчики Яны и отца Пантелеймона двинулись вслед за ними. В купе было непривычно светло. Коробка апельсинового сока, купленного Яной в привокзальном киоске, мирно соседствовала с початой бутылкой коньяка, которым баловалась рыжеволосая женщина, заполонившая купе своим дорогим парфюмом. У нее был расстроенный вид, но держалась она с апломбом, присущим людям нового сословия.

Яна за версту чувствовала таких. Они не раз приезжали к ней на своих шикарных иномарках за советами и консультациями. Жены пытались вернуть своих соvrащенных «простолюдинками» мужей, мужья жаловались на измену жен, любовники требовали, чтобы Яна сняла сглаз с их любовниц, любовницы «заказывали» остуду для своих ставших привязчивыми и малообещающими любовников, престарелые жены жаждали нагнать порчу на своих более молодых соперниц и так далее, и тому подобное.

Яна часто прибегала к отказу, когда чувствовала, что просьба клиента вызвана только корыстью или злобой. Существовало несколько вариантов отказа. «Не хочу», «не могу», «не умею». Последний вариант, к которому она иногда прибегала, в отличие от первых двух, которыми не пользовалась никогда, был довольно слабым, но достаточным. По отношению к просителям таким отказом она ставила себя где-то между их интересами и возможными контринтересами в виде прямого отказа.

Конечно, такой ответ играл непосредственную роль отказа, но и таил в себе гласное признание собственной беспомощности и неумения, давая повод просителю всячески принижать ее как специалиста при каждом удобном случае. Короче говоря, таким ответом Яна вооружала человека против себя. Но бывали ситуации, когда ради собственного благополучия следовало пожертвовать своими интересами — все зависело от конкретного положения вещей.

Самым же мягким для клиента и в тоже время окончательным отказом служил вариант: «Сейчас неподходящее время для моей работы». Она жаловалась на неблагоприятное положение планет, время года, погоду и все прочее, мешающее ей принимать космическую энергию. Иной раз она притворно сожалела по поводу того, что у нее закончилась камфора, необходимая для смещения сознания.

Яна была чуткой, а потому порой беззащитной перед наплывом насквозь прагматических интересов, и поэтому должна была защищаться от подобных просьб. Она знала, что ее сила в сфере мистики и предсказания оборачивается слабостью и уязвимостью в делах земных, а потому более всего блюла свою чистоту, которую трактовала как возможность отключаться от сиюминутных людских слабостей, чтобы, открыв себя для восприятия космической мощи, оказать действенную помощь людям, подлинно нуждающимся в ее способностях и испробовавших все известные методы до того, как прибегнуть к ее услугам.

— А вы что по этому поводу думаете? — рыжеволосая заставила ее вернуться в обычное состояние сознания. — Вы, кажется, были уверены, что ничего страшного не случится? С вами все в порядке?

В голосе рыжеволосой звучало беспокойство. Вызвано оно было скорее всего тем, что Милославская слегка прикрыла глаза и сидела, прислонившись к перегородке, разделявшие соседние купе.

— Не беспокойтесь, — улыбнулась Яна и открыла глаза, — я — в норме.

— А как насчет пожара? — не унималась рыжеволосая.

— Так ведь не было никакого пожара, — уверенно произнесла

Милославская.

— Но вы знали об этом заранее?

— Можно и так сказать, — уклонилась от прямого ответа Яна Борисовна.

— Не хотите отвечать — не надо, — рыжеволосая обиженно поджала пухлые губы и сделала вид, что собирается снова лечь спать.

— Не обижайтесь, — остановила ее Милославская, — я действительно могу кое-что предсказывать, но люди относятся к этому по-разному.

— Ерунда, — сидевший рядом с ней батюшка провел рукой по пышной купеческой бороде, — только Господь знает, что нас ожидает. Так что не гневите Бога, сестра.

— Не буду с вами спорить, отец Пантелеймон, — Милославская скромно потупила глаза, — я уважаю человеческие заблуждения.

— Что вы имеете в виду? — грузно, всем телом повернулся к ней поп.

— Спросите у вашего Бога, — улыбнулась Яна, — возможно, он вам объяснит.

— Не богохульствуй, сестра, — батюшка осенил себя крестным знаменем и собрался еще что-то сказать, наверное, привести цитату из Святого Писания, но рыжеволосая перебила его.

— Простите, отец Пантелей, — быстро проговорила она, бросив на попа короткий взгляд и посмотрела на Милославскую.

— Нам нужно с вами поговорить.

— Пантелеймон, — недовольно пробурчал батюшка и, выдвинув лестницу, стал забираться на верхнюю полку. — Спокойной ночи.

— Пожалуй, мне тоже необходимо немного поспать, — Яна встала и полезла на соседнюю полку.

— Но... — неуверенно произнесла рыжеволосая.

— Поговорим завтра, — кивнула ей сверху Милославская, — поезд прибывает в Семеновск около часа дня, так что еще успеем.

— Хорошо, — на удивление быстро согласилась рыжеволосая, — кстати, меня зовут Вероника.

— Яна Борисовна, — Милославская кивнула ей сверху, — спокойной ночи.

— Надеюсь, что ничего страшного до утра не произойдет, — рыжеволосая сделала большой глоток коньяка прямо из горлышка.

«Как знать», — подумала Яна Борисовна и закрыла глаза. Заснула она моментально, как приучила себя делать в любых ситуациях.

* * *

Утром, за завтраком пассажиры вспомнили о вчерашнем инциденте с задымлением.

— Вот Яна Борисовна... я правильно говорю? — обратилась колхозница к Милославской, и та кивнула, — сразу сказала, что ничего страшного. Такая спокойная была... — уважительно добавила она.

Яна тихо рассмеялась. Наивность этой женщины тронула ее.

— А как вы догадались? — заинтересованно спросила Вероника.

— Просто увидела, — улыбнулась Яна.

— Как в кино? — наивно спросила колхозница.

— Это особый дар, — со значением обвела взглядом присутствующих Вероника, — им немногие владеют, но многие притворяются, что его имеют и вводят простых людей в заблуждение.

На ее губах появилась горькая усмешка.

— Вы о ком говорите? — спросила колхозница.

— Об экстрасенсах, — нехотя сказала Вероника, — я у одной такой дамы была — знакомую разыскивала. Так она меня в Подмоскowie направила, к ее родственникам, а оказалось, что те ее не видели уже несколько лет. Зря проехала, — разочарованно вздохнула она.

— И сколько вы ей заплатили? — поинтересовалась колхозница, — проводя руками по всклокоченным волосам в тщетной попытке заправить неровные пряди за уши.

— Достаточно, — уклончиво ответила Вероника и выразительно посмотрела на Яну.

— А что, ваша знакомая пропала? — удивленно приподняла брови колхозница.

— Да, — односложно ответила Вероника и опустила глаза. — Вы могли бы помочь мне? — шепнула она сидящей рядом Яне.

— Поговорим позже, — Яна поднялась с полки, достала с вешалки сумку, где у нее лежал дамский несесер и, прихватив вафельное полотенце, отправилась умываться.

* * *

Поезд прибыл на станцию без опоздания. Сойдя на заснеженный перрон, Вероника терпеливо ждала свою попутчицу. Наконец, та появилась

с небольшой темно-синей сумкой. Она была без шапки, и ее отливающие как вороново крыло черные волосы, собранные в течение всей поездки на затылке, получив свободу, рассылались гладкими блестящими прядями по светлому меху ее полушубка. Ей можно было дать лет сорок. Немного резкие черты лица, тонкий профиль и плотно сомкнутые губы придавали ей сосредоточенное выражение. Глубоко сидящие синие глаза, казавшиеся черными из-за темных кругов под ними и выступающих надбровных дуг, смотрели пронзительно, словно цепляли собеседника, и одновременно поражали какой-то неземной отрешенностью. Создавалось двойственное впечатление, словно Яна проницала взглядом человека и в то же время с какой-то ожесточенной пристальностью всматривалась в надмирные сущности, стремясь открыть за видимой оболочкой вещей их подлинное значение.

Вероника еще колебалась, стоя на перроне, но, увидев свою черноволосую попутчицу, поняла, как должна поступить.

— Вы должны мне помочь... — взволнованно проговорила она, пристраиваясь с правой стороны — осаждаемые неумно-алчными таксистами пассажиры шагали к тоннелю.

Яна чуть заметно поморщилась, и Вероника поняла, что выразилась неуклюже.

— То есть вы, конечно, мне ничего не должны, но я вас умоляю, помогите!

— Несмотря на ваше разочарование в экстрасенсорике, вы готовы снова прибегнуть к помощи такого рода? — чуть приподняла брови Яна.

— Есть разные врачи, инженеры и политики... — затараторила Вероника, — также есть и разные экстрасенсы. Я читала одну такую книгу... Ах да, «Дар бессмертия» называется, там про настоящих экстрасенсов речь шла. Разные случаи описывались. Я знаю, что быть экстрасенсом не просто, что они теряют массу энергии, часто становятся жертвами недобрых людей...

— Видите ли, я не экстрасенс, точнее говоря, не совсем экстрасенс. У меня свои методы.

— Так вы поможете мне? — неожиданно просияла Вероника, — у меня очень неприятная ситуация...

Тут ее лицо погасло, брови сомкнулись на переносице, а между ними образовалась глубокая складка. На глаза навернулись слезы.

— Вы уверены, что никак по-другому не сможете преодолеть эту трудную ситуацию? — недоверчиво спросила Яна.

— Уверена, — влажно блеснули глаза Вероники.

— Хорошо, — Яна остановилась перед входом в тоннель, — записывайте мой адрес. Только я вас должна предупредить: стопроцентной гарантии, что я возьмусь за ваше дело, нет. Вначале я должна узнать, о чем идет речь, то есть побеседовать с вами в спокойной обстановке, все взвесить и тогда уже...

— Конечно-конечно, — вновь повеселела Вероника, светившаяся надеждой, — я вам щедро заплачу!

— Об этом поговорим, когда вы введете меня в курс дела и когда я точно буду знать, смогу ли вам помочь... — ровным голосом сказала Яна.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Дома Яну ждало настороженное молчание стен. Она свыкалась с этим молчанием, когда долго никуда не уезжала, и спокойно переносила его, испытывая зачастую удовольствие от сознания своей уединенности. Но вот когда возвращалась из какой-нибудь поездки... Словно в ней подсознательно жила уверенность, что кто-то остался ждать ее в этом пустом и тихом жилище, словно стоит ей погромыхать ключом в замке и навстречу ей выскочит ее сын...

Приняв ванну, Яна вытянулась на обитом зеленым бархатом диване. Она любила свой кабинет, его немного мрачноватые тона, его магический ореол.

Задрапированные плотной материей стены, старинное кресло, спинка которого поблескивала темной бронзой, подушечка для ног — на черном фоне три красные лилии. Плотные занавеси, делящие кабинет на две комнаты, широкий диван, коврик для упражнений, небольшой алтарь с семирожковым каббалистическим подсвечником с высокими свечами. Изумрудный ковер с вышитыми катренами Нострадамуса, африканская маска, крохотный комод, статуэтки египетской кошки, Анубиса и бога Тота, два удобных кресла для посетителей, низкий и узкий столик, покрытый черным китайским лаком, на котором замерла копия скульптуры Родена — «Две танцующие руки». Ее взгляд скользил с одного предмета на другой, пока не потонул в огромном венецианском зеркале, рассекающем книжные полки на два симметричных отдела и — стоило только довериться ему — поглощающему всю комнату без остатка, уводящему сверкающими лабиринтами в страну нездешних грез и возможностей...

Яна закрыла глаза. Она чувствовала себя уставшей. Можно даже было сказать, что она чувствовала себя подавленной и угнетенной. Она глубоко вдохнула, задержала дыхание и медленно выпустила воздух из легких.

«Я спокойна, я спокойна и раскована, внушала себе Яна.

— Чудесное чувство покоя и уверенности распространяется во мне, я полна мира и гармонии. Я хорошо чувствую себя такой, какая я есть сейчас, я по-настоящему радостна и счастлива...»

Яна смежила веки и уснула. Она проспала до шести утра и проснулась отдохнувшей и просветленной. Ее сон был настолько крепок, что привидевшееся ей пламя, kloкочущее тысячью языков и плавящее черный воздух, не смогло вырвать ее из дремучей бездны сна, где она витала точно

срошенная с покойной сумеречной жизнью океанских глубин.

* * *

Ровно в одиннадцать утра в прихожей раздался звонок. Накинув на плечи старый полушубок, Яна вышла во двор и, пройдя по узкой дорожке к калитке, отодвинула щеколду.

— Здравствуйте, Яна Борисовна, — за забором стояла Вероника в дорогой короткой шубе из чернобурки.

— Добрый день, — Милославская окинула посетительницу беглым взглядом. — Проходите.

Она заметила, что та приехала одна на маленьком желтом «Фольксвагене», который теперь стоял на дороге.

Готовясь к этому визиту, Яна уже знала, что рыжеволосая посетительница, как, впрочем, и многие другие, старается произвести на собеседника особое впечатление. Для этого у Милославской имелась колода специальных карт, при помощи которых она настраивалась на определенную ситуацию. Карты эти она изготавливала сама, постоянно их изменяя и усовершенствуя. Они представляли собой картонные прямоугольники размером с обычные игральные карты. Отличие же заключалось в том, что на них вместо обычных изображений королей или десятков-девяток были нарисованы черной тушью оригинальные символы, понятные только Яне Борисовне. Например, карту, которую Милославская для себя называла «Царство Аида», она изображала то в виде полной луны с потухшим взором, то в виде разверзнувшейся между двух гигантских скал бездны, из которой вырывалось всепоглощающее пламя.

Вместе с изменением изображения менялась и сила воздействия карты. Чисто интуитивно Яна подбирала такой рисунок, который помогал ей настроиться на какое-то действие наилучшим образом с наименьшими затратами энергии. Но даже самая лучшая карта отбирала у нее столько сил, что она не могла использовать подряд больше двух карт. Единственной картой, которой она могла пользоваться три или даже четыре раза подряд был «Джокер» или, как она ее еще называла, «Сюрприз». На ней в прошлый раз Яна нарисовала висящий над пустыней остроугольный полумесяц с задорно звонящим колокольчиком.

Эта карта иной раз выдавала такую информацию, которую не всегда и не сразу можно было понять, но в конечном итоге, приложив дополнительные усилия, можно было подойти к проблеме с неожиданной

стороны. Перед появлением Вероники Милославская использовала другую карту — «Взгляд сквозь оболочку», которая помогала ей определить настроение человека и его стремления в данный момент. Два витка уходящей в бесконечность спирали словно разворачивали недреманное око, в зрачке которого, как в камее, был запечатлен профиль то ли индейца, то ли древнего египтянина. Нижняя спираль, острым концом тянущаяся к зрачку справа, скользила над верхним полушарием некоего шарообразного тела. Было впечатление, что глаз висит в черном океане космоса, где островками млечного пути клубились звездные острова.

Вернувшись в сопровождении Вероники в дом, Яна предложила ей раздеться и прошла в приемную. Сверкая навешанными на себя драгоценностями, рыжеволосая проследовала за ней.

— Присаживайтесь, пожалуйста, — не дожидаясь, пока Вероника усядется, Яна заняла свое рабочее кресло. — Я вас слушаю.

— Вот, — немного помолчав, Вероника достала из черной, расшитой стразами сумочки маленькую коричневую пуговицу и положила ее на лакированную поверхность стола.

Яна выжидательно смотрела на посетительницу, положив руки на подлокотники. Та явно занервничала.

— Если хотите, я могу заплатить вам заранее, — произнесла Вероника, явно чувствуя себя не в своей тарелке.

— Об этом поговорим позднее, — Яна отрицательно покачала головой, не глядя на пуговицу, лежащую на столе. — Изложите свою просьбу.

— Я хочу, — собравшись с мыслями, сказала Вероника, — чтобы вы помогли мне отыскать одного человека.

— Эта пуговицу принадлежала ему? — Милославская скосила глаза на стол.

— Да.

— Вы мне говорили, что не первый раз пытаетесь воспользоваться услугами экстрасенса, — посмотрела на Веронику Яна Борисовна.

— Да, — Вероника недовольно поджала губы, — только меня отправили в неверном направлении.

— Это бывает, — усмехнулась Яна, откинув назад свои черные блестящие волосы.

— Но... — замялась Вероника.

— Вы же сами говорили, — спокойно возразила Яна Борисовна, — что, как и люди обычных профессий, экстрасенсы бывают разной квалификации. К слову сказать, у меня нет никаких дипломов или грамот. Может быть, вы хотите обратиться к кому-то другому?

— Нет, — резко покачала головой Вероника, — я пришла к вам и хочу, чтобы вы со мной поработали.

— Отлично, — улыбнулась Яна, — ваша уверенность мне очень импонирует. — Так что же это за пуговица?

— Эта пуговица, — Вероника наклонилась к столу, и коснулась пальцем коричневого кругляшка, — с костюма одного человека...

Вероника замолчала как бы пытаясь лучше сформулировать свою просьбу, и Яна не стала ей мешать. Она только откинулась на спинку кресла и расслабилась.

— ...Человека, который мне дорог, — сдавленно произнесла наконец рыжеволосая.

Что-то в ее словах показалось Яне неискренним, но она не стала пока напрягаться, не зная точно, что все-таки от нее требуется.

— Если вы сможете мне сказать, где сейчас находится этот человек, я хорошо вам заплачу, — добавила Вероника.

— Вы заплатите мне столько, сколько я скажу, — Яна слегка склонила голову на бок, — иначе мы просто не договоримся. Моя работа, как и всякая другая, может быть оценена. Но оцениваю ее я сама, потому что никто другой сделать это не в состоянии. Если цена вас не устроит, мы просто расстанемся, пожелав друг другу всего хорошего. Кстати, я могу отказаться выполнять ваш заказ и без объяснения причин. В этом случае, естественно, я ничего с вас не возьму. Устраивает вас такой расклад?

— Думаю, да, — неуверенно приподняла плечи Вероника.

— Кажется, ничего другого мне не остается...

— Ну, почему же, — Яна подняла глаза к потолку. — Вы можете отказаться уже сейчас.

— Я остаюсь, — нахмутив брови, прошептала Вероника.

— Хорошо, — Яна Борисовна вздохнула и поднялась с кресла. — Хотите кофе?

Не дожидаясь ответа, она отправилась на кухню, оставив гостью в некотором замешательстве. Что, собственно, и требовалось. Человек в состоянии даже легкого стресса раскрывается, и тогда становится гораздо проще понять, что он из себя представляет. Человек, обладающий необыкновенными способностями, все же не Бог и даже не волшебник, хотя он часто совершает поступки или действия, не понятные обычному, малочувствительному человеку. Он может заглянуть в прошлое или будущее, зачастую сам не вполне понимая, как это ему удается.

Пока Яна заваривала кофе в маленькой серебряной джезве, мысленно она была там, в своем рабочем кабинете. Чем-то Вероника была ей

неприятна, но она еще не понимала, отчего это происходило. Пока что та не сказала ничего о своих меркантильных интересах, если они присутствовали, и Яна предполагала, что их может и не быть. Что ж, всегда лучше разыскивать пропавших людей, чем исчезнувшие деньги или драгоценности. По крайней мере, Яне это было гораздо ближе и понятнее.

Она вернулась в комнату с маленьким подносом, на котором стояли две темные керамические чашечки, от которых исходил изумительный аромат. Этот аромат был сродни запаху сандала или лаванды.

— Угощайтесь, пожалуйста, — она поставила поднос в центр стола и снова заняла свое удобное кресло, в котором так удобно было расслабляться и концентрироваться.

Она первой взяла с подноса чашку и сделала крохотный глоток. Тепло, смешанное с ароматом кофейных зерен, приятно согревало тело.

— Итак, — подождав, пока и Вероника попробует кофе, спросила Яна Борисовна, — что вы хотите узнать о человеке, которому принадлежала эта пуговица?

— Скажите мне, — Вероника поставила чашку на стол рядом с пуговицей, — жив ли он?

— Вы в этом сомневаетесь? — Яна приподняла брови.

Ей что-то определенно не нравилось.

— Да, — торопливо кивнула Вероника.

— Это все, что вы хотели бы знать? — Яна приготовилась к сеансу.

— В любом случае, мне нужно еще знать, где он находится, — гостья снова подняла кофе и поднесла чашку к губам.

— Хорошо, — Яна Борисовна сосредоточенно кивнула, — вы мне поможете, если тоже будете думать об этом человеке, — добавила она. — Вам это будет стоить тысячу рублей. Надеюсь, это не слишком разорительно?

— Ну что вы! — Вероника торопливо полезла в сумочку, стразы которой таинственно сверкнули в приглушенном свете электрической лампы.

Она положила на стол две пятисотенные купюры и отодвинула их от себя. Выдвинув маленький ящичек, Яна смахнула туда деньги и, достав небольшую колоду карт, принялась за работу.

Гостья взяла пуговицу и переложила ее ближе к Милославской.

— Не нужно лишних движений, — резко осадила ее Яна Борисовна, — я же сказала, что вам следует делать. Если не хотите помогать, то уж не мешайте, во всяком случае.

— Извините, — Вероника положила руки на сумочку, покоящуюся у

нее на коленях.

Она чувствовала силу этой черноволосой женщины, сидящей напротив нее и глядящей куда-то мимо, и уже начала жалеть, что решилась на этот опыт. Лучше бы она не приносила сюда эту чертову пуговицу. «Это все Светка придумала, леший ее подери, — ругала она про себя подругу. — Теперь все может быть испорчено. Ладно, — попыталась она себя успокоить, — теперь уже поздно идти на попятный, будь что будет». Вероника нервно затеребила перстень с розовым сапфиром на среднем пальце правой руки.

В это время Яна Борисовна, тщательно перетасовав колоду, выбрала две карты: «Царство Аида» и «Взгляд сквозь пространство», слегка встrepенулась, словно стряхивая с себя легкое оцепенение, и с иронией, смешанной с сожалением, посмотрела на посетительницу.

— Ну что? — Вероника подняла голову, стараясь не смотреть Милославской в глаза.

— Нужно будет еще кое-что уточнить, если вы этого потребуете, — медленно и четко артикулируя слова, произнесла Яна, — но, боюсь, мне нечем вас обрадовать. Человек, которому принадлежала эта пуговица, скорее всего, мертв, причем, довольно давно, как минимум два года. Это ваш родственник, — продолжала она, наблюдая за реакцией Вероники, — который гораздо старше вас, скорее всего, отец или дядя... Он был похоронен по православному обряду в присутствии большого скопления родственников и друзей.

— И вам об этом хорошо известно, — с оттенком раздражения добавила Милославская, немного помолчав. — Я права?

Вероника, и так не зная, куда деться от стыда, опустила глаза.

— Думаю, — жестко сказала Милославская, — вам лучше сейчас уйти. Мне не нравится, когда со мной играют в такие игры.

Она положила обе карты назад в колоду, оставив ее в руках.

— Погодите, — умоляюще посмотрела на нее Вероника, — я должна вам кое-что объяснить.

— Избавьте меня от этого, — уголки плотно сжатого Яниного рта нервно дернулись, — мне и так все ясно.

— Нет, — почти закричала раскрасневшаяся посетительница, глаза которой горели страстным огнем, — вы должны меня выслушать.

«Господи, — подумала Милославская, — кажется, я снова нарвалась на психопатку, — с ними нужно поосторожнее». Вслух же она сказала, стараясь придать голосу всю возможную мягкость:

— Послушайте, Вероника, — Яна специально назвала посетительницу

по имени, чтобы немного успокоить ее, — кажется, мы заключили с вами договор, и все его положения я выполнила, вы так не считаете? — Она с меланхоличным видом тасовала колоду.

— Да, да, все правильно, — согласно закивала Вероника, — только, боюсь, вы меня неправильно поняли.

«Ах, я ее еще и не поняла, — резюмировала про себя Яна, — значит, случай действительно тяжелый. Что же мне с ней делать? Не спускать же собаку...»

Полуторагодовалая среднеазиатская овчарка, которая жила с Яной, приученная к порядку, спокойно дремала за занавесом. Но спокойной она была только тогда, когда этого требовала хозяйка. Яна не знала другой собаки, которая была бы настолько предана и так сильна, чтобы без раздумий выполнить любой приказ. Джемма только тихонько сопела носом, ожидая либо разрешения войти, либо другого приказа. Джемму Яне Борисовне привезли из Туркмении, где отдали за нее большие деньги, и теперь, несмотря на то, что она была еще молодой сукой, весила больше сорока килограммов и вполне могла справиться со взрослым человеком, тем более с женщиной.

Однажды, когда Джемме только исполнился год, Яна гуляла с ней по набережной Волги, где, как обычно, выгуливали своих четвероногих питомцев многие семеновцы. В тот злополучный вечер там же оказался мощный белый бультерьер с розовыми поросячьими глазками, хозяин которого — рахитичный очкарик — по всей видимости, страдал комплексом неполноценности и всячески поощрял свою собаку, задиравшую других животных.

Для этого совсем не обязательно собаку натравливать или давать ей команду «фас», достаточно всего лишь с улыбкой относиться к ее проделкам — животное все прекрасно поймет. Этот белый кобель прекрасно понимал, что от него требовалось — показать свою силу. Но в этот раз он ошибся. Ошибся в своих силах.

Подбадриваемый негласно своим хозяином, бультерьер сперва облаял Джемму, на что та отреагировала довольно флегматично, а потом попытался припугнуть Яну Борисовну. Этому Джемма снести не могла. Привыкший всегда побеждать здоровенный бультерьер смело кинулся на Яну. Возможно, он и не собирался причинить ей вреда, Бог его знает, но Джемма рассудила по-своему. Ринувшись наперерез белому упитанному обрубку, она схватила его за холку и, приподняв над землей, пару раз с ожесточением тряхнула головой. Таким приемом хищники обычно обездвигивают зайцев или другую дичь, переламывая им шейные

позвонки. То же произошло и с бультерьером. Он мгновенно потерял способность двигаться и тихонько почил в Бозе, успев только передать последний вздох подбежавшему очкарику.

Яна, еще не поняв, что бультерьер уже никогда не поднимется, растерянно смотрела на его хозяина, который начал было скверно ругаться и пошел на Яну с кулаками, но тут же осекся и замолчал, услышав предупреждающий рык Джеммы. В принципе, в гибели своей собаки виноват был сам хозяин, но Яна долго переживала эту смерть и всю дорогу объясняла Джемме, что она была не права. Джемма смотрела на хозяйку преданным взглядом, не понимая, за что ее ругают.

Начав серьезно относиться к парапсихологии и прочитав множество книг, Яна стала тренировать Джемму выполнять ее телепатические приказы. Это заняло какое-то время, но когда у Яны с Джеммой начало что-то получаться, Милославская поняла, что при таком общении с собакой не нужно даже, чтобы сначала команды выполнялись «с голоса». Яна всего-навсего представляла себе мысленно, что она хочет от собаки, и Джемма, сначала как бы не понимая, откуда к ней поступает приказ, начала постепенно повиноваться.

К удивлению Яны, обучение было настолько эффективным, что теперь, на каком бы расстоянии друг от друга ни находились хозяйка и собака, Джемма всегда грамотно исполняла то, что мысленно ей приказывала Яна. Жаль только, что с людьми так не получалось.

— Может быть, вы считаете, что я в чем-то ущемила ваши интересы? — Яна без злости посмотрела на Веронику.

— Нет, нет. Все правильно, — заверила ее рыжеволосая. я это сделала, чтобы быть уверенной в ваших способностях. Вы не должны на меня за это сердиться. Я уже однажды столкнулась с некомпетентностью и поэтому решила вас проверить. Прошу меня за это извинить. Поймите меня правильно. Я должна быть уверена, что имею дело с профессионалом...

«Довольно логично», — подумала Яна, но продолжала молчать, наблюдая за своей гостьей.

— Так вот, — горячо продолжала та, — по-другому я бы не смогла этого узнать. Но теперь, когда все встало на свои места, и вы, как вы только что сказали, выполнили условия нашего договора, мы могли бы перейти к следующему пункту. Вернее, мы могли бы заключить новый договор. Вы согласны?

Она говорила с таким запалом, вполне четко формулируя свои мысли, что Яна согласилась ее послушать.

— Ладно, — кивнула она, — можете продолжать.

— Вы на меня не сердитесь? — робко улыбнулась Вероника.

— Это не имеет значения, — покачала головой Яна Борисовна, — вполне достаточно того, что я готова к дальнейшему сотрудничеству. Сотрудничеству, заметьте, — добавила она, допивая остывший кофе.

— Да, — Вероника нервно сглотнула слюну, — все верно... то, что вы мне сказали о моем отце. Эта пуговица именно с его пиджака. Вы позволите мне закурить? Я чувствую себя без сигареты не слишком уверенно.

— Ну, — пожала плечами Яна, — если вы без этого не можете обойтись...

Вероника вынула из сумочки пачку сигарет, изящную золотую зажигалку и закурила, ища глазами пепельницу. Обычно, во время сеансов Яна не курила — это несколько рассеивало внимание — не стала она делать этого и сейчас, но медленно поднялась и, взяв с полки небольшую медную пепельницу, поставила ее на стол.

— В чем же все-таки заключается ваша проблема? — Яна снова заняла свое место напротив Вероники. — Только прошу вас, — предупредила она, — говорите мне правду, я все равно узнаю, если вы мне соврете.

— Да, да, конечно, — выпустив дым через ноздри, ответила Вероника, — я это уже поняла. Дело в том, — снова помедлив сказала она, — что погиб один человек. Сгорел в своем гараже. Несчастный случай, так сказать...

— Хорошо, — машинально похвалила ее Яна, но тут же поправилась, — то есть ничего хорошего, конечно, в этом нет, но мне импонирует, что сейчас вы говорите откровенно. Продолжайте.

— Незадолго до этого я дала ему деньги, довольно большую сумму... для меня, потому что он попал в неприятную ситуацию. Это было связано с его работой. Его звали Вячеслав Сергеевич Горбушкин, если вам это нужно.

— Не обязательно, — слегка развела ладони Яна Борисовна, но раз уж вы сказали...

— Так вот, — Вероника снова с трудом сделала глотательное движение, словно у нее воспалились гланды, — он оставил мне нотариально заверенную расписку в получении денег. В принципе, я могла бы попробовать получить долг с его дочери, она уже совершеннолетняя и единственная его наследница. Но, к сожалению, она куда-то исчезла, пропала, испарилась.

— Вы пытались ее найти?

— Да, конечно, — грустно улыбнулась Вероника, но поняла, что это

мне не по силам. Понимаете, заявлять в милицию я не могу, Слава — просто мой любовник. Других родственников, кроме дочери, у него нет.

— А жена, или бывшая жена? — Яна подняла на Веронику пронизательные глаза.

— Они давно разведены, — вздохнула Вероника, — так что у нее на его наследство тоже не может быть никаких претензий. Вернее, претензии-то могут, конечно, быть, только все это безнадежно.

Яна не стала интересоваться тем, насколько для ее клиентки реальны шансы получить долг отца с дочери. Она слабо улыбнулась и спросила:

— Вы долго искали девушку?

— Уже месяц, как ее нет. Я не знаю, — растерянно посмотрела на Яну Вероника, — может, она у какого-нибудь парня или подружки? Квартира на замке.

— А ваш любовник жил вместе с дочерью?

— Она то снимала отдельную квартиру, то жила с ним, — вздохнула Вероника. — Я старалась не замечать ее... хотя, конечно, не могла сбросить со счетов ее существования.

Вероника стыдливо потупила глаза.

— Вы хорошо знали эту девушку?

— Не могу сказать, — пожалала плечами и виновато улыбнулась Вероника, — да она всегда недолюбливала меня, считала, наверное, что я краду у нее ее папочку.

Яна немного поморщилась. Эта гримаса не ускользнула от внимания Вероники.

— Извините, что я вам все это рассказываю, — спохватилась она.

— Наоборот, — подбодрила ее участливым взглядом Яна, — мне важно знать побольше информации об этой девушке и ее отношениях с вами. Это поможет мне настроиться. У вас есть какой-нибудь принадлежащий ей предмет?

— У меня есть ее фото, вернее, наше совместное фото.

Вероника достала из своей роскошной сумки небольшой блокнот, а из него — картонный прямоугольник. Яна взяла протянутую ей фотографию и принялась ее рассматривать.

Фото являло «святое семейство». Яна без труда догадалась, что мужчина, запечатленный на фото, не кто иной, как Вячеслав. У него были квадратные челюсти, взгляд исподлобья, светлые волосы, пронзительно синие глаза, крупный нос и резко контрастирующий с жестким подбородком сочный округлый рот.

Он был в одних плавках, поэтому Яна могла оценить его фигуру —

немного оплывшую с боков, но все еще сохраняющую мускулистую силу юности. Вячеслав был крепкого телосложения, с короткой шеей и мощно развитой грудью.

Рядом с ним стояли две фемины. Одна, в ней Яна узнала Веронику, приникла к тяжеловатой фигуре Вячеслава. Она была в закрытом купальнике, черном с белой отделкой, на шее — изящное ожерелье из слоновой кости. Волосы Вероники были забраны назад, высоко открывали ее красивый покатый лоб и нестерпимо сияли на солнце — огненной медью. Вероника широко улыбалась, демонстрируя свои крепкие ровные зубы.

С другой стороны к мужчине прислонилась юная стройная девушка лет двадцати двух. Она казалась особенно хрупкой и миниатюрной рядом с Вячеславом. Пышные формы Вероники тоже в свою очередь выгодно подчеркивали ее утонченную легкость. Она была на удивление пропорционально сложена, с плоским животом и почти неразличимой грудью. Яна даже подумала, что лифчик ее розовато-белого купальника ей ни к чему.

Лицо девушки было не столько красиво, сколько оригинально: голубые продолговатые глаза под низкими, прихотливо изломанными бровями, правильный, хотя и немного широковатый нос, впалые щеки и большой чувственный рот. Девушка не улыбалась, смотрела исподлобья, словно была чем-то недовольна или затаила на кого-то обиду. На ее высокой шее, смуглую позолоту которой подчеркивали светлые распущенные волосы, висела изящная безделушка — серебристый, приплюснутый с полюсов «волчок».

В ее взгляде таилась какая-то загадочная сила, от лица веяло страстной сосредоточенностью.

— Так это и есть та девушка, которую вы разыскиваете? — нарушила молчание Яна.

— Да, — мотнула головой Вероника, — дочь моего друга.

— Расскажите мне о ней.

— Ее зовут Рита. Знаю только, что она довольно взбалмошна и эгоистична, полна бредовых идей и капризов. Привыкла, что папочка выполнял каждое ее желание. Видите, — недобро усмехнулась она, — какие губы себе сделала? Операция — мне потом Слава сказал — стоила три тысячи зеленых. И все это только для того, чтобы так изуродовать себя! Согласитесь, ее рот выглядит ненатурально, — с брезгливым пренебрежением передернула она плечами. — Ну разве не самодурство? Да с ее характером, какое себе лицо не сделай — все равно никого себе не

найдешь!

Вероника сверкнула глазами, чем вызвала у Яны тонкую усмешку.

— А эта ее работа! — гневно продолжила Вероника, — дизайнер не знаю чего! — она судорожно рассмеялась. — Больше по дискотекам да вечеринкам шлендрует, чем учится. Я всегда была несогласна со Славой, что касается методов воспитания... — выразительно посмотрела она на Яну. — Это мы в Сочи, — сменила вдруг нему Вероника, кивнув на фотографию, — отдыхали в «Редисон-Лазурная», — с томным вздохом добавила она.

— Хорошо. Я попробую настроиться на нее.

Яна молча перетасовала карты и, разложив их на столе, выбрала одну, которой она не воспользовалась в первом опыте.

— «Взгляд сквозь пространство». На карте была изображена отвесная скала посреди моря и слева от нее замерший в воздухе диковинный восьмигранник, в который был вписан совершенно круглый глаз. Его зеркальный выпуклый зрачок пугал, плавя и слегка искажая картинку тюремного окна, похожего на бойницу. От скалы по водной поверхности змеилась дорожка, а в нее били своими беспощадными трезубцами исходящие от восьмигранника молнии.

Яна положила карту на ладонь. Вероника с легким недоумением и недоверием наблюдала за ее действиями.

— Что? — обеспокоенно спросила Вероника.

Яна только сделала молчаливый пресекающий жест и сосредоточилась на карте. Она медитировала минуты три, потом приковала взгляд к бледному в зеленоватом свете лампы лицу Вероники.

— Где она? — привстала Вероника, вконец потерявшая терпение.

Яна, наконец, заговорила с закрытыми глазами:

— Ваша девушка совсем рядом, я чувствую ее дыхание. Немного учащенное, внутри — жар. Я слышу металлический звук... так хлопает дверца... Снег дрожит, в нем — черные дыры... Она проходит сквозь серое... Свет... она хочет укрыться от него. Синие поверхности следуют одна за другой. Из их брюха торчит что-то белое, мягкое, жалкое. Оно вываливается, падает вниз, когда она трогает его. Дальше, дальше, — крикнула как в экстазе Яна, — тяжелое, неживое лицо выплывает навстречу, темное, со сросшимися бровями, над ним — диадема, тоже из дерева... В зеркале — полая голова, она молчит. Угроза... Дыхание... Шаги... Кто-то хочет скрыть свои шаги...

«Бред какой-то!» — испуганно подумала Вероника.

— Страх, — неистово крикнула Яна, чем повергла Веронику в самую

настоящую панику, — что-то сдвинулось, что-то не так, хаос! Красное пятно... боль... оползень... растерянность... страх...

Яна резко опустила голову, потом запрокинула ее. Не открывая глаз, она вещала, как пифия.

— Лунная немота отверзает раны будущего! Женщины обманывают так же, как и мужчины. Оранжевое хочет поглотить красное тело, вдается в него, как море — в сушу. Красная кромка... на ней — синие глаза. Она там, она боится. Скрежет, я слышу сухой скрежет. Сердце падает в бездну. Тишина, наводненная отчаянием. Прячься!

Яна в изнеможении упала на спинку стула. Ее заполонила невероятная слабость, что была сродни усталости роженицы. Так же, как женщина, произведшая на свет ребенка, Яна дивилась внезапной пустоте и молчанию, открывшим перед нею тоскливые просторы безразличия. Слепота сковала ее глаза, ее опорожненное духовное чрево ныло, руки дрожали, на лбу выступила испарина.

— Куда вы? — открыв глаза, она увидела Веронику, стоящую у двери.

— Я положила... — боязливо кивнула та на стол.

Яна опустила глаза и увидела пять пятисотрублевых купюр.

— Этого достаточно?

— Вполне, — горько усмехнулась Яна. — Сегодня я уже ничего не могу для вас сделать.

— Ага... — попятилась Вероника, — думаю, я вас больше не побеспокою.

Яна озадаченно пожала плечами.

— Вы удовлетворены?

— Вполне, — натужно улыбнулась Вероника. — Я должна спешить. Простите меня.

— Конечно-конечно, — устало улыбнулась Яна, — всего доброго.

* * *

Вылетев из дома, точно пробка из бутылки с шампанским при неумелом открывании, Вероника села в свой одиноко стоявший «Фольксваген» и помчалась на улицу Пороховую. У нее не было никаких сомнений в том, что там, наконец, она сможет встретиться с этой «мерзавкой», как она нелестно про себя именовала дочь Вячеслава. Гибель Вячеслава была столь таинственной, столь внезапной, что Вероника даже почувствовала себя какой-то обманутой. Да, трагическая смерть, да, воля

случая или судьбы, если это не одно и то же, а может, чья-то месть или зависть, жестокое соперничество, но все же Вероника не находила в себе сил примириться со столь молниеносным уходом Вячеслава из жизни. Ведь она считала себя дамой его сердца, а потому частично считала его своей собственностью, ибо откровенно полагала, что Вячеслав обязан ей не только суммой денег, которую она добыла для него, заложив в ломбард свои драгоценности, но и вообще хорошим положением в обществе, счастьем быть обласканным и любимым.

Любовь и собственничество сливались в ее сознании, не привыкшем к саморефлексии и самокритике. Она просто не могла допустить мысли, как ни смешно и абсурдно это звучит, что Вячеслав перед тем, как распрощаться с жизнью, не обязал свою дочь рассчитаться с Вероникой. Несомненно, — думала она, останавливаясь у блеснувшего красной ухмылкой светофора, — он не посмел бы вот так кинуть меня, отдать меня на произвол судьбы. Ведь он знал, чего мне стоило достать для него эти деньги!

Вероника от досады прикусила губу, да так больно, что чертыхнулась вслух.

Внезапность и быстрота, с которой ее любовник покинул этот свет, ничего не значили для Вероники, они казались незначительно малыми и бледными перед амбициями ее самодовольного эгоизма. Словно за несколько секунд перед гибелью Вячеслав должен был спросить ее разрешения на смерть. Могу я, мол, тебя, дорогая, покинуть, или мне еще следует некоторое время потусоваться на этой грешной земле, дабы потешить твою жажду повелевать и властвовать?

Она так зримо представила себе лицо Вячеслава, что почувствовала резь в глазах, потом нестерпимое жжение, предвещавшее слезы. Резко стартанув с места, она обогнала старый «опель» и, свернув на перекрестке налево, двинулась к Пороховой.

«Повезло мне с этой Яной», — улыбнулась Вероника самодовольной улыбкой леди, знающей, что ее деньги принесли ей хороший результат.

Въехав в тесный, но уютный дворик, она припарковала авто у детской площадки, возле которой скучал темно-синий «БМВ». Шофер, парень с суперкороткой стрижкой, сопровождал ее долгим взглядом до подъезда. Она вызвала лифт, стремительно вошла в него, как только он прибыл и, полная затаенного торжества, поднялась пятый этаж. Вероника нажала кнопку звонка. Дверь открылась не сразу, вернее, металлический скрежет отпираемой двери слился в тумане Вероникиных воспоминаний с тупым звуком удара, после которого она потеряла равновесие, а вслед за ним —

представление о пространстве и времени, рухнув в черное болото немоты.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

— Очухалась? — широкоплечий парень с немного раскосыми глазами с издевательским состраданием смотрел на Веронику.

— Где я? — тупо взглянула она в его восточное лицо.

— Где, где, на пасеке в дупле, — загоготал второй парень, прыщавый дылда в провисших на коленках спортивных трико марки «Адидас».

— А эта ниче, симпотная, — наклонился он к Рите, молча наблюдавшей за глумившимися отморозками.

— Может, ты мне объяснишь! — Вероника вперила недовольно-требовательный взгляд в Риту.

Та лишь с высокомерным пренебрежением пожала плечами. Если бы она знала! Уже минут десять, как их привезли в это Богом забытое место. Рита чувствовала, что это отдаленный дом, затерянный на пустыре. Об этом говорила разлитая кругом тишина, в заснеженных глубинах которой притаилось что-то зловещее. Интерьер комнаты, куда их привели, не отличался особыми изысками, но вполне отвечал тяге городских жителей к сельскому покою и современному комфорту. В помещении было чисто и опрятно, на полу лежал огромный пестрый ковер, на стенах висели незамысловатые пейзажи, упорно варьировавшие деревенский мотив, массивная золоченая люстра глядела своими желтыми глазами из-под длинных, витиеватых подвесок, на стене тикали старинные громоздкие часы. Мебель вся была из темного дерева, основательная и дорогая. Плотнo задернутые шторы не позволяли видеть окрестную территорию, и если бы Рита не знала, что домой она пришла в половине первого, а на дорогу сюда ушло примерно полчаса, она не смогла бы понять, утро сейчас, день или сумерки.

Рита и Вероника со связанными руками сидели на стульях с изогнутыми спинками.

— Ты, Монгол, за ними присмотри, а я пойду шефа встречу, — буркнул верзила в трико.

Он двинулся к выходу. Веронику и Риту привезли с завязанными глазами, и первое, что они увидели после получасовой езды вслепую, была эта большая, заставленная тяжелой мебелью комната, да еще пара тупых придурков, во власти которых они вдруг оказались.

— Вся в папочку! — не удержалась от едкого комментария Вероника. — Вляпались по самое не хочу!

— Заткнись! — прошипела Рита и стала с высокомерно-отрешенным видом рассматривать один из трогательных пейзажей, украшавших стены.

— Эй, ты, — надменно посмотрела на Монгола Вероника, — ты, наверное, не знаешь, кто я...

— Щас шеф приедет, разберемся, — флегматично ответил Монгол, только его глаза, когда он скользнул взглядом по Рите, сверкнули плотоядным огоньком.

— Я тут ни при чем! — решительно, в полный голос заявила Вероника. — Мне ее папаша большие деньги должен.

— Он всем должен, — Монгол криво усмехнулся и сплюнул прямо на ковер.

— Кстати, ты не намерена отдать мне долг? — не скрывая ревнивой неприязни, взглянула Вероника на Риту.

— С чего бы это? — с притворной томностью улыбнулась девушка.

— С того, что твой дорогой папаша задолжал мне пятьдесят тысяч, понятно? — с вызовом отчеканила Вероника.

— Может, у тебя есть расписка?

— Представь себе! — гордо изрекла Вероника. — так что не отвертишься!

— Сколько пафоса! — хмыкнула Рита. — Дети не отвечают за своих отцов.

— Щас шеф приедет и всех рассудит — глуповато улыбнулся Монгол.

— А ты, нерусь, молчи, у нас тут свои дела! — самонадеянно сказала Вероника.

— Это кого ты, сука, так называешь?! — надвинулся на Веронику Монгол.

— Да успокойся ты, — усмехнулась Рита, — «мамочка» не в себе. Она привыкла приказывать и хорохориться!

В Ритиных глазах загорелись лукавые искорки.

— А что это ты такая спокойная? — вперила Вероника в Риту подозрительный взгляд.

На самом деле Рита вовсе не была спокойна — у нее душа уходила в пятки. Просто она усвоила несколько уроков отца, учившего ее, что в любой ситуации не нужно терять самообладания. И еще ее сердце грызла страшная обида, обида на человека, который ее так нагло и открыто предал. Пока она еще не знала, как отомстит ему, вначале ей надо выбраться из этой передраги... Ее уязвленное самолюбие, ее обманутое доверие, ее осмеянная жертвенность требовали решительных действий. Но сейчас Риту занимали только эмоции, действовать она была неспособна. И она с каким-

то мучительным злорадством теребила свои душевные раны.

Рита находилась под впечатлением открывшейся ей горькой правды и желчное повизгивание Вероники почти не задевало ее. Любовница ее отца казалась ей шавкой, недостойной внимания тех, кто переживает действительно сильные страсти. Она никогда не допускала мысли, что эта меркантильная особа могла по-настоящему любить ее отца. И то, что теперь ей, Рите, маленькой хрупкой девочке, было известно нечто такое, что перевернуло бы всю жизнь Вероники, приятно щекотало ее самолюбие. Она выиграла схватку за своего отца, эта рыжая больше никогда не увидит его, разве только в ночном кошмаре!

— И что же вы с нами намерены делать? — Вероника гордо приподняла подбородок и посмотрела на Монгола из-под прикрытых век.

— Что шеф скажет, то и будем, — осклабился бандит, — может, на костре изжарим, а может, в землю живьем закопаем.

Он судорожно рассмеялся.

— Что?! — если бы не привязанные к спинке стула руки, Вероника бы вскочила.

— Не дергайся, — с садистским оттенком улыбнулся Монгол, — больно ты гнешь из себя. Смотри, шеф у нас нервный, может обидеться.

— Вечно с твоим папашей были одни неприятности... Умер, думала, теперь поживу спокойно, так нет — еще хлеще! — взвизгнула Вероника.

— Не прикидывайся, — растянула рот в насмешливой улыбке Рита, — тебе его смерть — как серпом по одному месту.

— Да, — крикнула Вероника, — но лишь потому, что он меня облапошил, взял деньги, а возвращать, как видно, и не думал...

— Откуда же он знал, что умрет? — резонно спросила Рита.

— Но у меня есть расписка, ты не думай, — ухмыльнулась Вероника, — там сказано, что если что с ним случится, долги возвращать мне будешь ты, милочка, понятно?

— Это какое-то недоразумение... — притворно улыбнулась Рита.

— Если мы отсюда выберемся... — еще пуще оживилась Вероника, — ну я-то за себя уверена, меня с почетным эскортом домой отправят и еще извинения принесут! Так вот, я с тебя с живой не слезу. В суд подам! — истошно заорала она.

— Давай-давай, — засмеялась Рита, — а я твоему мужу позвоню и доложу обстановку.

— Дрянь! — Вероника вытаращила глаза и замерла на секунду с открытым ртом.

— Ну, вы, — вмешался спокойный, как слон, Монгол, — полегче на

поворотах.

— Моя фамилия Шкавронская! — горделиво изрекла Вероника. — Это тебе что-нибудь говорит?

Монгол вяло пожал плечами.

— Но это же недоразумение, — распалялась Вероника, — я-то в квартире случайно оказалась, я ни при чем! Не знаю, может, у Славки с вами какие дела и были, только я-то здесь при чем?

— Скоро шеф пожалует, вот ему и расскажешь, — сонно посмотрел на взбешенную Веронику охранник. — Я тут ничего не решаю. А пока сиди не рыпайся, а то кляп воткну.

Тут в комнату вошел прыщавый верзила в спортивном костюме.

— Отвязывай, — скомандовал он Монголу, кивнув на женщин, — Захарыч приехал.

Монгол повиновался с тупым спокойствием хорошо дрессированного животного. Не развязывая женщинам рук, он отвязал их от стульев и, подталкивая, повел к выходу. Прыщавый исчез раньше, побежал, видать, докладывать начальнику.

Проведя женщин длинным коридором, Монгол постучал в высокую дубовую дверь. Дождавшись нужной команды, он открыл ее и втолкнул пленниц в просторный сумрачный кабинет.

Рита увидела перед собой большой, сделанный под старину стол, за которым сидел лысоватый мужчина лет сорока-сорока трех. У него были хитрые глаза и узкий, растянутый в неприятной улыбке рот. Холодный взгляд изучал ее медленно, основательно, терпеливо.

— Та-ак, — с самодовольным выражением на лице протянул он, — Горбушкина-младшая не хочет платить долги Горбушкина-старшего. Интересная ситуация. А это кто?

Захарыч переглянулся с двумя парнями-телохранителями. Они стояли по обе стороны от шефа, пристроив на животах короткоствольные «УЗИ». Не получив от своих молчаливых слуг никакого знака или намека, Захарыч бросил обеспокоенный взгляд на прыщавого охранника.

— Длинный, ты кого приволок? — тон его голоса резко изменился, теперь в нем отчетливо звучали угроза и недовольство.

— А-а! — победоносно взвизгнула вдохновленная произошедшей с Захарычем переменой Вероника, — узнал! Здравствуй, Саша. А я слышу: Захарыч да Захарыч...

— Кто ее сюда припер? — вперила Саша острый взгляд в прыщавого «спортсмена». — Ты?!

— Да она сама... — проблеял последний.

— Что сама? — медленно встал со стула Саша. — Какого хрена!

— Я думаю, Жора будет очень недоволен... — решила воспользоваться замешательством мужчин Вероника. — Саша, ты должен немедленно отпустить меня! Пусть отвезут меня домой!

— Да чихать я хотел на твоего Жору. Он давно уже у меня как кость в глотке. Это не я, а он должен был девицу ловить, только он почему-то не шевелится. Можешь сказать ему, что с него еще спросится на всю катушку. Я долгов не прощаю!

Сердце в груди Вероники больно сжалось. Когда она увидела в кабинете Александра Захарова, представленного ей Жорой на вечеринке два года назад в качестве делового партнера, она возблагодарила небеса за такое счастье. «К своим попала», — наивно подумала Вероника. Но вместо того, чтобы повежливее обратиться к «своим», сослаться на присутствие даже опытным ребятам промахи и оплошности, горячо порадоваться, что недоразумение вот-вот будет устранено, она понеслась с места в карьер. Ее взбалмошный нрав дал осечку. А Саша, шестым чувством почувствовала Вероника, не любил, просто терпеть не мог такого обращения.

— Она к девке пришла, ну мы ее и оприходовали, — смущенно оправдывался Длинный.

— Я тебя сам оприходуя, — гаркнул на него Захарыч, — нужно было сбросить этот хлам по дороге, не тащить за собой!

— Я не хлам! — горячо возмутилась Вероника, инстинкт самосохранения которой стушевался под натиском ее опасного высокомерия и гордости. — Я...

— А ты помалкивай, — грозно посмотрел на нее Саша.

— Что она делала у тебя?

Он перевел тяжелый взгляд на Риту.

— Хотела поболтать со мной, — из последних сил изображая беззаботность, сказала Рита и повела плечами, — говорит, что мой отец должен ей какие-то деньги.

— Наша вамп одалживает деньги? — серые глаза Захарыча лукаво сузились, на губах заиграла мерзкая усмешечка. — Под проценты даешь или как?

Рита мигом оценила ситуацию и решила подпортить молчавшей «мамочке» репутацию.

— Так они ж любовниками были...

— Интересно, — задумчиво произнес Саша, с нагловатой бесцеремонностью оглядывая фигуру Вероники.

— Дрянь! — воскликнула Вероника, пронзая Риту ненавидящим

взглядом.

— Повторяешься, мамуля, — ухмыльнулась Рита.

— А ты-то что радуешься? — сурово поглядел на Риту Захарыч. — Я ведь все до копейки с тебя получу за твоего папашку, будь он неладен. Разговор у меня к тебе есть. А если ты, мать твою, станешь упрямитесь, я прикажу своим гренадерам с тебя шкуру с живой содрать...

Вероника не могла скрыть довольной улыбки. Рита метнула в нее враждебный взгляд.

— А эту овцу, — небрежно кивнул он на Веронику, — домой отправьте. Высадите где-нибудь в центре. Только ты, — слащаво улыбнулся он ей, — не трепись, что здесь была, а то Жора обо всех твоих проделках узнает, ясно?

Вероника боязливо мотнула головой. Несмотря на всю свою поруганную гордость, она была счастлива. Пристыжена, но довольна. Еще бы! Ей удастся покинуть это «гнусное логово», как она окрестила про себя этот дом, без видимого ущерба. Конечно, Захарыч может просветить муженька на предмет ее связи со Славой, но, во-первых, Саше сейчас явно не до сплетен, а во-вторых, Слава-то уже представился, так что если даже Жора что и узнает, то воспримет это несравненно легче и менее болезненно, нежели сделал бы это, пребывая Слава на этом свете.

Вероника всячески успокаивала себя. Ее поугасший было инстинкт самосохранения заработал с новой силой. В ней проснулась желающая выжить любой ценой кошка. Страх прокатывался по телу горячими волнами, но главное, понимала она, достигнуто — в то время, как эту сучку Ритку будут прессовать люди Захарыча, она поедет домой, вернется в свою уютную квартиру, а ночью прижмется к нелюбимому, но такому теплому, такому родному телу мужа и станет выслушивать его любовный вздор, поглаживая его по волосатой груди...

Ее, конечно, напрягала ситуация с невыплаченным долгом ее любовника, черт бы его побрал! Ведь Жора рано или поздно спросит ее о бриллиантах, что мирно покоятся в лавке антиквара. Но, как не крути, — приободрилась Вероника, — самое важное — это то, что она осталась жива!

Животная радость сдавливала ей горло и самым причудливым образом провоцировала на плач.

— Монгол, зови Шило! — распорядился Захарыч.

Вероника, поглощенная своими мыслями, вздрогнула и с презрительной жалостью посмотрела на Риту. Та стояла, точно каменная статуя. На миг тень беспокойства пробежала по ее бледному лицу. Но не

прошло и минуты, как Рита снова обрела хладнокровие.

В ее груди полыхало пламя ненависти и мести. Внешне замкнутая и отстраненная, она еле сдерживала дрожь нетерпения. Сила характера не позволяла разочарованию ослабить ее волю, наоборот, она претворила горечь и обиду в желание возвыситься и доказать, на что она способна. Угрозы Захарыча были для нее в этот час немым кино. Само присутствие этого жестокого и властного человека придавало ее трагедии дополнительный блеск, оно стало сценой, на которой разыгрывалась драма ее души, превратилось в эшафот, где она жаждала явить обидчику свою непреклонную силу.

Монгол побежал исполнять приказание Захарыча. Вскоре он вернулся в компании высокого, хорошо сложенного шатена в джинсах и песочного цвета пиджаке. «Странная кличка», — подумала Вероника, разглядывающая вновь вошедшего. Ничего от этого острого инструмента в парне не было, разве что слегка заостренный прямой нос. Парень ей положительно нравился — этот Шило здорово отличался и от телохранителей Захарыча, и от него самого, и от прыщавого «спортсмена» с его напарником.

Шилу можно было дать лет двадцать пять. У него было открытое лицо, но при всей этой открытости с него не сходило лукавое выражение, составлявшее основную часть его обаяния. Карие глаза смотрели изучающе и насмешливо, красивый лоб и хорошей лепки подбородок делали лицо породистым и незаурядным.

«И при такой внешности — бандит!» — удивилась Вероника.

— Отвезешь эту, — кивнул Захарыч на Веронику, — и — сюда. Высадишь в центре, Монгол привезет тебя обратно.

Шило скользнул взглядом по бледному Ритиному лицу и молча направился к двери.

— Развяжи ей руки, — приказал Захарыч Монголу, — а глаза завяжи. Не нужно, чтобы она знала, где была.

Монгол немного вразвалочку приблизился к Веронике и освободил ее из плена. Она поднялась со стула и поплелась к выходу. В голове шумело, стены кабинета вдруг прянули в лицо и медленно завращались. Вероника почувствовала дурноту и, кое-как добравшись до двери, вцепилась в косяк. Шило со знанием дела подхватил ее и поволок в коридор. Монгол двинулся следом.

— Перестарались с этой рыжей, — неодобрительно покачал головой Захарыч, ни к кому конкретно не обращаясь. — Ну а с тобой что делать будем? — с затаенной угрозой обратился он к Рите.

Та вздрогнула, точно очнулась от транса.

— Мне твой папашка много бабок должен. Да ты, наверное, сама знаешь, а иначе бы от меня не бегала. Значит, так, — стал прикидывать он в уме, — в наследство ты только через пять месяцев вступишь. Это я о квартире твоей, — усмехнулся он, — но одной ее будет мало, она потянет всего тысяч на пятнадцать-двадцать. А Славик должен мне в десять раз больше. Ты ведь знаешь, где твой папа дорогой бабки от проданных авто схоронил. Ведь знаешь?

Захарыч придурковато заулыбался, увидев на Ритином лице невинное выражение.

— Зна-аешь, — выразительно вздохнул он, — он ведь не мог не сказать тебе. Да-да, — закачал он головой, неотрывно глядя на Риту, — Славик наш золотой одним махом по дешевке продал больше ста тачек, бабки затарил и хотел уже было на юга мотануть, а не повезло — сгорел заживо, бедолага!

Склонив голову набок, Захарыч мерзко ухмылялся.

— Это вы его убили, сволочи! — закричала вдруг Рита, нутро которой сотрясалось от рыдания и хохота.

— Не-е, — протянул Захарыч, — мы тут ни при чем. Я до последнего не знал, что твой папаша на такие подлости способен!

— Я тебе не верю!

— А я не Господь Бог и даже не священник, — цинично усмехнулся Захарыч, — мне твоя вера не нужна. Мне нужно, чтобы ты сказала, где твой папаша деньги припрятал. Вот так, девочка.

Рита опустила глаза, она не хотела видеть гадкую ухмылку этого самонадеянного бандита в деловом костюме.

— Не пойму, о чем ты? — приподняла свои острые плечи Рита.

— Не поймешь? — с наигранным состраданием, словно Рита была душевнобольной, переспросил Захарыч. — А вот как пропущу тебя через строй, так сразу и поймешь. Видишь, какие у меня ребята, они только и ждут, чтобы заняться тобой! Хочешь узнать, что они делают с такими несговорчивыми маленькими сучками?

Он затрясся в судорожном смехе. Рита заставила себя взглянуть ему в лицо. Омерзительная гримаса уродовала его, скошенный рот напоминал темный провал, брови плясали, как у клоуна, щеки дрожали подобно двум сгусткам желе. Рита вперила в Захарыча немигающий взгляд, победив отвращение и страх. Словно он был скользким гадом или изуродованным бурей деревом. В этом клокочущем смехе было что-то inferнальное, застывшее, несмотря на игру лицевых мышц.

— Я жду, — перестав смеяться, сурово сдвинул он свои короткие брови. — Где деньги?

Это выражение ему совершенно не шло, в нем чувствовалась какая-то неестественность, какая-то мучительная натужность.

— Я ничего не знаю о деньгах. Мой отец мне ничего не говорил о них, — чувствуя с ужасом, что краснеет, отчеканила Рита. — Возможно, папа что-то взял у вас и не вернул, но мне об этом ничего не известно, клянусь. Папа никогда не делился со мной своими планами, а тем более не говорил о деньгах. Он вообще не любил давать мне деньги, говорил, что я всего должна достичь в жизни сама.

— Тогда, может, скажешь мне, где ты была? — в голосе Захарыча скользнула тень сомнения. — Тебя целый месяц с собаками искали.

— Ну... — немного замешкалась Рита, — меня так поразила трагическая гибель отца, что я... решила уехать...

— Куда? — неподдельно заинтересовался Захарыч.

— Ну... — Рита замолчала.

— Дай-ка мне ее сумочку, — Захарыч щелкнул в воздухе пальцами.

Длинный подал ему сумку, содержимое которой Захарыч высыпал на стол. Вместе с остальными женскими штучками из сумочки выпал авиабилет. Захарыч поднял его и принялся разглядывать, прищурив глаза. Наконец, разобравшись в латинских буквах, он помахал билетом в воздухе.

— Вот как, — улыбнулся он, — девочка была во Франции? На какие бабки, интересно?

— У меня были небольшие сбережения... — пожала плечами Рита.

— Кончай врать, сука, — заорал вдруг Захарыч. — Говори, где мои бабки.

— Я... Я не знаю, — проямлила Рита, понимая, что теперь ей придется не сладко.

— Длинный, — Захарыч резко повернул голову к охраннику, — займись ею.

Длинный, ослабившись, направился к Маргарите. Она вся сжалась, ожидая самого худшего, но Захарыч вдруг остановил своего громилу.

— Отставить, Длинный, — он выпятил влажные губы и пожевал ими, — отведи ее в подвал. А ты, — он поднял голову и посмотрел на Риту, — посиди и постарайся вспомнить, куда твой папашка спрятал деньги. Я тебе очень советую вспомнить. Вспомнишь — останешься жить. Нет — умрешь, но перед смертью мои ребята позабавятся с тобой. Так уж положено.

Он с наигранным сожалением развел руками и кивнул Длинному.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Поспешный уход Вероники вызвал в Яне легкое недоумение. Она все еще чувствовала слабость, но постепенно приходила в себя. Когда дрожь в руках и коленях прошла, Яна поднялась с кресла и, открыв все форточки, направилась за занавес. Джемма снова подняла голову и повиляла хвостом.

— Что, проголодалась?

Джемма как-то по-заговорщицки посмотрела на хозяйку. Яна взяла небольшую колбочку с лавандовым маслом и вернулась за стол. Джемма улеглась у ее ног и начала жалобно поскуливать.

— Что с тобой?

Яна хотела уже смежить веки и приступить к процедуре расслабления, но Джемма принялась испускать еще более пронзительные жалобные звуки.

— Не понимаю, — пожала плечами Яна, снова закрывая глаза.

Но расслабиться ей не удавалось, несмотря на самовнушение. Она не могла понять что с нею происходит. Как-будто неведомая сила затворяла перед нею возможность успокоиться и снять напряжение. Яна открыла глаза и в тоже мгновение почувствовала в грудь сильный толчок. Что-то вдавило ее в спинку кресла, а свет погас. На фоне абсолютной черноты Яна отчетливо увидела два огненных силуэта. Они волочили следом за собой какой-то темный комок. Внезапно из этого темного, едва различимого месива пружинисто выпала рыжая прядь. Яна вскрикнула, а Джемма залаяла.

Еще через пару секунд Яна уже стремительно натягивала на себя ставший таким предательски непокорным джемпер. Джемма неистово прыгала рядом. Потом вдруг замолкла и, тяжело дыша, легла на пол.

— Сейчас я оденусь, — пообещала Яна, застегивая джинсы.

Наскоро заперев дверь, Яна, держа Джемму на поводке, вышла за калитку. Взглянула на часы. До ближайшего автобуса — десять минут. Яна вытянула руку.

Водитель остановившегося «жигуленка» шестой модели, сутулый лысый очкарик, согласился взять собаку «на борт» за дополнительную плату.

— Куда едем? — деловито поинтересовался он, когда Яна захлопнула за собой дверцу машины.

— В центр, — озабоченно ответила Яна.

— Центр — это понятие растяжимое, — тоном школьного учителя изрек очкарик, — куда конкретно?

— Я вас очень прошу, поезжайте, — умоляюще посмотрела на него Яна, Мысленно настраивая Джемму на запах Вероники, — не волнуйтесь, я скажу вам, где остановиться.

Водитель потер лысый лоб, недоуменно пожал плечами и нажал на педаль акселератора. За окнами машины замелькали заснеженные виражи и, казалось, с трудом удерживающиеся на них домики. Минут через пятнадцать «жигуленок» подъехал к Крытому рынку.

— Ну, а дальше куда? — недовольно спросил очкарик.

— Поезжайте прямо пока... — озадаченно сказала Яна, поглядывая на собаку.

— Ну вы, гражданочка, даете, — покачал головой очкарик, — первый раз у меня такая пассажирка.

Машина двинулась по Чапаева в сторону Московской. Когда «жигуль» выехал на Пороховую, Джемма дернула поводок.

— Вот здесь, — Яна протянула изумленному водителю деньги, — спасибо.

Очкарик принял гонорар и, еще раз смущенно пожав плечами, плотнее закрыл за Яной дверцу. Джемма яростно тянула поводок, Яна еле успевала за ней. Они буквально влетели в тихий, утопающий в снегу дворик. Джемма быстро обнюхала след от колес машины и потянула к первому подъезду. Яна повиновалась. Вдруг она услышала милицейскую сирену. Пронзительное верещание приближалось с какой-то пугающей неотвратимостью. Яна притормозила и осадилла собаку.

На всех парах во дворик въехали два милицейских УАЗика и остановились рядом с Яной. Она широко раскрытыми глазами смотрела, как из них в спешном порядке высаживаются менты, облаченные в бронезилеты, с автоматами наперевес. Сердце у Яны забилося с удвоенной силой. Яна приблизилась к подъезду, у которого только что встал на дежурство плечистый дядечка.

— Вы куда? — обратился он к ней.

— Мне необходимо войти, — немного растерянно сказала она.

— Живете здесь?

— Нет, но мне надо. Я знакома с вашим начальством, — овладела она собой.

— Ну и что? — приподнял плечи мент, — нельзя сюда.

— А что случилось?

— Неважно, — грубо ответил он.

Тут во двор въехала еще одна милицейская машина, не очень презентабельный «жигуль». Из него спокойно, можно даже сказать, чинно вышел грузный лейтенант Руденко, которого Яна знала и с которым время от времени ей случалось сотрудничать. Подчиненные в отделе между собой называли Руденко за любовь к одноименному портвейну — «Три семерки».

Лейтенант несколько раз мог лично убедиться в способностях Яны Борисовны, когда она помогала ему выйти на след преступников, и поэтому относился к ней вполне уважительно, хотя и не понимал своим практичным умом, как ей это удастся.

Можно даже сказать, что между Руденко и Милославской сложились дружеские отношения, хотя и довольно своеобразные. Они никогда не встречались просто так, как это бывает между друзьями, но когда волею судьбы их пути пересекались, они вели себя друг с другом так, как будто расстались только вчера.

Впрочем, Руденко всегда относился в Яне Борисовне немного свысока, как бы покровительственно, считая ее, мягко говоря, не от мира сего.

— Вы? — удивился он, подойдя к Яне. — Что вы здесь делаете?

— Вот, Семен Семенович, приехала, — немного рассеянно Милославская бросила взгляд в сторону подъезда. — Можно посмотреть?

— Может, объясните мне, как вы здесь оказались? — Руденко задумчиво потянул себя за пышный, пшеничного цвета ус.

— Конечно, — кивнула Милославская, зная, что просто так от вопросов Руденко не отвертеться, — только мне хотелось бы сначала взглянуть на квартиру.

— Ладно, пошли, — на удивление быстро согласился Три семерки и приказал сержанту, стоявшему у дверей, пропустить Яну Борисовну.

У обитой деревом стальной двери на пятом этаже стоял еще один сотрудник милиции с автоматом. Он шагнул в сторону, пропуская лейтенанта с Яной Борисовной и Джеммой внутрь.

Когда-то, возможно, совсем недавно, трехкомнатная квартира выглядела очень даже неплохо. На полах во всех комнатах лежали большие ковры с длинным ворсом, в котором ноги тонули едва не по щиколотку, встроенные шкафы-купе были выполнены из дорогих пород дерева, темно-василькового цвета мягкая мебель могла бы порадовать глаз своими изысканными обтекаемыми формами, если бы обивка диванов и кресел не была самым наглым и циничным способом распорота. В спальне, занимая большую часть пола, стояла огромная кровать.

В квартире все было перевернуто с ног на голову, как-будто в форточку случайно залетел небольшой ураганчик с Тихого океана. Дверки всех

шкафов были раскрыты настежь, одежда и обувь валялись снаружи, под ногами вместо мягких ковров, которые были подняты со своих мест и теперь громоздились в углах комнат, хрустело битое стекло.

Семен Семенович неторопливо прошел по всем комнатам, не забыв заглянуть на кухню и в ванную с туалетом. Отдав короткие указания крутившимся в квартире подчиненным, Руденко сгреб с диванного сиденья наваленные вещи, поправил вспоротую обивку и со вздохом опустился на него, достав из кармана пачку сигарет. Закурив, он поднял маленькие темные глаза на Яну Борисовну. Та, отдав Джемме команду «сидеть», подняла лежавший на боку стул и удобно устроилась на нем. Перехватив выжидательный взгляд Руденко, молча отвела глаза в сторону.

— Ну, не молчи, не молчи, — Семен Семенович перешел на «ты» и нервно поерзал на диване.

Он и Милославская обращались друг к другу, то используя вежливую форму, то переходя на фамильярный тон — в зависимости от настроения и ситуации.

— Да я, собственно, оказалась здесь совершенно случайно, — улыбнулась Яна.

— Не крути, Яна Борисовна, — Руденко, дымя как паровоз, прищурил глаза, — знаю я твои отговорки.

— Ладно, — кивнула Милославская, посмотрев на Джемму, сидевшую слева от нее, и внимательно следя за Руденко, — я приехала сюда следом за моей клиенткой. То есть, я хочу сказать, что не уверена, что она пришла именно сюда, просто что-то меня заставило это сделать.

— Ага, — обрадовался лейтенант, пропустив последнюю фразу Милославской мимо ушей, — что за клиентка?

— Ее зовут Вероника.

— Хорошо, — поддержал Милославскую Семен Семенович, — а фамилия?

— Не знаю, — Яна пожала плечами.

— Она здесь живет? — привыкший к странностям Яны Борисовны, Руденко продолжал задавать вопросы, не удивляясь полученным ответам.

— Нет, — Яна покачала головой, — здесь жил ее любовник, Горбушкин Вячеслав Сергеевич, с дочерью.

— Ага, — снова обрадовался Руденко, — это уже хорошо, хотя мы в курсе, как звали хозяина квартиры.

— Ну вот, вы все знаете.

— Мы-то обязаны это знать, — нравоучительным тоном произнес лейтенант, — а вот откуда это знаете вы, Яна Борисовна?

— Черт возьми, Сема, — вспыхнула Милославская, — ты же знаешь, что я не все могу тебе объяснить, чаще всего я и сама этого не понимаю. Фамилию мне назвала Вероника, а в квартиру привела Джемма.

Не в силах больше сидеть, Яна вскочила со стула и быстро прошла в спальню. Так и есть, вот она, черная голова со сросшимися бровями... диадема... Со стены на Яну Борисовну смотрела деревянная маска. Это от нее исходили волны странного беспокойства, заставившие Милославскую подняться со стула. Невнятное лицо прямо-таки источало тревогу.

Яна взглянула на картину, висевшую на стене, по-прежнему стоя перед маской. На ней были изображены два мужчины и женщина, обнимавшая одного из парней. На оранжевом фоне ее одетое в красное платье тело застыло в причудливом змеевидном извиве. Умопомрачительно тонкая талия, казалось, вот-вот переломится. Яна пару минут стояла как вкопанная, созерцая эту странную картину.

Она приблизилась к полотну и смогла различить в правом нижнем углу черные буквы: «Les femmes trompent comme les hommes». Яна знала французский в достаточной мере, чтобы суметь перевести эту фразу: «Женщины обманывают также, как и мужчины». Смысл ее видения стал ясен ей самой. Сидя перед Вероникой, она видела эту комнату, когда сюда входила знакомая последней.

А вот и девушка — Яна посмотрела на большую, заключенную в деревянную рамку фотографию. На ней дочь Вячеслава стояла, облокотившись на стол из черного дерева, на котором застыла негритянская маска. Яна машинально сунула руку в карман, достала сигареты и зажигалку, нервно закурила, продолжая рассматривать фото. На нем Рита была облачена в подобие сари, открывавшим одно плечо. На шее — восточное украшение, на руке — серебряный браслет в виде трех параллельных цепочек, на пальце — кольцо с изумрудом. Шкаф-купе был открыт. Яна подошла к нему, едва не споткнувшись о красную сумку. Она подцепила ее за две тонкие стильные ручки и подвинула. В одном из отделений шкафа висело несколько мужских костюмов.

— Ну что ты здесь копаешься? — возник на пороге покручивающий ус Руденко, — моим парням надо прочесать территорию.

— Дай мне пару минут, — умоляюще посмотрела на Три семерки Яна, — что-то меня беспокоит.

— Давай заканчивай. Видит Бог, нет тут ничего интересного, — он прошел к окну, окинув комнату сонным взглядом.

— Это и есть его дочка?

Руденко кивнул на висевшую на стене фотографию.

— Да. Вероника, моя клиентка, разыскивала ее, потому ко мне и обратилась.

— Лучше бы к нам обратилась, — зычно хохотнул Руденко.

— Сема, я тебя прошу, дай мне поколдовать, — Яна тронула рукой один из костюмов.

Ее сигарета неожиданно погасла. Она чертыхнулась и полезла в карман за зажигалкой. Яна стояла возле шкафа и не могла понять, почему чувствовала такую тревогу. Ее руки дрожали. Она выронила сигарету. Руденко с видимым беспокойством наблюдал за нею.

— Этак ты, матушка, квартиру спалишь, — укоризненно качнул он головой. — Что с тобою? «Байки из склепа»? — пошутил он. — У меня сын-оболтус их смотрит...

— Сема, еще минута и я освобожу комнату, — она выразительно взглянула на Руденко.

— Хорошо-хорошо, — поднял он вверх руки, — только будь осторожна с этим.

Он кивнул на пол, где валялась сигарета. Как только он покинул комнату, Яна присела на корточки и подняла потухшую сигарету, но снова зажигать ее медлила. Она протянула руку и опять коснулась того самого костюма, потом, собравшись вся, сняла его с вешалки. Обычный темно-синий деловой костюм. Но у Яны было такое ощущение, что его ткань заряжена мощной энергией.

«Странно», — подумала Яна, усаживаясь на пол. Она запрокинула голову и прикрыла веки. Внезапно она почувствовала себя разбитой. Она сегодня много работала, ей нужно отдохнуть. Яна с усилием поднялась, не понимая, отчего так горестно сжалось у нее сердце. Вслед за щемящим беспокойством ее душу поглотил самый настоящий страх. Она ценой громадных усилий подавила его в себе и, взяв ножницы, как в тумане, срезала пуговицу с пиджака. Опустив ее в карман, поплелась в гостиную.

Когда Яна вышла из спальни, она была бледной, как полотно.

— Ну-ка, малыцы, — раздался бас Руденко, который увидел, что у Яны подгибаются ноги.

Двое ментов в бронежилетах удивленно посмотрели сначала на начальника, потом на Яну.

— Держите ее, — Руденко сам уже спешил к Яне.

Он и еще один мент усадили ее на распотрошенный диван. Джемма растянулась у ее ног.

— Как ты?

— Ничего, — отдышалась Яна. — Что-то сердце защемило.

— Поколдовала? — усмехнулся Руденко.

— Что-то здесь нечисто, — наконец выговорила Яна.

— Я и сам знаю, что что-то здесь нечисто, — весело сказал Три семерки, делая знак своим подчиненным.

Те устремились в спальню.

— Ее папаша, — снова заговорил Руденко, — месяц, как сгорел. Представь себе, в собственном гараже. Опустили по часам и кольцу.

— Вероника сказала мне, что он погиб, — Яна немного успокоилась.

— А зачем она искала его дочь? — сузил свои маленькие голубые глазки Руденко.

— Перед смертью отец девушки задолжал Веронике крупную сумму денег и она хотела получить долг с Риты.

— Ха, — ударил себя по толстой ляжке Руденко, — а не она ли замешана в исчезновении Горбушкиной?

Гордый и довольный собой, Руденко счастливо заулыбался.

— Нет, — решительно сказала Яна, — девушку похитили двое парней, я отчетливо это видела.

— Видела она, — недоверчиво крикнул Три семерки, — это ж все-таки не наука. Ну да, есть совпадения, иногда из того, что ты говорила, что-то сбывалось, согласен, но все время пользоваться этой чертовщиной...

Руденко скосил на Яну хитрые хохляцкие глаза.

— Это не чертовщина...

Яна вдруг замолчала, она знала, что спорить с Руденко на тему паранормальных явлений — напрасный труд.

— Ну тогда, может быть, ты скажешь нам, где эти двое нынче обитают?

— С удовольствием, — лукаво улыбнулась Яна, — только не сейчас. Сегодня мой рабочий день сегодня окончен.

— А что, у колдунов и ведьм тоже есть график работы? Может, и профсоюзы имеются?

Три семерки загоготал.

— Ну что там? — рявкнул он, когда из спальни появились его люди.

Те выпятили губы и все как один разочарованно пожали плечами.

— Так я и знал! — снова ударил он себя по ляжке. — Похоже, папаша этой милашки не только твоей клиентке задолжал, иначе зачем ее похищать? Он ведь крутым бизнесменом был, потому и погорел, — философски закончил он.

— Значит, Веронику тоже похитили, — тихо произнесла Яна.

— Она, ты говоришь, как раз в это время сюда пришла?

— Да, узнала, что Рита здесь.

— Прибежала долг, значит, получать, — ковыряя в зубах, пробубнил Руденко, — а саму до кучи прихватили. Если только, конечно, она не в сговоре с этими недоносками...

Он подозрительно покосился на Яну, ласкавшую рукой пса.

— Да не в сговоре она, — улыбнулась та, — иначе как так получилось, что похитители оказались в квартире раньше нее?

— Следили за хатой, вот как, — по-стариковски мудро прогнусавил Руденко, — да-а... Только этого дела мне не хватало. Ищи ветра в поле!

Яна глотнула воздуха, достала карту «Царство живых».

На ней, слегка заслоняя открывавшуюся сквозь стрельчатое полукружье двери перспективу, стояла похожая на нимфу девушка, державшая волшебный сосуд с изрезанными краями. Над сосудом змеиными кольцами, все более расширяясь и принимая менее витиеватые очертания, вились испарения чудодейственного нектара.

Яна попробовала сосредоточиться на фотографии, увиденной ею в спальне. Она в мельчайших подробностях воскресила в памяти Ритино лицо, ее острые плечи, тонкие руки и пристальный взгляд исподлобья. Попыталась увидеть ее ауру. У нее ничего не получилось. Ясновидение с наскоку не давалось, да и сил уже было потрачено много. Яна возобновила попытку, мысленно отдаляясь от Руденко, от его производящих обыск людей и от самой квартиры.

Аура, прорезавшаяся сквозь абсолютный мрак, застилавший видение, была стянута влево. Это означало только одно: человек, которому она принадлежит, испытывает страх. Постепенно стянутая к левой стороне граница стала кривиться. В ней появились четко различимые зубцы, которые быстро углублялись. «Конфликт», — подумала Яна и попробовала идентифицировать сильные эмоции, считанные ею с энергетического рисунка, с тем тягостным душевным состоянием, которое овладело ею в спальне. Нет, аура, туманно горевшая и плавившаяся перед ее внутренним взором, не совпадала с аурой другого существа, чье мучительное беспокойство и тревога сковывали сердце Яны несколько минут назад. Ауры были разными.

— Она жива, но очень напугана, — сказала Яна, как только вновь увидела себя сидящей рядом с Руденко на диване, — и к тому же с кем-то в конфликте.

— Ну понятно, — хохотнул Руденко, — с теми, кто ее похитил.

— И еще кое с кем, — твердо произнесла Яна.

— Жива, значит, говоришь, — почесал в затылке Три семерки, —

слышь, Ян, а мою жену ты, случайно, вычислить не можешь?

Он заливисто засмеялся.

— «Свет мой зеркальце, скажи, да всю правду доложи!», — не унимался он. — Чую, Клавка изменяет мне. А? — фамильярно толкнул он Яну в плечо. — Смотрю я на тебя, красивая баба, а какой-то херней занимаешься. Ты лучше найди себе мужика. Тебе ведь просто жить с ним будет, — весело подмигнул он немного смутившейся Яне, — ты ж его насквозь видеть будешь. Он еще и подумать не успеет, а ты его уже раскусила! Все его мысли греховные, — сделал он в воздухе широкий жест, — перед тобой как на пленке. Не-е, — с притворной тяжестью вздохнул он, — ему не позавидуешь. Может, поэтому ты и живешь одна? Как жить с людьми, когда все их мысли знаешь?

Три семерки задумчиво почесал свой широкий, изборожденный глубокими продольными морщинами лоб.

— Товарищ лейтенант... — сержант, попытался доложить по форме, но Три семерки махнул рукой.

— Что там у тебя?

— Соседи, которые звонили в милицию, живут через стену, — сержант показал большим пальцем себе за спину. — Сначала они услышали щелчок — хлопнула входная дверь... ну и заинтересовались, не дочь ли это Горбушкина, потому что до этого целый месяц здесь никого не было. Да вы и сами знаете.

— Знаю, знаю, — поморщился Руденко, — дальше давай.

— Ну, что дальше, — сержант выпятил губы, и почесал затылок, — дальше они стали прислушиваться, а жена даже решила посмотреть в дверной глазок, — усмехнулся он, — прямо сыщица какая-то. Похоже, сначала здесь действительно появилась Рита Горбушкина — по описанию подходит. Через несколько минут эта соседка, что дежурила у глазка, увидела, что в квартиру вошли еще двое.

— Кто такие? — прервал сержанта Руденко.

— Она не знает, — поморщился сержант, — говорит, что видела их в первый раз. Оба здоровенные, похоже, из этих, из братков. Думаю, они знали, что Рита должна здесь появиться...

— Я не спрашиваю, о чем ты думаешь, — грубо осадил его лейтенант, — ты мне факты давай.

— Так я ж и говорю, — насупился сержант, — факт, что эти братки ждали дочку Горбушкина, — эти соседи-то видели, как они их увозили — у них окна во двор выходят.

— Сто-оп, — заорал на него Руденко, — ну что за люди, а? Давай все

по порядку и точнее. Ты кроме местоимений какие-нибудь слова знаешь?

— Какие? — сержант ошалело уставился на своего начальника.

— А-а, — Три семерки в сердцах резанул воздух ладонью и посмотрел на Милославскую. — Видишь, с кем приходится работать?! Так, Игорь, — уже спокойнее произнес он, — значит, если я правильно тебя понял, кто-то неизвестный вошел в квартиру, а вскоре туда же вошли еще двое мужчин, правильно?

— Так точно, товарищ лейтенант, — вздохнул сержант.

— Дальше, Игорь.

— Муж соседки, — медленно продолжил Игорь, — услышал за стеной какой-то шум, не очень громкий, и ему показалось, что в квартире кто-то вскрикнул. Потом, как говорит соседка, которая стояла у глазка, к входной двери подошла женщина с рыжими волосами, она сказала, что несколько раз видела, как она приезжала сюда раньше.

— Это Вероника, — Яна посмотрела на Руденко, — у нее рыжие волосы.

— Хорошо, — кивнул лейтенант, — дальше, Игорек.

— Видимо, дамочка торопилась, — пояснил сержант, — она тяжело дышала и явно была взволнована. Она позвонила в дверь, кто-то открыл, и рыжая там очень быстро исчезла. Еще минут через десять-пятнадцать из квартиры вышли четверо: двое братков и две женщины.

— Что значит вышли? — уточнил лейтенант. — Как вышли?

— Ну, этой соседке показалось, что они как-то необычно двигались. Вроде бы они поддерживали женщин. Да, в одной из них Людмила Петровна — это соседка — опознала дочь Горбушкина. Ей показалось, что женщины были вроде как в отключке, поэтому-то она и позвонила в милицию.

Сержант несколько замешкался.

— Сразу после того, как они сели в лифт? — помог ему Руденко.

— А-а, нет, — как бы вспомнив, обрадованно сказал Игорь, — Людмила Петровна кинулась к мужу, который в это время уже глядел в окно. И они вместе увидели, как женщин сажают в машины. Ту, что похожа на дочку Горбушкина, усадили в большую темно-синюю иномарку, а рыжую — в маленькую, желтую. Обе машины сразу же рванули с места. Вот после этого-то Людмила Петровна нам и позвонила. Думаю, их похитили, товарищ лейтенант.

— Я же сказал, — со вздохом произнес Три семерки, — от тебя не требуется думать. Что в квартире?

— Отпечатков полно, все собрали, пробьем по компьютеру, больше

ничего особенного не обнаружено, — закончил сержант.

— Хорошо, иди, — отпустил его лейтенант, — запротоколируй все показания соседей, ну, сам знаешь.

Проведя руками по волосам ото лба к затылку, Три семерки вздохнул и тяжело опустился на рваный диван.

— Ну и что вы об этом думаете, Яна Борисовна? — почти официально обратился он к Милославской, которая продолжала стоять.

— Если бы соседи позвонили пораньше, вы могли бы их застать, — заметила Милославская. — Тогда все было бы проще, а теперь придется искать.

— Это я и сам знаю, — лейтенант достал из кармана сигареты и протянул пачку Милославской.

Она отрицательно покачала головой.

— Как хочешь, — Руденко достал сигарету и закурил. — Понятно, что Вероника попала к этим ребятам случайно, под горячую руку, так сказать, — он выпустил изо рта густую струю дыма, — а вот как они узнали, что Рита Горбушкина сегодня будет здесь? Не караулили же они ее целый месяц!.. А может, у них теперь в штате свой экстрасенс имеется, а?

— Я, пожалуй, пойду, если ты не возражаешь, — Яна потрепала Джемму по большой голове и собиралась уже пойти к выходу, но Руденко остановил ее.

— Погоди-ка, — он пододвинул Яне Борисовне стул, — садись. Значит, ты говоришь, что Вероника дала Горбушкину незадолго до его смерти большую сумму денег?

— Так она сказала, — Милославская села и достала сигарету.

— А ты считаешь, что это не так? — Три семерки нервно потеревил ус, достал зажигалку и поднес горящий фитиль Милославской.

— Почему же, — она с удовольствием затянулась, — скорее всего, так оно и было.

— Ты в этом сомневаешься?

— Я всегда сомневаюсь, — Яна откинула с лица блестящую черную прядь и закинула ногу на ногу, — а ты? Или ментам нельзя сомневаться?

— Не дави на меня, — крупное лицо лейтенанта начало краснеть от напряжения, — я просто стараюсь разобраться.

— Кажется, сегодня я ничем не смогу тебе помочь, я слишком устала, — не найдя ничего подходящего, Милославская стряхнула пепел с сигареты на пол.

— Это мы сейчас исправим, — загадочным тоном произнес лейтенант и окликнул одного из автоматчиков.

Тот подошел. Три семерки что-то шепнул ему на ухо и подтолкнул в спину рукой.

— Давай скоренько.

Вскоре автоматчик вернулся, неся в руках пузатую бутылку с прозрачной желтоватой жидкостью и пару хрустальных стаканов. Сгребя с маленького журнального столика мусор локтем, он поставил бутылку и стаканы на него и подкатил к лейтенанту.

— Вот, — Руденко посмотрел на золотистую этикетку, — «Чивас Регал» — с трудом прочитал он название, — двенадцатилетней выдержки. Это тебе поможет.

Не слушая возражений Яны Борисовны, он наполовину наполнил стаканы и один подал Милославской.

— Не портвейн, конечно, но... — он сделал несколько глотков и поставил стакан на стол. — Давай, давай, настоящий шотландский виски.

— Виски — настоящее, — поправила его Яна, — но, возможно, что ты прав, — она сделала большой глоток и почувствовала, как жидкость теплой волной мягко прокатилась по горлу, быстро согревая тело.

— Я вот помню, был портвейн «Семьсот семьдесят седьмой», — с ностальгической ноткой в голосе произнес Руденко, — вот это был напиток! Не то что это скотское виски.

— Не бухти, — бросила Яна и снова поднесла стакан ко рту, — скажи лучше, как погиб Горбушкин.

— Я же тебе говорил, — Руденко откинулся на спинку дивана, — сгорел в собственном гараже. Там у него канистра с бензином была, так она жахнула дай Бог.

— А почему загорелось?

— Закурил, вот бензиновые пары и воспламенились, — пояснил Руденко.

— Машина тоже сгорела?

— Нет, машины там не было.

— А где она была? — Яна маленькими глотками потягивала янтарную жидкость.

— Машину так и не обнаружили, — покачал головой лейтенант.

— Что же Горбушкин делал в гараже?

— Что он там делал, мы теперь никогда не узнаем, — Руденко тоже потягивал из своего стакана. Его опознали только по перстню и именным часам — обгорел сильно.

— Кто опознал?

— Соседи.

— А разве это не должны делать родственники?

— Должны-то должны, — развел руками Три семерки, — только из родственников у него одна дочь, да и та куда-то исчезла. Где мы только ее ни искали...

— Значит, в принципе, обгоревший труп, обнаруженный в гараже, может быть чей угодно?

— Слушай, мать, — Руденко допил виски и закурил, — что-то сегодня мне твои вопросы не очень нравятся, я бы даже сказал, они мне очень сегодня не нравятся. Что это на тебя нашло? Ты на что это намекаешь? А может, ты что-нибудь знаешь, тогда поделись.

— Я ни на что не намекаю, Сема, — Яна поднялась и направилась к выходу, — и делиться мне с тобой нечем. А если вы убийство списали на несчастный случай, так я об этом никому рассказывать не собираюсь, не волнуйся.

— Нет, ты скажи, — лейтенант бросился за ней, но Джемма предупреждающе рыкнула, и он остановился, — ты мне все-таки скажи, — крикнул он вдогонку, — про какое это убийство ты говоришь?

У выхода из гостиной Яна остановилась и обернулась.

— Ты же не дурак, Сема, ну подумай. Если в гараже оказался не Горбушкин, которого, как я понимаю, не опознали, то это кто-то другой. Это тебе труп номер один. А если это не Горбушкин, тогда где он? Возможно, это будет труп номер два. Достаточно?

— Да, да, да, — лейтенант поднял руки вверх, — хватит с меня на сегодня, а то ты еще какой-нибудь труп придумаешь. Что собираешься делать?

— Сегодня — отдыхать, а завтра — посмотрим. Вообще-то у меня клиент пропал, хотя она мне за все уже заплатила...

— По-ни-ма-ю, — протянул Руденко, — если узнаешь чего-нибудь новенькое, ну, из космических там сфер — позвони, ладно?

— Ладно, — снисходительно улыбнулась Милославская, — ты тоже звони.

— Непременно, непременно, — кивнул Три семерки и отправился допивать виски.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Шило сдернул с глаз Верники черную повязку. Она захлопала ресницами, с досадой чувствуя, что водостойкая тушь на них начала потихоньку скатываться в шарики. Один такой шарик попал ей в глаз и вызвал страшное жжение. Она торопливо достала из сумочки платок и приложила к уголку глаза. В общем, она была совсем не против ехать, что называется, вслепую. В этом была романтика и тайна. Черная повязка, думала Вероника, должно быть хорошо смотрелась на ее рыжих волосах. Она ощущала себя героиней романов Дюма, и волны животного магнетизма, исходящие от водителя «Фольксвагена», казалось ей, острее воспринимаются с повязкой на глазах и сильнее щекочут ее распираемое от жажды нового любовного приключения нутро.

Снежная белизна на мгновение ослепила ее, больно резанув по привыкшим к темноте глазам. А тут еще эта тушь!

— Хорошая машина, плавно идет, — лукаво улыбнулся Шило, крутя баранку «Фольксвагена».

— Подарок мужа, — скосила на него глаза Вероника.

На мгновение у нее мелькнула мысль, что, возможно, приказ Захарыча отвезти ее означает препроводить на тот свет. Ее даже не убедила реплика Саши «высадишь в центре». Конечно, эта реплика сразу же могла настроить Веронику на оптимистический лад, ибо пристало ли лишать жизни кого бы то ни было в самом сердце города? Тем более что дом, куда привозили Веронику с Ритой, по-видимому, находился на окраине. Чего, казалось бы, проще: пристрелить ее на этой самой окраине и закопать под каким-нибудь деревом, а то и просто, ввиду того, что земля мерзлая, уронить бездыханное тело в сугроб и присыпать снежком.

Но Вероника была так напугана, что поначалу не смела поверить в обрушившееся на нее счастье. Она простилась с деньгами, которые надеялась получить с Риты, и это решительно могло испортить ей настроение. И как только угроза смерти миновала, горечь поражения наводнила ее разочарованную душу. Она, конечно, немного позлорадствовала на счет заточения и возможных пыток, которым бандиты без сомнения должны были подвергнуть Риту. Но это чувство удовлетворения вскоре отступило перед меркантильным интересом, грозившим никогда не быть реализованным.

А тут еще страх, вселяемый в Веронику образом разгневанного мужа.

Что-то он скажет, обнаружив, что от всех его дорогих подарков не осталось ничего, кроме скромного по его меркам колечка с маленьким аккуратным рубином? Вероника чувствовала неприятный холод в сердце и тоскливое сосание под ложечкой. Надо что-то придумать, — вздыхала она. Она почти ненавидела мужа, вся вина которого заключалась в том, что он подарил ей эти проклятые драгоценности и тем самым предоставил, сам того не зная и не понимая, возможность помочь ее любовнику, испытывавшему денежные затруднения.

Противоречивые эмоции раздирали Веронику в течение первых десяти минут, потом ее неистребимая и несколько наивная тяга к породистым представителям мужского пола взяла верх над всеми опасениями, и она со свойственным ей легкомысленным кокетством попробовала окрутить сидящего рядом с ней красивого парня. Последний внимал Веронике со снисходительной благожелательностью уверенного в себе самца, которому не чужда хорошая доза здорового цинизма и спокойной иронии.

Вероника изо всех сил старалась рассуждать на общие темы, но, не находя отклика у Шида, смущенно замолчала.

— Что-то Захарыч не в духе, — фамильярным тоном сказала она после долгой мучительной паузы, глядя прямо перед собой.

Ей чудилось, что она выбрала верный способ сблизиться с этим парнем, создавая иллюзию некой людской общности на фоне криминального бизнеса, увязывающего в одно целое ее личные интересы, интересы ее мужа, Захарыча и тяжелый жребий быть при Захарыче в прислужниках. Шило никак не отреагировал на это смелое замечание.

Разговор не ладился и это напрягало Веронику. Поэтому она даже почувствовала некоторое облегчение, когда, затормозив возле небольшой булочной, Шило сквозь зубы произнес:

— Приехали.

Вероника сделала невинное лицо. Она всегда играла в невинность, когда не знала, как себя вести.

— Оставляю тебе твою тачку, — также небрежно проговорил Шило, — передавай привет мужу.

Он хитро улыбнулся, обнажив крепкие белые зубы.

— Чао, — Шило выскользнул из «Фольксвагена» и направился к сопровождавшему их «БМВ», который остановился позади. Не успела Вероника оправиться от своего сексуального поражения, как, взвизгнув резиной и стрелой пронеслась мимо, «БМВ» исчез из поля зрения.

Вдруг предоставленная самой себе, Вероника почувствовала себя растерянной и даже подавленной. За окном «Фольксвагена» по белым

тротуарам, скользя и обгоняя друг друга, спешно двигались прохожие. Приближались новогодние праздники и перспектива праздничного стола, уставленного бутылками и яствами, не давала населению покоя. Вероника тупо наблюдала за торопливо идущей толпой, суета которой ее раздражала и казалась абсурдной. Потом ее пустую голову вновь посетила мысль о супруге, задающем ей вопрос о судьбе подаренных брюликов. Она попробовала отогнать от себя это жестокое видение, требовавшее от нее срочного решения. Зная, что не способна сейчас трезво рассуждать, не говоря уже о каких-то действиях, Вероника впала в самое настоящее отчаяние. «Что же делать?» — крутилось у нее в мозгу.

Ехать домой не хотелось, там ее ждало тоскливое одиночество, тягостное ожидание неотвратимого скандала. А может, покаяться? Она вся собралась, стремясь пробудить в себе решимость совершить смелый моральный поступок, пересела за руль. Да, она поедет на работу к Жоре и во всем сознается ему. Не стоит откладывать... Чушь!

Вероника содрогнулась. Слова признания застряли у нее в горле. Боже, у нее уже теперь ноги стынют, что же будет в Жоринском кабинете? Нет, — Вероника словно очнулась от спячки, — она никогда не осмелится! И все же... А что, если действительно поехать к нему в офис, а там посмотреть по обстоятельствам? Остаться до вечера дома она была не в силах — это она знала точно. К Светке? Нет, она сыта по горло ее советами и комментариями! К Жоре! Все-таки он родной человек... А с признанием пока повременить, разведать обстановку...

Вероника нажала на педаль акселератора и двинулась по направлению к проспекту. Жорин офис находился на Московской, стоило только доехать до Комсомольской, а потом, миновав арку, войти в тихий, неприметный дворик. За те пять-семь минут, которые понадобились Веронике, чтобы добраться до офиса мужа, она справилась с приступом страха и отчаяния, загнав на время эти отрицательные эмоции в глубь души. Во дворе она обнаружила серебристый «Мерседес» своего мужа — машины заезжали с другой улицы — и это вселило в нее почти религиозный восторг. Очертя голову, она ринулась в офис.

Но в приемной ее ждало разочарование. На месте Маши, симпатичной девушки в очках, всегда желавшей ей по телефону чего-нибудь хорошего — Вероника порой звонила мужу на работу — за компьютером восседала ярко накрашенная блондинка с данными не то фотомодели, не то шлюхи. Вероника знала, что в подобных заведениях это одно и то же. «Фотомодель», одетая в сиреневую блузку, из глубокого выреза которого победоносно торчали полушария ее внушительной груди, с нескрываемым

интересом уставилась на Веронику. Потом, смахнув блестящую прядь с плеча, снова посмотрела на монитор и, лениво переведя взгляд на оторопевшую Веронику, сладенько улыбнулась.

— Вы к кому?

— К Георгию Станиславовичу, — резковато ответила раздосадованная Вероника, — я его жена.

Голубые глаза секретарши не стали от такого гордого заявления менее наглыми. В них, даже наоборот, затаилась насмешка.

— А его нет, — вяло улыбнулась девица.

— Как нет? — почувствовала себя вдруг совершенно беспомощной Вероника. — где же он?

В последнюю реплику она постаралась вложить максимум капризной интонации.

— Уехал с Сергеем Анатольевичем, — не теряя самообладания, сказала секретарша.

Сергей Анатольевич был Жориным заместителем.

— Вы мне здесь лапшу на уши не вешайте, — неожиданно перешла в атаку Вероника, чувствуя, что только так она может разрядиться и успокоиться, — его машина стоит во дворе.

— Они уехали на машине Сергея Анатольевича, — зевнула девица, — ему что-то передать?

— Передайте, что я жду его дома, пусть не задерживается!

Едва не поскользнувшись на надраенном паркете, Вероника выбежала из приемной. В дверях она столкнулась с главбухом, пожилой занудливой женщиной, о бухгалтерских способностях которой Жора был оскорбительно высокого мнения. Так считала Вероника. Буркнув «здрасьте», Вероника помчалась к машине. С нее довольно! Все самое невинное и бесхитростное, все самое обычное и простое, что могло случиться в обыденной жизни человека, как то: замена одной секретарши на другую, случайная встреча в коридоре с главбухом и так далее, казались ей прямо-таки поворотными, если не сказать зловещими событиями, грозившими разрушить ее возведенный с таким усердием и фантазией уютный мирок.

Сев за руль, Вероника приложила ладони к щекам. Они пылали. Нет, так нельзя! Вернувшись домой, она примет ванну с лавандой и выпьет коньяку. Сегодняшний день даже с натяжкой не назовешь удачным.

Яна проснулась среди ночи и села на постели. Джемма, уловив шевеление хозяйки, подошла и положила свою большую голову ей на колени. Милославская машинально провела рукой по гладкой шерсти, лаская собаку, но думала она совершенно о другом. Исчезновение Вероники не давало ей покоя. Она надела длинный махровый халат, сверху накинула легкую куртку и вышла на крыльцо. Джемма крутилась рядом. Яна вдохнула свежий морозный воздух, посмотрела на затянутое серыми облаками небо, на росший во дворе могучий дуб и вернулась в комнату. Силы, растроченные за день, постепенно возвращались к ней. Она удобно устроилась в кресле, положив ноги на подушечку, перетасовала колоду и вынула оттуда «Джокера».

Карта была слегка повреждена — Джемма стащила ее со стола и слегка покусала, а изготовить другую как-то не доходили руки — и поэтому информация, полученная с ее помощью, была иной раз несколько туманной. Но Яне почему-то не терпелось прояснить обстановку, и она коснулась карты ладонью.

Это был какой-то небольшой город, скорее всего европейский, но какой точно, сказать она не могла. Двухэтажные кирпичные дома стояли среди садов с облетевшей листвой. Может быть, это был вообще не существующий в реальном мире город, а плод ее фантазии. Хотя, еще не известно, что является большей реальностью — сон или явь. Впрочем, это видение вскоре сменилось другим. Ей явился неопределенных размеров прямоугольник, на котором было изображено нечто непонятное, что-то вроде драпировки.

Мысленно покрутив прямоугольник и не придя ни к какому решению, она попыталась выбросить его из головы. Она расслабилась и полностью освободила свой мозг ото всяких мыслей. Яна не заставляла себя не думать о странном видении, просто сидела, позволяя мыслям скользить с одного предмета на другой, ни на чем не задерживаясь.

Вскоре она уже не ощущала тела, а просто парила в темной тишине пространства, наслаждаясь тишиной и покоем. Внезапно перед ее внутренним взором снова возник прямоугольник. Он был такого же размера как и первый, но изображение на нем было другое.

Яна Борисовна дала возможность изображению проявиться более четко, ожидая, что же будет дальше. Какое-то время рисунок на прямоугольнике был довольно четким. Яна видела белую женскую руку, локоть, запястье, часть кисти. Последняя была мягко очерчена, напоминала руку ребенка или ангела. Если бы не тонкий, нитеобразный пульс, ее можно было бы принять за руку мраморной статуи. На руке мерцал

браслет.

«Разве ангелы носят браслеты?» — мелькнуло у Яны в голове. Яна ощущала, с какой томной негой эта загадочная рука покоится на складках материи, белой, порхающей, пузырящейся, похожей на взбитые сливки. Потом изображение стало затягиваться туманом. Яне почему-то показалось, что она слышит плеск воды. Затем снова возник первый прямоугольник и соединился со вторым. Изображения на том и другом прямоугольнике удивительно точным образом совпали между собой.

Раньше такого она никогда не видела. Милославская полностью отдавала себе отчет в том, кто она такая и где находится, но усилие, которое она предприняла, чтобы увидеть продолжение картинки, все испортило. Оба прямоугольника как бы покрылись паром, и видение пропало.

«Ничего, — мысленно успокоила себя Милославская, — нужно просто снова расслабиться». Но сделать этого ей не удалось. Вечером она не отключила телефон, как обычно делала, чтобы никто не мог побеспокоить ее сон, и вот теперь аппарат решил напомнить о себе, разорвав ночную тишину настойчивой трелью.

Яна встала, собираясь выдернуть телефонный штепсель из гнезда, но, подумав, что все равно теперь быстро она не настроится, сняла трубку и, снова плюхнувшись в кресло, нажала кнопку соединения.

* * *

Приняв ванну, как она и планировала, Вероника выпила коньяку и позвонила мужу на работу. Услышав ехидно-услужливый голос «фотомодели», нажала на рычаг. Нет, она не будет разговаривать с этой дрянью. Слово «дрянь», которым Вероника часто пользовалась, чтобы наградить им особ женского пола, произвольно слетело с ее языка и торкнулось в тяжелые, затканые золотом шторы. Она приподнялась на взбитых подушках и заглянула в большое овальное зеркало на трюмо.

Вдруг в зеркале возникло еще одно лицо, знакомое и лукаво улыбающееся. Вероника потерла глаза. Лицо медленно расплылось, превратившись в россыпь золотистых точек. Наваждение, — вздохнула Вероника. Она снова плюхнулась на кровать и, закрыв глаза, стала представлять, как бы это было заманчиво и волнующе, если бы это лицо неожиданно возникло на подушке рядом с ней.

«Надо было смелее действовать», — прикусила она губу, вызывая сладостное видение. Этот парень-водитель почему-то не давал ей покоя.

Может, мысль о нем спасала ее от страха перед мужем, возводила вокруг нее стены прекрасной иллюзии, нейтрализуя страшную реальность? Часы на стене показывали половину восьмого. Прошел час с тех пор, как она позвонила Жоре на работу. Странно, эта девица была на месте.

Вероника встала с постели, набросила шелковый пеньюар. Почувствовала странное возбуждение, ей казалось, что сама ткань, легкая и скользящая, ласкает ее, готовя к более бурным ласкам. Она лениво потянулась, вдыхая аромат желанья и пошла в гостиную. Там ее ждала початая бутылка «Карафа».

Выпив граммов сто пятьдесят, она снова взглянула на часы, теперь уже на те, что стояли на каминной полочке. Девятый час. В голове стоял туман, колени подгибались, стены начали медленно и плавно кружиться. Вероника добралась до дивана, зевнула и растянулась на его мягких подушках. И тут перед ее внутренним взором опять предстал мечущий грома и молнии супруг. «А может, он сам изменяет мне?» — мелькнуло у нее в мозгу. От этой мысли ей стало не по себе. Она долго ворочалась, прежде чем погрузилась в сон, больше напоминавший кошмар.

* * *

Она стояла в залитой тусклым светом комнате, держа в руке что-то тяжелое и холодное. Стены медленно вращались, плавясь в каком-то влажном тумане. В затылке что-то горячо полыхало, в сердце кроваво рдел ужас. Вероника тупо смотрела на распростертые перед нею тела. Васильковая простынь с огромными белыми кувшинками казалась почти черной. А сами эти кувшинки куда-то загадочно уплывали, отрывая свои изумрудные стебли, проросшие, как чудилось Веронике, сквозь пол в землю. Каждый толчок стебля отзывался болью у Вероники в груди, словно был рвущейся артерией. Покачиваясь, она опустилась на что-то мягкое, льнущее к ее истомленному телу. И то, что она держала в руке, то, что так холодило ее кожу и завораживало взгляд, тихо и покорно скользнуло в пушистый ворс.

Слезы, стоявшие в глазах у Вероники, мешали ей рассмотреть узор ковра и выражения лиц у спящих. И даже не слезы были тому виной, а то, что она боялась поднять глаза. Сон, объявший покачивающихся на кувшинках мужчину и женщину, сковал и ее. Она плыла с ними в васильковую бездну тоски, в васильковую пустоту, омываемую лишь шелестящей бахромой ускользящих в небытие кувшинок. Она

покачивалась, неторопливо и меланхолично, в такт лучам лампы, бросавшей на это мерное отплытие рассеянный свет. Превращаясь в тусклую золотую влагу, он просачивался под веки и уходил вглубь ее распавшегося мозга, туда, где, как змеи шевелились гигантские стебли кувшинок.

Вероника почувствовала, как по ее телу прокатилась тяжелая волна дурноты. Она опустила голову на ковер, узор которого расплылся под ее взглядом и померк. Ночь, непроницаемая и безголосая, надвинулась на нее.

* * *

— Я не знаю, что мне делать! — кричала в трубку плачущая Вероника. — Я не понимаю...

— Что случилось? — забеспокоилась Яна.

— Не могу... — послышалось в трубке истошное рыдание, — не могу гово...

— Успокойтесь, — поморщилась Яна, слегка отстранив микрофон от уха, — что произошло?

Джемма принялась поскуливать.

— Я убила его! — выдохнула Вероника. — Нет, я этого не делала, то есть, я не помню. У меня страшно болит голова, я не знаю, что...

Снова всхлипы, переходящие в рев.

— Где вы находитесь? Вы можете приехать ко мне?

— Не знаю, нет... Сирена! — испуганно вскрикнула Вероника. — Сирена воет!

— Где вы? — повторила свой вопрос Яна. — Какая сирена?

— Не знаю... хотя...

В трубке раздались длинные гудки.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Руденко вошел в комнату, где уже работала бригада экспертов-криминалистов и сел на диванчик, жалобно скрипнувший под ним. Голова слегка побаливала от выпитого в квартире Горбушкиных виски, но нужно было работать. Впрочем, здесь, кажется, все было достаточно ясным. Не понятно только, кто звонил на пульт и сообщил о двойном убийстве. Поморщившись, он скосил взгляд на постель, где среди белых кувшинок лежали два трупа, прикрытые простыней.

— Докладывай, Игорь, — Семен Семеныч поднял глаза на подошедшего сержанта.

— Когда мы подъехали, эта дамочка, — Игорь ткнул пальцем в сторону Вероники, сидевшей на стуле в дальнем углу комнаты с наручниками на запястьях, — выбежала на улицу и пыталась сесть в свой «Фольксваген». Ну, мы ее быстренько скрутили и — в дом. А здесь — парочка мертвяков. Один из них — Георгий Станиславович Шкавронский — муж этой самой дамочки. Рядом с ним, на постели, — сержант покосился на васильковую простыню, — его секретарша — Мотина Галина Александровна.

Руденко тяжело вздохнул, пожевал выпяченными губами и, достав сигареты, закурил.

— Продолжай, — он сунул зажигалку в карман и расстегнул куртку — в комнате было натоплено.

— Рядом с кроватью обнаружили пистолет Макарова, из которого было произведено два выстрела. То есть, — пояснил сержант, — я хотел сказать, что двух патронов не хватает. Сейчас с него снимают отпечатки пальцев, только тут и так все ясно — это она их прикончила. Из ревности.

— Огурцов, — недовольно одернул сержанта Руденко, — я твое мнение спрашивал?

— Да чего же здесь спрашивать, товарищ лейтенант, — глуповато улыбнулся сержант, — и так все ясно.

— Ясно, ясно, — скривившись передразнил его Руденко, — это я буду решать, что ясно, а что неясно, понял?

Не дожидаясь ответа, он махнул рукой в сторону Вероники, которая наблюдала за всем происходящим как-то отстраненно, словно из другого измерения. Шок от увиденного проходил очень уж медленно.

— Давай ее сюда, — приказал Семен Семенович, — и найди какой-

нибудь стол — протокол будешь писать.

— Угу, — кивнул сержант и пошел исполнять поручение.

По мере расспросов Вероника медленно приходила в себя, и когда лейтенант задал ей очередной вопрос, она наконец начала осознавать, в какую переделку влипла. Ее задержала милиция здесь, на даче, на их с Жорой даче, которой тот так гордился. Жора лежал тут же на постели, на которой они не раз занимались с ним сексом. Но теперь он лежал не с ней, Вероникой, а с этой пышногрудой блондинкой, которую она видела второй раз в жизни.

Как она попала на дачу и что она здесь делала, Вероника не помнила и не могла вспомнить, как ни пыталась. Ей казалось, что все, что с ней происходит — дурной сон. Сейчас она откроет глаза и очнется дома в своей теплой постельке рядом с Жорой. Она прижмет к нему, проведет ладошкой по волосатой груди... Нет, ничего этого уже не будет никогда... Но теперь, по крайней мере, не нужно будет оправдываться перед Жорой, куда она дела его брюлики. А на что же она будет жить?! Вопрос застрял в голове, словно колючка в волосах. Она, конечно, может продать Жорин «Мерседес», кое-какие сбережения лежали в банке — на это можно протянуть года два-три, а дальше?

— Вы что, не слушаете меня, гражданка Шкавронская? — услышала она раздраженный голос лейтенанта. — За что вы их убили?

«Что ему нужно?», — Вероника непонимающе взглянула на Руденко. — Я ничего не помню, — произнесла она вслух.

— Вы что, сериалов насмотрелись? — доброжелательно улыбнулся лейтенант. — Не думаю, что амнезия поможет вам избежать ответственности. Лучше расскажите все как было, за убийство в состоянии аффекта вам будет послабление. Могут вообще дать условный срок. Это ведь вы их убили? Как это случилось?

«Господи, что же мне делать?», — мелькнула мысль в гудящей, как котел, Вероникой голове.

— Я говорю правду, — слова срывались с губ Вероники словно осыпающиеся лепестки цветов, — я ничего не помню.

— Так уж и нечего? — не поверил лейтенант. — Может быть, все-таки что-нибудь помните? Где, например, вы были сегодня днем, после того, как покинули Яну Борисовну?

— Яну Борисовну? — с недоумением переспросила Вероника.

— Милославскую, — подсказал Руденко, — вы ведь были сегодня днем у нее.

— Была... — кивнула Вероника.

— Зачем вы к ней приходили?

Сначала Вероника хотела соврать, но быстро поняла, что врать сейчас ей абсолютно невыгодно. А если она скажет правду, Милославская подтвердит ее показания, и тогда у нее появится шанс. Какой именно шанс у нее появится, Вероника толком не знала, но про свой визит к Яне Борисовне рассказала все без утайки.

— Куда вы поехали потом? — Руденко достал новую сигарету.

— К Ритке, куда же еще, — пожалала плечами Вероника, — мне нужно вернуть свои деньги...

— Вы поехали к ней домой?

— Да.

— Она была там?

— Я не знаю, — Вероника хотела было развести руки, но наручники не дали ей этого сделать.

— Опять? — лейтенант покачал головой.

— Но я говорю правду, — чуть не заплакала Вероника, опустив руки на колени, — когда я позвонила в дверь, — торопливо заговорила она, — меня ударили по голове чем-то тяжелым, и я очнулась в каком-то доме... за городом...

— Товарищ лейтенант, — в комнату вошел один из милиционеров, его лицо украшала тонкая полоска усов над верхней губой, — там какая-то женщина вас спрашивает.

— Меня? Женщина? — Руденко удивленно посмотрел на милиционера, потом на циферблат своих часов. — В четыре ночи? Кто такая?

— Говорит, какая-то Милославская, — мент посмотрел на дверь, — гнать ее взащей?

— Нет, Валера, пропусти ее, — Руденко махнул рукой и потерев большим и указательным пальцами свои пышные усы.

Немного подумав, он поднялся и вышел из комнаты. Милославская уже шла ему навстречу. На этот раз она была без собаки.

— Что здесь у вас случилось? — без обиняков спросила она.

— Черт возьми, Яна Борисовна, — ругнулся Руденко, — это вы у меня спрашиваете?

— У кого же мне еще спрашивать? Ты ведь здесь за главного, — Милославская остановилась перед лейтенантом. — Вероника здесь?

— Как ты меня нашла? — Руденко не ответил на вопрос Яны, сделал глубокую затяжку и выпустил дым вверх. — Опять твоя парапсихология?

— Все гораздо проще, Сеня, — улыбнулась Милославская, — я

позвонила тебе в отдел, и дежурный объяснил мне, где тебя найти.

— Но как ты узнала, что Вероника... что я... — Руденко замялся...

— А вот это уже интуиция или парапсихология, называй как хочешь, кроме того, Вероника позвонила мне. Правда, не успела сказать, что у нее произошло и где она находится. По ее голосу я поняла, что она чем-то напугана.

— Будешь тут напуганной, — покачал головой Руденко, — она же пристрелила своего муженька с его любовницей, секретаршей по совместительству, а теперь косит под то, что у нее амнезия и она ничего не помнит. Кстати, как ты сюда добралась? Сейчас ведь автобус не ходит.

— На такси, Сенечка, на такси. Ладно, — Яна взяла Руденко за локоть, — ты ее допрашивал?

— Как раз этим и занимаюсь, — кивнул лейтенант, — только, как сказал Огурцов, здесь и так все ясно.

— Разрешешь мне послушать?

— Валяй, — после недолгого молчания согласился Руденко, — только не пугайся, там у нас парочка трупов...

— Ничего, как-нибудь переживу, — вздохнула Яна Борисовна, — они ведь ничем нам повредить уже не могут...

Она прошла следом за Руденко и, мельком оглядев комнату, присела на диванчик рядом с Семеном Семеновичем.

— Господи, вы пришли, — увидев ее, всхлипнула Вероника, — прошу вас, помогите мне, я вам заплачу.

— Об этом поговорим позже, — Яна посмотрела на лейтенанта и улыбнулась, — если Семен Семенович нам позволит, а пока отвечайте на его вопросы. Хорошо?

— Хорошо, только я не все помню, — жалобно протянула Вероника.

— Говорите пока о том, что помните, остальное я помогу вам вспомнить, — успокоила ее Милославская.

Руденко переводил взгляд с нее на Веронику, наконец это ему надоело.

— Значит, — повысил он голос, — вы сказали, что в квартире Горбушкиных вас кто-то ударил по голове и очнулись вы в каком-то доме за городом. Правильно?

— Да, да, — обрадованно закивала Вероника.

— Записал, Игорь? — лейтенант строго посмотрел на Огурцова, который держал кончик ручки во рту.

— Конечно, товарищ лейтенант, — Огурцов вынул ручку изо рта, — у меня все-таки восемь классов.

— Ты у нас герой, — усмехнулся Руденко и снова посмотрел на

Веронику. — Получается, что вас похитили. Так, гражданка Шкавронская?

— Так, так, — закивала Вероника, — только меня взяли по ошибке, потому что я там в тот момент оказалась. Вообще-то должны были похитить только Ритку. Они думают, что она знает, где ее папаша денежки прятал, ну, до того, как сгорел в гараже.

— Сто-оп, — Руденко поднял вверх обе руки, повернув их ладонями к Веронике, — «они», это кто?

— Не знаю я, — Вероника шмыгнула носом.

— Только не надо мне врать, — сквозь зубы процедил Руденко.

От страха Вероника чуть не заплакала.

— Я только знаю, что их шефа зовут Захарычем, — поправилась она, — Жора как-то раз меня с ним познакомил. Вернее, Захарыч это кличка, а зовут его Александром, отчества я не помню...

— Ага, Захарыч, значит, — улыбнулся Руденко, — это уже лучше. И что же, Маргарита Горбушкина осталась у него?

— У него, — подтвердила Вероника, — они думают с нее деньги вытрясти. Вообще-то, ее бы нужно спасти, а то они от нее мокрого места не оставят.

— Это ты права, гражданка Шкавронская, — усмехнулся Руденко, — только вот что-то ты об этом не вспомнила сразу, тогда, как только тебя отпустили? И вообще странно, что тебя вот так просто из своих лап выпустили...

— Они мне угрожали, — Вероника молча опустила голову. — Можно мне закурить?

— Кури, — Руденко дал ей сигарету.

Вероника взяла сигарету скованными руками и поднесла ко рту.

— Нельзя ли снять наручники? — она просительно посмотрела на лейтенанта.

— Нельзя, — отрезал он и откинулся на спинку диванчика. — Сколько человек было в доме Захарыча?

— Вместе с ним четверо. Но это только те, кого я видела.

— Иванов, — гаркнул Руденко в сторону входной двери.

В комнату вошел Валера и остановился, глядя на лейтенанта. Руденко написал что-то в записной книжке, вырвал листок и протянул Иванову.

— Вот адрес Захарова Александра Владимировича. В доме заложник и, возможно, четыре человека охраны. Вызывай ОМОН и действуй. Я скоро подъеду, понял?

— Понял, — Валера забрал адрес и исчез.

— Семеныч, — из соседней комнаты вышел эксперт — мужик лет

сорока с простым деревенским лицом и хитрыми, глубоко посаженными глазами, — по предварительным данным, на «пушке» ее пальчики, — он кивнул в сторону Вероники.

— Так я и думал, — удовлетворенно хмыкнул Руденко. — Что еще?

— Смерть наступила мгновенно, примерно около двух часов назад, — отчитывался эксперт, — точнее можно будет сказать после вскрытия, от огнестрельных ранений в голову. Возможно, обе жертвы спали, когда прозвучали выстрелы. У меня пока все.

Руденко распорядился проводить Веронику в машину и сам направился к выходу.

— Разве вы меня не отпустите? — Вероникина сигарета упала на пол.

— Вы задержаны, — обернулся лейтенант, — по подозрению в двойном убийстве: вашего мужа и его любовницы. Думаю, мне не трудно будет доказать это.

— Я никого не убивала, — ошеломленно прошептала Вероника, — ну скажите же хоть вы ему, — она повернулась к Милославской.

— Сема, мне кажется, что она говорит правду, — глядя ему в глаза, произнесла Яна.

Она хотела было сказать что-то еще, но Руденко опередил ее.

— Странно, что она это помнит, а про остальное забыла, — усмехнулся он в усы и посмотрел на Веронику. — Посидите в камере, подумайте, может, ваша амнезия пройдет.

Огурцов, сложив исписанные листы в папку для бумаг, подтолкнул Веронику к выходу.

Ее посадили в УАЗик, Руденко занял место за рулем милицейского «жигуленка».

— Тебя подвезти? — через опущенное стекло он посмотрел на Милославскую.

Пока Яна садилась в машину, он позвал к себе сержанта и, посмотрев на стоявшие рядышком «Фольксваген» и «Мерседес», сказал:

— И разберитесь здесь с машинами.

— Знаешь, Семен Семеныч, — сказала Яна, когда Руденко вырулил на трассу, — кажется, ты сейчас совершил большую ошибку...

— Человек всю жизнь делает ошибки и всю жизнь их исправляет, — пытался отшутиться Руденко, — но если задержание Шкавронской ошибка, то я готов всю оставшуюся жизнь не прикасаться к портвейну.

— Очень сильная клятва, — иронично заметила Милославская.

— Такого ясного преступления у меня давно уже не было, — посерьезнел Три семерки, — даже «восьмиклассник» Огурцов просек в чем

тут дело — обычная ревность. Дамочка застаёт своего мужа в постели с любовницей, в ней разыгрываются эмоции и она убивает их обоих. У Огурца хоть и нет специального образования, но он не дурак.

— У твоего Огурцова плохая энергетика, — покачала головой Яна, — он мне не нравится.

— Он исполнительный парень, что ты еще от него хочешь? — недовольно буркнул Руденко.

— Ничего, — Милославская отвернулась и стала смотреть в окно, — просто подумай о том, что я тебе сказала.

* * *

Бледный свет ущербной луны с трудом пробивался сквозь облака. Руденко уверенно вел свой автомобиль по пустынному ночному шоссе. Милославская сидела на заднем сиденье, откинувшись на спинку. Она прикрыла веки, стараясь ни о чем не думать, потом нащупала в кармане колоду, вынула ее и нашла карту «Взгляд сквозь пространство».

Яна сконцентрировалась на образе Риты. Сквозь дыру в пологе черных облаков к ней устремился поток света. Сноп огня упал на глаза, в нем фиолетовыми тенями проступили очертания человеческих тел. Они неподвижно лежали на полу, по которому струилась красно-бурая жидкость. Яна сделала глубокий вдох и замерла. Лиц она видеть не могла, они впечатались в ковер. Она вдруг ясно увидела комнату, большую, заставленную громоздкой мебелью. Обрывки веревки валялись подле опрокинутого стула. Яна различила контуры спинки, увидела даже крохотное бурое пятно на пестрой обивке.

И тут вдруг, взрывая фиолетовую дымку, мелькнули два бегущих силуэта. Яна почувствовала толчок в грудь. Ее лицо обдало горячим ветром — от этих бегущих силуэтов исходила дикая энергия, пучками огня она рассекала окружающее их фиолетовое облако. Потом они замерли, но от этого движение их не прекратилось, за окном проносились безлюдные пустыри. Яна почти физически ощутила пульсацию объединяющей их силы, которая, казалось, отрицает земное притяжение и несет их к космическим рубежам.

— Смерть прошла совсем рядом, — сдавленным голосом заговорила Яна, — была борьба, и смерть отступила. Но опасность все еще есть, она гонит их, она забила их рты. Тяжелое дыхание... Смерть обитает в том доме, ничего, кроме смерти... Воздух, наполненный сомнениями, которые

рушатся, быстро, точно взорванный дом.

— Тарабарщина какая-то! — поморщился Три семерки, не оборачиваясь.

Яна словно проснулась.

— Ты не найдешь там ничего, кроме двух остывающих трупов, — медленно сказала она, — дай сигарету.

Руденко протянул ей пачку. Яна щелкнула зажигалкой и закурила.

— Горбушкиной там нет, — еще конкретнее выразилась Яна, — два убитых мужчины в большой комнате. А Рита сейчас далеко... Она жива, она даже более чем жива!

— Не понимаю я тебя, — тяжело вздохнул Руденко, — что значит «более чем жива»? И потом, кто мог убить тех двоих?

— Рита обрела то, что, казалось, еще совсем недавно утратила... — продолжала Яна свое таинственное повествование.

— Деньги, что ли? — чертыхнулся Три семерки.

— Нечто более важное, чем деньги, может быть, свою душу...

— Ты все загадками говоришь, — недоверчиво усмехнулся Руденко. — И кто же эту вашу Риту из плена выручил, интересно мне знать?

— Я не Господь Бог, я здорово устала. Да ты ведь и не веришь мне, — беззлобно закончила Яна.

— Ну почему не верю, — зевнул Руденко, — вот приедем к Захарычу и посмотрим, имеются ли там два трупа, как ты сказала, или это просто сновидение.

— Ясновидение, — лукаво поправила Яна Три семерки.

— Ясновидение, ясновидение, — пробормотал тот и расправил плечи.

В этот момент в машине заскрипела рация.

— Четвертый, ответь шестому, — раздался в салоне трескучий голос.

— Четвертый слушает, — снял трубку лейтенант. — Валера, в чем дело, ты где?

— Мы на месте, товарищ лейтенант, — проскрипела трубка, — здесь такое творится. Кажется, нас кто-то опередил.

— Иванов, мать твою, ты что, не можешь доложить толком? — лейтенант повысил голос.

— Докладываю, Семен Семеныч, — отчеканил Валера, — Прибыли на место минут десять назад. Двери в доме Захарова были незаперты, два трупа с огнестрельными ранениями валяются на полу в луже крови. У меня пока все. Чего мне делать-то? Прием.

— Хозяин дома?

— Нет, в доме никого.

— Вот блин, — выругался Руденко. — Ничего не трогай, жди меня, я на подходе. Узнай у соседей, не слышал ли кто выстрелов.

— Да кто здесь услышит, — пробурчал Иванов, — дом-то на отшибе.

— Делай что тебе говорят! — закричал в трубку лейтенант. — Все, конец связи. Да, ОМОН можешь отпустить.

Он бросил трубку на сиденье и прибавил газу. Мотор загудел натужнее, и машина пошла быстрее.

— Ну, ты, Борисовна, даешь, — он повернул голову к Милославской. — Как в воду глядела.

— Не в воду, а в карты, — поправила его Яна, прекрасно слышавшая весь разговор начальника с подчиненным. — Кто-то ее освободил, — как бы в раздумье добавила она.

— Если ты права, — вслух размышлял Руденко, повернув машину на перекрестке по направлению к дому Захарова, — значит, у Горбушкиной есть помощник... Вот сволочи, что делают, — это уже относилось к встречной машине, несшейся на огромной скорости. — Куда смотрят «гибэдэдэшники»?

«БМВ» с тонированными стеклами прошелестел мимо по мокрому асфальту, обдав «жигуленок» Руденко грязной водой.

— А, чтоб тебя! — Руденко включил стеклоочистители, которые задвигались туда-сюда по лобовому стеклу.

Яна проводила «БМВ» взглядом, и тут у нее в мозгу что-то сверкнуло, словно белая молния.

— Сеня, тормози, — негромко сказала она.

— Чего? — недоуменно оглянулся Руденко, но скорость сбавил.

— Это она, — словно сомнамбула прошептала Милославская, глядя назад на красные фонари удалявшегося «БМВ».

— Кто она, е-мое? — нетерпеливо поинтересовался лейтенант, совсем останавливая «жигуль».

— Горбушкина... — словно сквозь сон добавила Яна Борисовна, сама не понимая, откуда она это знает.

— Ты уверена? — переспросил лейтенант, уже разворачивая машину.

Он ударил по газам, стараясь не потерять из виду красные фонари, и погнался следом. Расстояние между ними мало-помалу стало сокращаться. Управляя «жигуленком» одной рукой, он успел связаться по рации с дежурным. Это немного было похоже на американские боевики, когда полицейский сообщает: «Преследую такую-то машину, которая движется в таком-то направлении». Только у нас это выглядит несколько не так, а как бы в замедленной кинохронике. Наконец Руденко пообещали, что вводится

в действие план «Перехват», но к этому времени, водитель «БМВ» уже понял, что машину преследуют. На своих стареньких «Жигулях» Руденко и так-то едва поспевал за мощным автомобилем, а когда водитель почувал погоню и прибавил скорость, то преследовать его стало еще труднее.

Еще некоторое время он выжимал из машины все, на что она была способна. Несколько раз их заносило и едва не бросило на бордюр, но лейтенант с честью выходил из затруднительного положения. Хорошо еще, что не было встречного транспорта. Два квартала Руденко удавалось видеть в конце улицы красные фонари «БМВ», а потом они пропали.

— Хватит, Семен, — остановила его Милославская, — мы их потеряли.

Она положила ладонь ему на плечо, но Руденко вошел в азарт. Скинув руку Яны Борисовны, он еще минут двадцать колесил по городу, пока по рации не пришло сообщение, что серый «БМВ» обнаружен в одном из дворов, неподалеку от места поиска.

— Черт, черт, черт! — лейтенант остановил машину и ударил ладонями по рулевому колесу.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Когда Яна приехала домой на милицейском УАЗике, любезно предоставленном ей Руденко, уже начало светать. Джемма обрадованно запрыгала в прихожей. Яна похлопала ее по мохнатой морде и, ласково отстранив, прошла в спальню. Она казалась самой себе бледной тенью — так велика была ее усталость. Стянув с себя брюки и откинув одеяло, забралась под него, но несмотря на то, что была измотана до потери пульса, чувствовала, что уснуть не может. Она открыла тумбочку, нащупала блок сигарет, достала пачку и закурила.

Джемма лежала рядом на ковре, положив голову на свои огромные лапы. В тусклом свете ночника ее шерсть отливала шелком. Она то и дело взглядывала на хозяйку — видно, ей передавалось Янино беспокойство. Выкурив сигарету, Яна прикрыла веки и постаралась расслабиться. Напряжение сегодняшнего дня плачевным образом сказалось на ее энергетических ресурсах, она ощущала себя обломком кораблекрушения.

Яна привстала, выключила свет и, откинувшись на подушку, замерла глядя прямо перед собой. Заметив на столике колоду карт, которую всегда старалась держать где-то поблизости, механически перевернула верхнюю. Это был «Джокер».

Ее зрачки слились с абсолютной тьмой, она стала медленно проваливаться в какую-то зыбкую вату. Это было блаженное ощущение, когда сознание еще работает, но мысли начинают путаться подобно нитям паутины, слипаясь и неожиданно разрываясь и повисая в черном пустом пространстве. Подобно пауку, Яна скользила по тонким волокнам, серебрящимся в окрестном мраке, и вскоре в нем проступил черно-белый прямоугольник.

Он медленно выехал из тьмы, кристаллизуясь на глазах. Еще через несколько секунд он причудливо заструился, точно ровная геометрическая плоскость превратилась в легкие порхающие складки какого-то одеяния.

Оно походило на облако кисейной пены, Яна чувствовала его бархатистую мягкость и — с щемящим ощущением потери — его магическую недоступность. Вдруг что-то хрустально замерцало на этой ткани — Яна уже не сомневалась, что это была ткань, — и стало неторопливо стекать. Прямоугольник присоединился к двум другим, которые Яна уже видела раньше.

Яна поежилась — капли жемчуга обожгли ее кожу прохладой, словно

легкое чувство стыда, смешанного с непобедимым женским кокетством. Дышать стало легче, все ее тело было соткано из звонких веселых ручейков. Прозрачная влага подобно одеянию обволакивала ее, Яна легко ступала во мраке, точно ей были видны ступени или мостки, она скользила вслед за развевающимися складками, по-прежнему колышались где-то впереди. Она уже бежала, пока чудесный воздушный поток не подхватил ее и не бросил на пышную подушку. По ее телу разлилась незнакомая ей нега.

Неожиданно воздух стал уплотняться, словно ветер превращался во вздымающий горы черной пыли ураган. Темный ком тоски повис у Яны в гортани. Она схватила себя за горло, быстро выпрямилась в постели. Джемма тихонько заскулила.

— Что это? — Яна тяжело дышала и терла глаза.

Восторг сменился горькими разочарованием. Быстрый переход от одного эмоционального состояния к другому обернулся чувством абсурда и чудовищной незащищенности. Яна вскочила, словно что-то забыла сделать или боялась что-то забыть и заходила по комнате. Потом остановилась возле тумбочки, облокотившись на нее. При этом она низко наклонилась и, ощутив волну парализующей слабости, едва не опрокинула на пол бронзовую статуэтку совы, сидящей на мраморной подставке.

— Что это? — удивленно взглянула она на проявляющую признаки беспокойства Джемму.

Собака толклась в комнате, дефилируя от одной стене к другой.

— Надо успокоиться, — механически произнесла Яна и мысленно дала Джемме сигнал занять место возле кровати.

Собака моментально подчинилась и, испустив звук, похожий на печальный вздох, улеглась на ковер. Яна выключила свет и вытянулась на постели. «Эта карта ущербна, — мучительное чувство неудовлетворенности сжимало Янино сердце, — я должна заново ее нарисовать, изобрести, придумать...»

Она долго ворочалась, пока не заснула. На этот раз она видела во сне Джемму. Ей снилось, что Джемма стоит на противоположном берегу и истошно лает. Речушка совсем крохотная, но Яна боится ледяной воды. Она почему-то знает, что вода холодная, но как втолковать это Джемме? Но Яна злится не столько на упрямую собаку, сколько на себя — за трусость. Она негодует, потому что в глубине души уверена, что вода вовсе не холодная, а считает она ее таковой только из-за нежелания идти на поводу у собаки. Поколебавшись, Яна все же решается войти в воду — расстояние, разделяющее ее и Джемму, ничтожно мало. Она спускается к самой кромке воды, чувствует босыми ногами приятную прохладу и делает шаг

навстречу Джемме. Но та вдруг, прекратив лаять, начинает не менее истошно скулить. Яна не в силах переносить эту собачью жалобу.

Кто-то стягивал с нее одеяло, по телу прошла волна неприятного озноба. Яна попробовала потянуть одеяло на себя, но оно не слушалось. Яна нехотя открыла глаза. Джемма с глухим рычанием сбросила одеяло на ковер и сердито рывкнула.

— Это некрасиво и неэтично, — через силу, из «педагогических» соображений улыбнулась Яна, отворачиваясь и глядя в окно, к которому льнула туманная дымка.

Вчера она даже не задвинула шторы. Обнаженные ветки деревьев чеканили темные, слегка посеребренные профили на ее морозном волокне. На часах — восемь ноль три.

Яна чувствовала себя разбитой, а тут еще этот монстр сбрасывает с нее одеяло и что-то требует! Надо попробовать игнорировать ее капризы, — подумала Яна о Джемме. Но собака принялась лаять.

— Фу! — прикрикнула Яна, — ты видишь, твоя хозяйка тоже не завтракала. Имей совесть!

Джемма подошла к креслу, на котором лежали джемпер и брюки, те, в которых Яна была вчера, и, немного неловко взяв все это в пасть, принесла хозяйке на постель.

— Да ты хоть можешь объяснить в чем дело? — усмехнулась Яна.

Вместо ответа Джемма еще раз громко и недовольно гавкнула. Яна ради эксперимента тронула свои вещи. Джемма одобрительно завиляла хвостом.

— Ты знаешь, о чем я думаю? — Яна надела джемпер и, встав с кровати, принялась натягивать брюки. — Ты хочешь куда-то отвести меня?

Джемма, взвизгнув, вильнула хвостом. Яна закатила глаза и рассмеялась.

— Ну хоть кофе дашь мне выпить? — взмолилась она.

— Гав-гав! — заявила Джемма.

— Не-ет? — округлила глаза Яна.

Она взяла из колоды карту «Взгляд сквозь оболочку», присела перед собакой и настроилась на восприятие ее волн. Через некоторое время она уже знала, почему Джемма проявляет такое нетерпение.

— Тогда веди меня к ней, — приказала Милославская.

Яна вышла в прихожую, набросила каракулевый полушубок и, одев на Джемму ошейник, выскользнула во двор. Верхний слой снега оледенел, образовался тонкий наст. Яна миновала калитку, щелкнула задвижкой и, с трудом сдерживая стремительный порыв Джеммы, вышла на трассу. Как

всегда тормознула машину. На этот раз ей попался неразговорчивый хмурый мужик лет пятидесяти на зеленом «Москвиче». Она попросила его следовать в центр. Он даже не пожал плечами, не говоря уже об удивленном или недовольном возгласе. Но Джемма начала подавать признаки нетерпения, когда «Москвич» приблизился к Рабочей. Яна расплатилась и вышла. Джемма что есть сил потянула ее к стадиону.

— Да в тебя бес вселился! — раздосадованно воскликнула Яна, еле поспевая за собакой.

Вскоре они выбежали на привокзальную площадь. Несмотря на относительно ранний час, там уже толкался народ. Караваны автобусов и троллейбусов выстроились на остановках. Проезжая часть утопала в грязи, хотя подмораживало и лужи были затянуты льдом. Джемма не сбавляла темпа. Яна миновала группу алчных и назойливых таксистов, укоротила поводок и, толкнув стеклянную дверь, вошла в здание вокзала. У касс на текущие поезда толпились люди. Но Джемма тянула к тоннелю, через который пассажиры выходили к перронам. Свернув на первом же повороте, она понеслась во всю прыть по лестнице. Выскочив на перрон вслед за собакой, Яна увидела, что на московский поезд идет посадка. У входа в вагоны выстроились жиденькие очереди — видно, процедура была в полном разгаре и основная часть отъезжающих уже заполнила вагоны.

Яна машинально оглянулась и увидела двух дюжих парней, во весь опор несущихся по платформе. И сама была едва не опрокинута еще двумя мужчинами в спортивных куртках, которые бежали ей навстречу. Те словно догоняли первых, отчаянно работая локтями и ногами. Но что интереснее всего — после секундного колебания Джемма ринулась вслед за ними. Яна неистово кричала на собаку, привлекая тем самым внимание окружающих. Она безуспешно пыталась сдержать Джемму. И тут вдруг двое первых молодцов резко затормозили, явно оказавшись в замешательстве. Двое «догоняющих», подлетев к ним, тоже остановились. Все дружно уставились в окна третьего вагона. Один из парней в кожаной куртке, тот, что был пошире в плечах, но пониже, закурил. Вскоре к нему присоединились остальные. Они о чем-то вполголоса переговаривались, смачно сплевывая на заснеженный перрон. Джемма остановилась в двух шагах от этой странной группы и вместо того, чтобы обдумать, как про себя выражалась Яна, ситуацию, начала нагло облаивать парней. Один из них, в спортивной куртке, в руке у которого Яна увидела сотовый, сурово глянул на нее.

— Убери собаку! — грозно рявкнул он. — Чего она у тебя на людей бросается?

— Фу, — дернула Яна Джемму за ошейник, не понимая, что вынудило ее милую собачку лишиться ее утреннего сна и вытянуть на вокзал.

— Вот она! — неожиданно крикнул плечистый парень, махнув рукой в сторону вагонного окна.

— Вы здесь, мы к другой двери, — скомандовал парень в спортивной куртке и, сунув мобильник в карман, кинулся в сторону, едва не сбив Яну с ног.

Джемма почти не отреагировала на него. Она наблюдала за парнем в куртке. Он лихо подскочил к двум шушукающимся проводницам, отстранил чахлого интеллигента в очках и сером пальтеце до колен, схватился за поручни и поставил ногу на подножку. Подтянувшись, он собирался поставить другую ногу на следующую ступеньку, но рванувшаяся вперед Джемма с рычанием ухватила его за брючину.

— Отстань, сука! — парень попытался вырвать ногу, только это ему не удалось.

Джемма, отпустив штанину, ловко перехватила его за лодыжку.

— А-а, сволочь! — зарычал парень, разжимая руки.

Свалившись со ступеньки, он плашмя ударился спиной о перрон, крикнув от боли. Его напарник в черной вязаной шапочке стал бочком пробираться к двери вагона, осторожно поглядывая на «взбесившуюся» собаку. Джемма, держа обе передние лапы на груди у упавшего, повернула голову в его сторону и с рычанием оскалила большие белые зубы.

— Джемма, перестань, что ты делаешь! — попыталась остановить ее Яна, но та словно с цепи сорвалась.

Она бросила лежавшего парня в куртке и бросилась на «черную шапочку», когда тот уже был на верхней ступеньке вагона. Зубы с сухим звоном клацнули в воздухе — Джемма промахнулась. Но тут же исправилась, поймав «черную шапочку» за пятку.

В тамбуре появился молодой шатен, в куртке «пилот» и серой трикотажной шапке с маленьким козырьком, из-под которой выглядывали аккуратно подстриженные бачки. За ним возникла девушка с темно-русыми волосами. Она была без головного убора, в легкой бежевой дубленке. Парень с бачками быстро передал ей небольшую черную сумку, которую держал в руках и, размахнувшись, въехал «черной шапочке» ногой в лоб. Проводницы и стоявший рядом с ними интеллигент отшатнулись в страхе, давая возможность телу беспрепятственно свалиться на перрон. Падая с растопыренными руками, парень сшиб своего приятеля, который к этому времени, воспользовавшись тем, что Джемма убрала с него свои лапы, поднялся и стоял в оборонительной стойке.

Они оба повалились на платформу, смешавшись в один комок. Одна из проводниц достала откуда-то свисток и принялась дуть в него что есть мочи. Шатен выскочил из вагона, подхватил свою спутницу и нырнул вместе с ней в тоннель.

— Стой, сука! — парень в черной шапочке, покачиваясь, поднялся на колени.

Ко входу в тоннель спешили и те двое в спортивных костюмах, что все это время сторожили шатена и его спутницу у другой двери вагона. Оскалив зубы, путь им преградила Джемма.

— Убери собаку, ты, — парень, у которого Яна видела сотовый, схватил ее за грудки.

Джемма, не стерпев такой обиды, ринулась на него.

— Я убью тебя и твою шавку, — в руках у парня появился пистолет, который он приставил к Янину виску. — Ну, живо!

Яна приказала собаке, которая уже почти уцепила парня за руку, остановиться. Джемма села, тревожно переводя большие умные глаза с одного нападавшего на другого, а затем — на хозяйку.

— За ними, — приказал главарь, зыркнув на лежавших.

— Какого черта разлеглись здесь!

Те хотели было кинуться в тоннель, но Джемма преградила им дорогу. Она только тихо рычала, но вид у нее был настолько грозный, что парни встали как вкопанные.

— Убери собаку! — заорал главарь на Яну.

— Не могу, — Милославская отвернулась — она меня не слушает.

— Ладно, — усмехнулся главарь и направил пистолет в голову Джемме, — тогда я ее прикончу.

— Нет, — Яна Борисовна схватила его за руку, в которой был пистолет, — она сейчас успокоится, дайте ей немного времени.

На противоположной стороне платформы появились двое милиционеров, не спеша двигавшихся в сторону Яны и главаря. Увидев ментов, он ослабил хватку. Диктор в микрофон объявил отправку.

— Ты ничего не видела, тварь, — главарь растянул губы в усмешке, — сейчас мы вместе быстро выйдем отсюда. Если менты привяжутся, скажешь, что все в порядке, собаке, мол, что-то не понравилось. Поняла?

— Хорошо, — беспокоясь за Джемму, испуганно произнесла Яна.

Две пары рук подхватили ее с обеих сторон и повлекли к тоннелю.

Проводницы заняли свои места в вагоне, выставив в открытую дверь флажки.

Веронике было не по себе. Даже присутствие адвоката, который тут же примчался на ее зов, не могло скрасить жестокой наготы реальности. Она сидела в кабинете уже полчаса и давала показания по делу об убийстве Жоры. Комната производила унылое впечатление: два обычных полированных стола, один из которых стоял у окна, а другой — ближе к двери, книжный шкаф из той же серии — в нем пылились досье — несколько стульев не первой свежести, ряд полок, заставленных кодексами и всевозможными папками, небольшой, выкрашенный коричневой краской сейф, дверца которого была приоткрыта, да пара горшков с чахлой комнатной растительностью. Телефонный аппарат, «украшавший» один из столов, мог быть смело зачислен в разряд «советское ретро». Его оранжевый цвет не вязался с угрюмой и скучной атмосферой, которой даже приоткрытая дверца сейфа не придавала ни грана заманчивости.

Вероникино дело, покоящееся в новенькой папке, угнетающим образом действовало на нее. Лева, пробивной и ушлый адвокат, надеялся, разумеется, на щедрый гонорар. Верил ли он, что жена его клиента, то бишь Жоры, убила его клиента, опять же Жору — этого Вероника не знала и старалась об этом не думать.

Он лениво гладил свои густые черные усы и был совершенно спокоен. Веронике хотелось бы большего пафоса, большей убежденности в ее невиновности. Но Лева точно издевался над ней. Он спокойно расспрашивал ее о подробностях вчерашнего вечера и ночи, как-то вяло сопротивлялся молодой напористой стерве-следовательнице. Следовательница была ничего, грамотная и довольно вежливая, но Вероника была не в той кондиции, чтобы по достоинству оценить эти качества. Ее раздражал сухой канцелярский слог, ведь она считала себя чем-то вроде героини греческой трагедии, одну из которых она когда-то начала читать, да так и не закончила. Она страшно нервничала, бесконечно повторяла, что она не имеет к этому убийству ни малейшего отношения.

— Мы все проверим, — заученно говорила следовательница, — пока мы рассматриваем вас в качестве подозреваемой. Если вы не виновны, вы должны развеять наши подозрения.

При этом ее холодные карие глаза насмешливо сверкали, отчего Вероника впадала в бешенство и отчаяние.

Несмотря на свой довольно пошлый наряд — Вероника полагала, что нормальный вид может быть только у женщин, одевающихся в фирменных

бутиках — следовательница вела себя весьма высокомерно. Она лукаво улыбалась Леве, мол, все я про вашу подопечную знаю, и с самодовольным выражением на смазливом наглom лице теребила свои короткие каштановые пряди.

Горечь утраты еще не была прочувствована Вероникой до самой глубины. Наоборот, она осознавала себя отмищенной. Ведь ее дорогой Жора изменил ей, да с кем! — с этой дешевой шлюхой с огромными кочанами вместо грудей. Она бесконечно доверяла мужу, а он... Ее собственная измена казалась ей теперь блеклым облачком на гладком зеркале ее жертвенной верности. А вот Жора... Вероника вздохнула. Она хваталась за мысль о Жориной измене, чтобы не рухнуть в бездну самобичевания и отчаяния. Ее страшно пугало то, что она не могла восстановить во всех подробностях картины происшедшего вчерашним злосчастливым вечером и ночью. Она только помнила, что пила, что ужасно волновалась по поводу заложенных бриллиантов, что ее мучительно тревожило Жорино отсутствие, которое она даже готова была счесть проявлением его преступного равнодушия.

— Вы слушаете меня? — с ехидной улыбочкой обратилась к поглощенной своими думами Веронике дознавательница. — Как вы оказались на даче?

Вероника вздрогнула, подняла голову и встретила взглядом со снисходительно-печальным взором Левы. Потом перевела взгляд на Ирину Константиновну, неотрывно смотрящую на нее.

— Что?

Следовательница повторила вопрос.

— Я была расстроена, ждала Жору, а он все не приходил... — проямлила Вероника, которой вдруг стало безумно жаль себя.

К этой жалости примешивался стыд за свой несвежий вид, ведь она встретила рассвет в ментовке. Стыд и недовольство. А вот Лева сидел при костюме, при галстукe. С какой-то щемящей тоской Вероника отметила про себя, что галстук у Левы дорогой, если не сказать пижонский.

— И что было дальше?

— Я села в машину и поехала на дачу...

— Вот так вдруг? — недоверчиво улыбнулась Ирина Константиновна.

— Нет... — Вероника задумалась, беззвучно шевеля губами.

— Вы должны понимать, — внушительным голосом заговорил Лева, — моя клиентка пережила такой стресс, у нее погиб муж, она была не в себе, многое не помнит. Ей нужно время на осознание...

— Все это я учитываю, — игриво взглянула на него

следовательница, — но что нам мешает общими, как говорится, усилиями, потихоньку все восстановить? Я ведь не оказываю на Веронику Владимировну никакого давления. В мои обязанности входит выяснить все до конца. Если она поможет нам, возможно, всплывут какие-либо факты, и тогда...

— Что тогда? — у Вероники внутри все холодело.

— ...из подозреваемой вы превратитесь в свидетеля, — со скрытым недоверием закончила дознавательница.

Она попыталась придать своей фразе оптимистический, даже бравурный тон, но выражение глаз выдало ее. «Она не верит мне», — мелькнуло у Вероники в голове.

Лева глухо кашлянул, прочищая горло.

— Я полностью уверен в невинности Вероники Владимировны, она любила мужа и просто не способна на убийство, — пробубнил он.

Даже Вероника, не знакомая с юридическими тонкостями и средствами психологического воздействия, почувствовала, насколько слаб в данных обстоятельствах, смешон и несостоятелен этот аргумент, и насколько Лева обнаглел. Вместо того, чтобы действовать хитро и убедительно, вместо того, чтобы, как говорила Вероника, шевелить мозгой, он лепит детский вздор! Уверен, что я щедро оплачу его услуги, а работает спустя рукава, — заключила Вероника, вдруг осознав, насколько сама она внутренне сильна, если в такую трагическую минуту, когда решается ее судьба, способна давать трезвую оценку профессиональным качествам халявщика Левы. Еще пять минут и Вероника бы себя заважала. Но тут сноваследовательница, вежливо высмеяв Левино заявление, сделала ей подсечку.

— Он изменил вам, это факт. Он был с другой женщиной в постели... Как видите, мотив налицо — это ревность.

— Протестую, — картинно приосанился Лева, точно был в суде, — мы восстанавливаем ход событий. У Вероники Владимировны частичное расстройство памяти. Мы остановились на том, что она, не дождавшись мужа, отправилась на дачу... Вероника, — мягко обратился он к Шкавронской, — почему ты решила, что Георгий Станиславович на даче?

— Дознание веду я, — резко и звонко одернула его Ирина Константиновна.

— Осмелюсь напомнить, что выследователь, но не прокурор, — пошел в атаку Лева, чем вызвал одобрение Вероники, — ваше дело — дать связную картину происшедшего, а не судить мою клиентку!

Вероника с благодарностью посмотрела на Леву. На его полных щеках

проступил румянец. «А он ничего, — мысленно усмехнулась Вероника, — может, надо было с ним любовь крутить, а не с этим погорельцем?» Благодаря последнему пассажиру Левы впечатление от жестокой фразы дознавательницы, когда та упомянула об измене Жоры, причем говорила она оскорбительным тоном, почти изгладилось из ранимой Вероникиной души.

— Вы знали, что ваш муж на даче? — твердым голосом произнесла Ирина Константиновна.

— Да, — кивнула Вероника, краем глаза наблюдая залевой.

Теперь она чувствовала угрызения совести — она явно его недооценила.

— Откуда? Он всегда бывал на даче, когда не приходил после работы домой? — сузила свои пустые карие глаза дознавательница.

— Нет, — в голосе Вероники сквозила неуверенность.

— Так почему же вы поехали туда? — дознавательница понемногу раздражалась.

— Мне сказали, — тупо посмотрела на Ирину Константиновну Вероника.

Она вдруг вспомнила. Конечно, как она могла догадаться, что Жора на даче? Он ездил туда не так уж часто, хотя всегда гордился ею. А сейчас, зимой, с чего бы ему туда ехать? Ну да, иногда они и зимой выбирались на пикники, шашлыки и так далее. Сидели у горящего камина, обнимались и пили вино... Вероника вдруг почувствовала, как в груди закипает рыдание. Боже, кажется, прошло сто лет с тех пор, как они в ноябре ездили на эту проклятую дачу! Вероника поморщилась, но не расплакалась. Она решила не давать повода этой стерве почувствовать свое превосходство.

— Кто сказал? — как на дурочку посмотрела на Веронику следовательница.

— Мужчина... У него был глухой грубый голос. Он сказал и повесил трубку, — с трудом выговорила Вероника, опять застигнутая желанием разрыдаться.

— Значит, вам позвонили?

— Да, — вяло согласилась Вероника, все силы которой уходили на то, чтобы воспрепятствовать слезам изуродовать ее и без того помятое лицо.

— Голос вам был знаком? — принялась что-то деловито записывать Ирина Константиновна.

— Нет, я слышала его в первый раз... Отвратительный голос...

— И что конкретно вам сказали?

— «Твой муженек на даче, развлекается с секретаршей. Если не

будешь медлить, у тебя есть шанс увидеть пикантную сцену...»

В Вероникиной груди снова поселилась тяжесть. Глаза щипало, но она по-прежнему старалась сдерживать рыдания.

— Больше ничего? — подняла наигранно сочувственный взор от бумаг дознавательница.

— Ничего, — сдавленно повторила Вероника.

— Вы не спросили кто это?

— Мне было не до этого, — наивно ответила Вероника, — я побежала одеваться.

— Ясно, — что-то черкнула на канцелярском листе Ирина Константиновна, — вы ведь прилично выпили...

— Хмель тут же слетел с меня, — Вероника успокоилась, — я нормально вела машину.

— В котором часу вы приехали на дачу?

— Я на время не смотрела, но думаю, около двух часов.

— Когда вы подъехали, вам ничего не показалось странным? — томно облокотилась на стол дознавательница.

— Я увидела машину мужа и свет в окнах... — сердце у Вероники снова упало.

— И что же было дальше? — протокольным тоном спросила Ирина Константиновна, выпрямившись на стуле.

— Я вошла... — неожиданно смутилась Вероника.

— И... — оживилась следовательница.

— Дальше я не помню, — растерянно посмотрела на Леву Вероника.

— Вот как? — недоверчиво усмехнулась Ирина Константиновна.

Она приковала к бледному лицу Вероники пристальный взгляд.

— Я же говорил, — как-то беспомощно произнес Лева, — у Вероники Владимировны частичное расстройство памяти.

— Мне нужна Яна Борисовна, — воскликнула Вероника, — она сможет мне помочь, я в этом уверена!

— А это еще кто? — поморщилась следовательница, — вы лучше объясните, как у вас в руках оказался пистолет?

— Я очнулась с ним, он был уже у меня в руке... Я стала звонить Милославской, она приехала... — торопливо заговорила Вероника. — Я не знаю... Кажется, она приехала потом...

И тут, не в силах больше сдерживать слезы, она разревелась.

— Вы что, спали? — игнорируя надрывный плач Вероники, холодно осведомилась Ирина Константиновна.

— Кажется... — простонала Вероника, — не знаю. Я вошла и... — ...

заснули? — усмехнулась следовательница.

— Да-а... — тупо протянула Вероника.

— Вот как? — как на умалишенную посмотрела Ирина Константиновна на Веронику.

— Меня ударили по голове, — нашлась Вероника.

— Также как и в квартире у Горбушкиной? Выходит, вчера вас весь день били по голове? — жестоко пошутила Ирина Константиновна.

— Я не помню-ю! — прорычала взбешенная Вероника.

Лева удивленно воззрится на нее.

— Мне нужна Милославская, она все знает, она скажет, она меня спасет! — завизжала Вероника и, вдруг стихнув, закрыла лицо руками.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

К Янину удивлению, ее повели не на привокзальную площадь, а к автовокзалу. Джемма следовала на коротком поводке рядом. Ее вели двое парней, один в черной шапочке и спортивной куртке, другой — верзила в спортивной куртке. Яна чувствовала, как ей в бок упирается дуло пистолета, который последний держал в кармане. Джемма все время рычала, что провоцировало главаря, переговаривавшегося с кем-то по сотовому, на злобные реплики.

— Смотри, сволочь, без глупостей, — шипел он Яне на ухо, не то тебе и твоей собаке — крышка.

По тому, с какой одновременно нагловатой и заискивающей манерой оправдывался он перед кем-то по телефону, Яна поняла, что он разговаривал с шефом. Выйдя из тоннеля и миновав чахлый, запорошенный снегом сквер, служивший в разное время пристанищем для разнообразного бомжеватого люда, они прошли мимо минимаркета и вышли на улицу Емлютина. Оставив Яну на попечение ее внимательных стражей, главарь отправился к стоявшей у противоположной стороны дороги темно-зеленой «Ауди» и сто десятым «Жигулям».

На заднем сиденье «Ауди» таилась какая-то зловещая тень. Яна почти физически ощутила исходящую от этой тени отрицательную энергию. Ей сделалось нехорошо, что-то похожее на чувство предательства, на горечь ностальгии и потери шевельнулась в ее груди. Порой Яна становилась беззащитной перед токами вредной энергии, желавшей, кажется, ее расплющить, обескровить, обессилить.

Хлопнула дверца. Из «Ауди» вышел высокий, узкоплечий человек в длинном сером пальто. Он стремительной походкой направился к главарю, замершему у дороги. Видно, последний хотел доложить обстановку в машине, а начальник не пожелал ждать его и решил поторопить ход событий.

Теперь Яна хорошо могла разглядеть лицо мужчины в сером пальто. У него были коротко стриженные волосы неопределенного цвета, глубоко посаженные глаза, стальной блеск которых был бы нестерпим, если бы не характерные впадины глазниц, придававшие взгляду подобие черной бездны, длинный подбородок и неприятный рот, словно разрезанный бритвой. Губы, бескровные, белые, тонкие, быстро шевелились у внимательного уха главаря.

— Нервничает, — с оттенком пренебрежения бросил державший Яну парень в черной шапочке.

У него было сальное лицо, толстые щеки, нос картошкой и не в пример избыточному жиру, источаемому его рябоватой кожей — сухие обветренные губы. Другой, верзила в спортивной куртке, походил на прибалта. Правильные черты лица, крупный нос, голубые пронзительные глаза, взгляд которых тем не менее казался затуманенным какой-то одной ему ведомой думой, узкий длинный рот.

— Заткнись! — прикрикнул на «черную шапочку» стоявший чуть поодаль плечистый парень в кожаной куртке.

Яну прямо-таки обдало холодной волной его затаенной злобы. На миг в глазах у нее потемнело. Столь могучая ненависть ко всему и вся, которую прочла она в сердце этого подонка, готова была смести ее с лица земли. Она чувствовала, что глубоко под кожанкой он прячет свою досаду. Ей не нужно было потрошить его внутренний мир, ущербный и уродливый, чтобы разгадать этого мрачного человека с повадками дрессированного орангутанга.

Главарь, выслушав приказы и комментарии человека в сером пальто, направился к оставленной группе. Джемма зарычала.

— Кому сказал, — с ненавистью глянул на нее плечистый, — усьми свою суку!

Яна не могла понять, почему ее удерживают. Ладно, допустим, она свидетель. Но что и кому она может сказать? Или эти головорезы другого мнения? Настроены они, по всему видать, серьезно.

— Эту в машину... глаза завязать, — процедил сквозь зубы подошедший главарь, хмуро глядя на Яну. — Сядешь за руль, — буркнул он парню в спортивной куртке, — и двигай за нами.

Не дожидаясь ответа, он быстро развернулся и пошел обратно слегка развинченной походкой, в которой сквозило наглое высокомерие уверенного в себе хама. Плечистый в свой черед сухо кивнул, мол, давайте пошевеливайтесь. Бесцеремонно подталкивая, Яну повлекли к машине. Она не сопротивлялась — это было бесполезно. К тому же она дорожила жизнью Джеммы.

Втолкнув грубо Яну в машину, парень в черной шапочке сел рядом с ней на заднее сиденье. Он оказался сидящим впрыток к Джемме.

— Козел, — ухмыльнулся плечистый, — она ж тебе полбашки откусит, — вылазь и дверь запри, а сам садись с другой стороны, ну, урод!

Он покачал своей большой головой. «Черная шапочка» так и сделал. Он взял из рук старшего, севшего на переднее сиденье, рядом со

«спортсменом», крутящему баранку, черную тряпку и, неуклюже работая руками, завязал Яне глаза. Повязка больно сдавила ее голову, парень не церемонился.

— Чего Корнил так завелся? — спросил «спортсмен».

— Видно, Ушак ему дал просрать! — хихикнул «черная шапочка».

— Заткнитесь вы оба! — рявкнул на них взбешенный парень, выполнявший роль старшего.

— Кончай, Шатап, — обратился к нему «черная шапочка», — чего ты взъелся? Никто ж не виноват!

— Ушак другого мнения, — властным баритоном возразил Шатап.

Присутствие бандитов страшно тяготило Яну. Джемма жалась к ней и, зарываясь рукой в теплой собачьей шерсти, Яна чувствовала облегчение. Ей нужно было защититься от извержений враждебной энергии, бурлящей в этих недоносках и свободно изливающейся наружу. Когда речь шла о пациенте, изнемогающем под бременем отрицательных импульсов, под гнетом болезни, Яна точно знала что делать.

Теперь же дело касалось ее самой. Она сама должна была освободить себя от тягостного присутствия этих недочеловеков, вливающих в нее клокочущие злобой и ненавистью сущности. Она должна изогнуться и потом так резко выпрямиться, чтобы душившие ее мука, страх, подавленность упали с ее тела, разомкнулись, ушли в бесконечность.

Когда она сунула руку в карман и нащупала колоду в окружающей ее спасительной черни проглянуло что-то светлое, Яна не удивилась. Это был еще один прямоугольник, фрагмент загадочного изображения. На этот раз Яна увидела ноги женщины, небольшой участок выше колен, сами колени и голени. Стройные, мраморно-белые ноги покоились на подушке, а та — на пышной драпировке.

Яна чуть заметно улыбнулась. Эта бледная кожа, эти взбитые драпировки, медленно кружащие во тьме, были словно тихим приветом из другого мира.

— Приехали, — разорвал кружево образов трескучий голос «черной шапочки». — Эх, не завидую я Ушаку.

— А я тебе не завидую, если не заткнешься, — прогрохотал Шатап.

— Нет, а я-то чего? — снова не выдержал Хомяк. — Они эту сволочь вычислить не могли, а мы — крайние.

Хомяк выказывал наивное возмущение, которое зачастую отличает горячих, неопытных неопитов, верящих в то, что они уже приняты в команду матерых волков.

Машина остановилась. Хлопнула дверца. Кроме знакомых ей голосов,

Яна услышала другие и поняла, что люди, ехавшие в «Ауди», тоже здесь. Грубые руки сорвали повязку с головы Милославской. Она скорее не увидела, а почувствовала серебристую пустоту зимнего воздуха. Из него, холодея глаза металлическим блеском, выплыли ворота и забор из красного кирпича. Эта картинка отличалась такой жизненной простотой и прозрачностью, такой хрустальной наготой и обыденностью, что Яна, которой порой красная сумка мерещилась кровавым пятном, была приятно удивлена пробудившейся в ней способности видеть мир в его житейских реалиях.

— Вылазь, — Хомяк дал ей в бок немилосердный тычок, — чего заснула?

Яна вышла из машины, увлекаемая Джеммой. Ее тут же подхватили под руки бандиты и повели к дому. Яна подняла ногу на ступеньку, потом на следующую. Джемме она мысленно приказала ничего не предпринимать, и та беззвучно следовала рядом.

Яну втолкнули в просторную комнату. Она была квадратная, с широкими, в мавританском стиле диванами и креслами с подушками, с низким овальным столом и уютным камином. На окнах — тяжелые, затканые золотом велюровые занавеси темно-фисташкового цвета. За столом сидел мужчина в строгом деловом костюме и галстук в лимонную полоску. У него был лысеющий лоб и макушка, тонкие, неправильные черты лица, бледная кожа, насмешливый и оценивающий взгляд.

Яна увидела и другого мужчину, определив в нем заместителя. Его лошадиному вытянутое лицо и глаза неопределенного цвета были ей знакомы. «Это тот, кого бандиты называют Ушаком», — подумала она и оказалась права.

— Какого хрена приволокли сюда эту собаку! — заорал он. — На цепь ее и в погреб! А эта, — кивнул он на Яну, — пусть поможет вам ее отвести. И без глупостей, ты, слышишь? А то тебе и твоей зверюге каюк!

— Ушак, — шеф холодно взглянул на парня с вытянутым лицом, — чего-то ты и твои мальцы плохо соображаете.

Яна «увидела» смущение Ушака. Усилие не давать волю эмоциям и сохранять выдержку придавало его некрасивому лицу напряжение. Глаза Шатапа были уставлены в пол, он излучал бешенную злобу и ненависть, но также прятал свои настоящие чувства, воплощая идеал жестокого слуги, преданного своему господину. Хомяк с собачьей преданностью смотрел на хозяина.

Яну под руки вывели в коридор. Справа шел «спортсмен», направляя свою пушку на Джемму, слева — Хомяк, плотно прижав дуло своего

пистолета к Янину виску. Яна чувствовала исходящие от Джеммы сигналы, точно та спрашивала разрешения кинуться на бандитов. Яна мысленно запретила ей это делать, боясь за ее жизнь. Когда за Джеммой захлопнулась тяжелая металлическая дверь погреба, Яну пронзили тоска и страх. Присутствие бандитов мешало сосредоточиться, посмотреть в будущее. Нет, Яна не страшилась смерти, но переживала за Джемму. С заново завязанными глазами Яну впихнули в ту же комнату. Ничего не изменилось: сухой насмешливый мужчина в галстук по-прежнему восседал за столом, положив руки на его отливающую черным блеском поверхность.

— Вот и мы, — его застывшие в мерзкой усмешке губы зашевелились, — не думала, не ждала? Наверное, никак не поймешь, для чего мы тебя и твою суку сюда приволокли. Как там тебя звать? А, — пренебрежительно махнул он рукой, — не имеет значения.

— Яна Милославская, — процедил Ушак.

— Только на это ты, Серега, и годен, — состроил презрительную гримасу главный, — никак эту суку гребаную изловить не можете. Но теперь у меня есть медиум... — он судорожно рассмеялся. — Так ты поняла, что от тебя требуется? Ты же обладаешь сверхъестественными способностями, видишь на многие годы и километры вперед. Я хоть и не верю во всю эту чушь, но чем черт не шутит, на войне — как на войне, все средства хороши.

Он скосил свои наглые глаза на Яну. В его манере держаться сочетались высокомерное презрение, издевательское балагурство и нарочитая, судорожная веселость, за которой угадывались злобная жесткость, стремление повелевать и приверженность беспощадному террору. В общем, все черты, присущие самодуру.

— Как вы узнали?

— Здесь вопросы задаю я, — резко одернул он Яну, давая волю своей ненависти, — и к тебе у меня тоже будет вопросец. Вернее, приказ. Не исполнишь — тебе и твоей борзой — крышка. Навоз жрать заставлю! — неожиданно его глуховатый властный голос обрел звучную силу. — Поняла?

Яна слабо кивнула.

— Вот и отлично, — растянул он свой тонкий ехидный рот в усмешке. — Ты ведь знаешь эту Горбушкину? Знаешь? Иначе что ты делала на вокзале, какого черта торчала у поезда? Вероника Шкавронская, насколько мне известно, тоже тебя просила эту девку разыскать... — он пронзил ее «рентгеновским» взглядом.

— Да, — Яна вдруг ощутила, как в нее вливается море спокойствия.

Эти недоноски, значит, нуждаются в ее помощи, тогда еще не все потеряно.

— Мне нужна эта стерва, — обманчиво невозмутимым тоном продолжал мужчина в галстук, — где бы она ни была. Ты должна ее найти. Ее папаша задолжал мне крупные деньги и помер. Легко отделался.

— Это вы его убили, — сказала Яна, — его и Шкавронского. А подставили жену последнего.

— Да-а? — дурашливо улыбнулся мужчина в галстук, — если ты так на самом деле думаешь, я сильно сомневаюсь, что ты нам понадобишься...

Он задергался в смехе, как марионетка.

— Захарыч, — мрачно блеснули глаза Шатапа, — кончать ее надо.

— Молчи, убудок! — взвизгнул Захарыч. — А ты, Корнил, почему позволяешь своим мудакам рот раскрывать?

Брови Захарыча угрожающе сдвинулись на переносице. Но как хороший актер с широким диапазоном изображаемых эмоций и гибкой быстротой в переходе от одной к другой, он вдруг снова растянул рот в сладенькой улыбочке.

— Ты должна добыть для нас информацию, — со снисходительным презрением посмотрел он на Яну, — а не то... Ох, тогда я тебе не завидую. Ты будешь умирать медленной, мучительной смертью. Мы о тебе позаботимся.

Яна видела, с какой раболепной покорностью вглядываются в лицо Захарыча его люди. «Спортсмен» умудрялся одновременно следить за выражением лица своего шефа и за Яной.

— Мне нужно время, мои способности от меня не зависят, — возразила Яна, — это не телевизор, который можно по желанию включить и выключить.

— У тебя будет время, — мрачно ухмыльнулся Захарыч, — до завтрашнего дня.

— Это явно недостаточно, — не соглашалась Яна.

— Ну уж это зависит от тебя, или ты думаешь, что тебя тут будут кормить и сторожить всю жизнь? Я привык, что мои приказы выполняются быстро и беспрекословно. Если бы каждый со мной стал торговаться, чтобы тогда было?

Захарыч обвел присутствующих властным взглядом. По комнате прошел сдавленный ропот. Бесспорно, ропот одобрения.

— Но ты не думай, что мы лохи, что просто поверим тому, что ты скажешь. Мы проверим... — на миг замолчал он, словно хотел этой паузой

придать последней реплике угрожающую выразительность, — а ты пока здесь посидишь. Если твоя информация подтвердится, скатертью дорога, как говорится. А если дурить нас вздумает, если схалтуришь, на куски изрежу тебя и твою суку! И не вздумай ментам потом на нас накапать, а то... Господи, как надоело грозить и запугивать! — на его губах мелькнула лицемерная улыбка, — а ничего не поделаешь, одни дураки попадают, дураки и должники, мать их, — засмеялся он.

— Я помогу вам, но не давите на меня, — невозмутимо сказала Яна, — и сами не будьте дураком, — она непроизвольно улыбнулась, — ведь само слово «явление» подразумевает независимый характер этого феномена, человек может лишь констатировать его приход.

— Ты надо мной издеваешься? — зарычал Захарыч. — Шатап, Хомяк, Дема, — глаз с нее не спускайте! А ты напрягись, — обратился он к Яне, — В угловую комнату, — скомандовал он.

Яну вывели в коридор. Он был довольно широким, оклеенным новенькими обоями. Они отливали атласным блеском и свежестью красок напоминали майскую зарю. Вдоль него шли высокие двери из темного дерева. Лица бандитов, угрюмые и хмурые, не вязались с розовато-абрикосовым гляncем обоев, казались каким-то пещерным атавизмом.

Шатап шел сзади, под руки Яну вели Хомяк и Дема-спортсмен. Дойдя до последней двери и открыв ее, Яну втолкнули в небольшую комнату, окна которой тоже были занавешены тяжелыми велюровыми шторами, но уже коричневого цвета. Из мебели были только диван, на который и усадили Яну, несколько стульев с вытертыми гобеленовыми сиденьями, стол у окна и застеленная обычным верблюжьим одеялом кушетка. Шатап тут же растянулся на ней.

— Вот, блин, работа гребаная, — недовольно пробурчал Хомяк, устраиваясь на неудобном стуле.

— Тебе за нее платят, так что держи варежку закрытой. Или ты хотел просто пушкой махать и бабки зашибать? — криво усмехнулся Шатап. — А ты давай работай! — прикрикнул он на невозмутимо наблюдавшую за ними Яну.

— Захарыч не в духе, — вмешался в разговор Дема, — притулившийся на стуле — с его ростом и длинными ногами ему было еще более неудобно сидеть, — а мы-то при чем? Он целый месяц ее вычислить не может...

— Заткнись! — рявкнул Шатап, снова садясь на кушетке.

— Хомяк, стоняй за пивом, чего-то глотка горит. Чую, — с ненавистью поглядел он на Яну, — нам долго тут торчать придется.

— Ага, я сейчас! — воспрял духом Хомяк, поспешая к двери.

— Покрепче бы чего! — мечтательно закатил глаза к потолку Дема.

— Захарычу люди с трезвой башкой нужны, — осек его Шатап.

Вскоре в дверях появился Хомяк. Его сальная физиономия лучилась стовольтовой радостью, в руках он нес упаковку «Хольстена». Он выдернул одну банку себе, тут же ее распечатал, а остальные бросил на стол.

— Пиво будешь? — Шатап посмотрел на Яну.

Она сделала легкий кивок. Кроме всего прочего она хотела курить, но с просьбой к бандитам обращаться не собиралась. Хомяк выдернул из упаковки еще одну банку и подал Милославской. Она вскрыла ее и сделала маленький глоток, потом еще один.

— Пей, пей, — сурово глянул на Яну Шатап, в смене настроения, должно быть, подражая Захарычу, — и берись за работу!

Яна судорожно сделала еще несколько глотков горьковатой жидкости и поставила банку на пол перед собой. Шатап допил пиво и, смачно зевнув, снова растянулся на кушетке.

— Я на массу чуток подавлю, а вы стерегите нашу гостью. Головой за нее отвечаете.

Потекли минуты томительного ожидания. Яна размышляла, что бы ей предпринять. Она толком не знала Риту, могла составить о ней лишь частичное представление. Но в чем бы девушка ни была замешена и виновата, Яна чувствовала, что у нее нет морального права выдавать местонахождение Горбушкиной бандитам. Но если она не скажет, где Рита, а Яна догадывалась, что та еще в городе, если не снабдит Захарыча нужной информацией, что же тогда будет с ней и с Джеммой? Яна оказалась пленницей неразрешимого противоречия: или жизнь Риты, или ее собственная жизнь, не говоря уже о Джемме. Что же делать?

— Ты ее не жалея, аферистку эту гребаную, — словно прочел ее мысли Шатап, который еще не отошел ко сну, — выкладывай, где эта гадина прячется.

— Мне нужно время, — повторила Яна.

— Заладила одно и то же, — поморщился от досады Шатап, — будет тебе время.

Он повернулся к стене и вскоре Яна услышала ровное дыхание спящего человека. Оно перешло в приглушенный храп, что вызвало смешок у Хомяка.

— Ну чего, так и будем сидеть? — видимо, последний решил тоже покомандовать. — Когда работать будем?

Его фраза навела Яну на мысль о таившихся под личиной энергичного и глупого неопита неистощимых запасах садизма, который только ждет

повода, чтобы проявиться во всей своей устрашающей мощи.

— Чего ты к ней пристал? — вступился за Яну Дема, на вид более уравновешенный и самый «безобидный» из бандитов.

— А я тут торчать нанимался? — возмутился Хомяк. — Из-за этой...

Он хотел было сплюнуть, но вовремя спохватился, что находится все-таки в жилом помещении. Яна прикрыла веки и, стараясь не обращать внимания на Хомяка и Дему, попробовала сконцентрировать свои внутренние усилия на образе Риты. Голоса препирающихся бандитов постепенно растворялись в наплывающей тяжелыми широкими волнами тишине. Тишина, сумеречная, теплая, как утроба, вскоре поглотила остатки окружавшей Яну грубой реальности.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

— Чего это с ней? — Хомяк обратил внимание на Яну.

Ее бледное, излучающее тайну лицо, по которому проходили светлые тени, насторожило его. Яна очнулась.

— Спишь, что ли? — бесцеремонно спросил он.

Яна насмешливо улыбнулась. Она чувствовала себя сильной и обновленной. Как далеки теперь были от нее эти смешные маленькие чудовища, довольствующиеся единственно открытой им пошлой действительностью!

— Мне нужны мои магические карты, — ровным голосом произнесла она, — могу я их достать?

— Доставай — пожал плечами Хомяк, «работающий» над очередным струпом на губе. — Хотя, погоди, я сам.

Он подошел к дивану и на минуту застыл над Яной с выражением грубой насмешки на своем сальном, деревенском лице и начал расстегивать Янин полушубок. Он делал это нарочито медленно, словно пародировал жесты стриптизерши. При этом он маслянисто улыбался, плотоядно поигрывал своими маленькими глазками и периодически поглядывал на Дему, отслеживая эффект, произведенным им на последнего. Расстегнув последнюю пуговицу, залез Яне в карман. Достал колоду и стал рассматривать глянцевитые прямоугольнички.

— Что это за лабуда? — ухмыльнулся он.

— Магические карты, — улыбнулась Яна.

— Не видел никогда, — простодушно подивился он, перебирая карты.

— Откуда ж тебе о них знать, — бросила на него Яна ироничный взгляд.

Этот красноречивый взгляд задел за живое Хомяка.

— Ну ты, не выдрючивайся, — он небрежно швырнул карты на диван.

Не глядя на Хомяка, Яна взяла кинутые им карты и неспешно начала их тасовать. Хомяк и Дема с насмешливо-недоверчивым интересом наблюдали за ее действиями. Наконец, почувствовав, что карты «готовы», Яна перевернула друг за другом шесть карт. Разложила их двумя рядами. Это был отвлекающий маневр, чтобы ослабить настороженность бандитов. Она делала над картами пассы и говорила первое, что придет ей в голову:

— Она верит в то, что ей удастся преодолеть разделяющее ее с неким человеком пространство, для нее это очень важно, — Яна вещала спокойно,

вовсе не как пифия, — для нее это символ могущества, это видно из этой карты. Ей необходимо время, чтобы воссоединиться с тем человеком, и она страстно хочет этого. И если она все преодолеет, то для нее откроется подлинная жизнь. Пространство и время для нее — важные факторы успеха. Это само условие ее жизни. Она где-то близко, ей еще предстоит преодолеть километры и километры...

— Тарабарщина какая-то! — скептически хмыкнул Хомяк.

— На голову не натянешь. И это все? — недовольно спросил он.

— Это лишь часть того, что мне открылось. Мне нужно время, — твердо повторила Яна.

— Старая песня, — хихикнул Хомяк. — Ты давай правду-матку, а не эту лажу.

— Я так понял, — решил поэкспериментировать со своими мыслительными способностями Дема, — что она в Семеновске, да?

Он приковал к Яне пытливый взор.

— Да, я просто уверена в этом.

— Вот видишь, — изобразил довольную улыбку Дема, польщенный тем, что его предположение сошлось с Яниным.

— Ну и что? — тупо уставился на Яну Хомяк. — Семеновск большой. И вообще, чего это ты там перла про воссоединение? С кем и когда?

— Скоро, — загадочно ответила Яна и не удержалась от хитрой улыбки, — за это я могу поручиться.

— Что за чувак? — на полном серьезе спросил Дема, вошедший во вкус.

— Близкий ей по духу человек, — Яна картинно прикрыла веки, как бы намекая на то, что ответы ей даются ценой медитативного усилия.

— Эх, — вздохнул Хомяк, — чего мы из тебя все клещами тащим, сама говорить не можешь?

В этот момент на кушетке заворочался Шатап. Потом громко и протяжно зевнул, наполняя комнату странными, полужвериными звуками и, блаженно потянувшись, медленно поднялся с кушетки. Свесил ноги и, облокотившись обеими руками на кушетку, сутуло согнул спину. Он сидел так пару минут молча, бессмысленно качая головой из стороны в сторону, словно разбуженный человеческими голосами медведь.

— Что тут происходит? — захолопал он осоловелыми глазами.

— Да эта, — небрежно кивнул Хомяк в сторону Яны, — горбатого лепит.

— Ну? — нахмурился Шатап.

Хомяк в меру своего худосочного интеллекта передал Шатапу то, что

он понял из Яниных слов.

— Не-е, — качнул головой Шатап, — так дело не пойдет.

Он зыркнул на Яну с нескрываемой враждебностью. И тут в коридоре послышались быстрые шаги. Дверь стремительно распахнулась и на пороге появилась невысокая фигура Захарыча.

— Что за дела? — подозрительно взглянул он в заспанное лицо Шатапа. — Ты какого хрена дрыхнешь, козел? Я тебе за это плачу?

Он говорил отрывисто, резко, грубо. Яну аж передернуло. Ее снова захлестнула волна отрицательной энергии. Шатап, справившись с застенчивостью, в которую он впадал в обществе шефа, пересказал Захарычу Янино откровение. Захарыч соорудил кислую мину.

— Я сделаю из тебя и твоей борзой котлеты, — гневно бросил он Яне в лицо. — Времени у тебя только до завтра, пифия несчастная! А ты, — перевел он тяжелый, почти ненавидящий взгляд на Шатапа, — бди, мать твою! Вы за нее мне головой отвечаете. Остаетесь здесь одни, я уезжаю. Ясно?

— Да, шеф, — опустил глаза Шатап.

— Не называй меня шефом! — взъерепенился пуще прежнего Захарыч. — А к тебе у меня новое предложение будет, — чуть сбавил он обороты, обращаясь к Яне. — Я деньги ищу, — принялся он размышлять вслух. — Ты для нас только промежуточный вариант, хотя башку снести жуть как хочется. Поэтому я тут покумекал и решил, а что если ты мне сразу скажешь, где деньги? Что тебе мешает узнать это? — нервно рассмеялся он. — Кроме всего прочего, ты ведь можешь выяснить, наличка эта, акции или еще что...

Он смеялся, довольный собственной выдумкой и тем, что Яна со всеми ее паранормальными способностями находится в его власти, и он может обратить этот дар небес себе на благо, благо весьма меркантильное.

— Ну так как? — игриво посмотрел Захарыч на Яну.

— Хорошо, я постараюсь сделать это, — механически ответила она.

Что она еще могла ответить? В связи с отъездом Захарыча у нее появилась одна сумасшедшая мысль, еще не оформившаяся в план, но довольно реальная.

— Вот и славно, — просияло лицо Захарыча, — постарайся, а вы не расслабляйтесь! — гаркнул она на своих сатрапов.

Через секунду Захарыч исчез, а еще через пару минут Яна услышала за окном во дворе расплывчатое урчание двигателя. Потом гроыхнули ворота и все стихло.

Милославская быстро сложила карты и смешала их. Нашла карту,

которую называла «Внушение» с изображенным на ней корнем мандрагоры.

Настроив ничего не подозревавших бандитов на небольшую пирушку, она отдала мысленный приказ Джемме.

«Деньги-деньги», — крутилось у нее в голове. Она вытащила «Джокера», накрыла его ладонью и неожиданно почувствовала усталость. Нет, не давящую тяжким гнетом, а некое расслабленно-сонное состояние, в какое обычно впадаешь, долгое время проведя на морозе. Глаза ее сами собой закрылись, она откинулась на спинку дивана и погрузилась в подобие дремы. Ей казалось, что она низко летит над черной водой, отливающей во мраке агатом, и, достигая неведомого берега, внедряется в джунгли. Лианы, обвивающие стволы гигантских деревьев, больно хлещут по лицу. Она смиряется, она больше никуда не рвется и они, тихо оплетая ее покорное тело, убаюкивают ее, ткнут вокруг нее непроницаемый сновидческий кокон.

Потом Яне вдруг стало казаться, что она мерно раскачивается в гамаке под темным, усеянным бесчисленными звездами южным небом. Раскачивается с такой силой, что, кажется, может катапультироваться на какую-нибудь из этих притягательно и маслянисто горящих точек. Их лучи звали ее, пронзая студенистый воздух. Яна прищуривала глаза, и тогда звездный свет точно в воде растворялся в ее зрачках, окутывая их жемчужно-лимонным облаком медленно танцующей пыли.

Потом картина спящих вод вернулась. Яна «повисла» над неким озером и ее взгляд, словно камень, брошенный с большой силой, вызвал на его гладкой поверхности маленькое цунами. Постепенно волны затихали, а в самом эпицентре «взрыва» образовался зеркальный остров. Его мерцающее куском слюды око было неуязвимо ни для мелкой ряби, ни для более крупных волн. Остров постепенно стал принимать конфигурацию корабля и вскоре Яна услышала колокольный звон. Он плыл на сероватосизым пологом сумерек, густым широким туманом наползая на водную поверхность. Река была полна желтовато-мглистого сияния. По реке плыл маленький аккуратненький баркас. И тут глаза Яны, словно кто-то управлял ее взглядом, увидели деревянный мост и стоящую на нем черноволосую девушку. Облокотившись на парапет, она читала. Яна, мучимая жгучим любопытством, старалась заглянуть девушке через плечо. Ветер, зарываясь в страницы фолианта, заставлял их долго шелестеть.

Она хотела прочитать то, что было написано на странице, но буквы, словно размытые слезами, стали растекаться черными ручейками. Яну пронзила тревога.

Но она не отступала, она словно привставала на цыпочках, силясь уловить смысл написанного. Но это ей не удавалось. Так порой бывает, когда во сне бежишь от погони и не понимаешь, что же удерживает тебя на месте. Словно ноги твои угодили в таз с быстро схватывающимся бетоном. Ты кричишь, рвешься, твое сердце изнемогает под бременем страха и отчаяния, но все безрезультатно. Крик клокотал у Яны в горле — крик безмолвный, передающий свое напряжение лицевым мышцам, крик, подобный дыханию стеклодува, выдувающего новую форму. И, словно исторгнутый из небытия усилием ее воли, ей явился фрагмент неведомой картины: часть женского торса и руки. Яна видела перед собой мерцающую теплым жемчугом грудь, ее мягкие и упругие очертания отчетливо выступали на темном фоне, мглистую ложбинку пупка, изящный изгиб руки.

И тут из-под ладони девушки выпорхнула розовато-красная бабочка и, кокетливо помахав в воздухе крылышками, примостилась в темных волосах девушки.

Ветер подхватил страницы и, неистово теребя их, рассеял. Они осыпались подобно лепесткам увядшего цветка. И тут Яна увидела, как по берегу идет светловолосый, голубоглазый мужчина. Он спешил, охваченный мучительным беспокойством. Яна ощутила его тревогу, его лихорадочный пульс. Он двигался навстречу темноволосой девушке, сошедшей с моста и тоже спешащей к нему. Он приближается, заключает ее в объятия... Плеск воды сомкнулся над колоколами...

И тут Яне показалось, что колокол дал трещину — раздался надрывной, стенающий звон. Нет, так режет тишину битое стекло. Грянули выстрелы, а вслед за ними в сон ворвался неистовый грубый крик.

— Сука!

Она удивленно открыла глаза. Хомяка на месте не было. Дема выскочил в коридор, и вскоре Яна снова слышала выстрелы. Шатап, мечась по комнате, наставлял на нее пистолет и одновременно со страшной тревогой косился на дверь. Он подбегал к ней и притормаживал, не решаясь оставить Яну одну.

— Сука! — завизжал Хомяк, неся руку наперевес, подобно легендарному Щорсу.

Кроме всего прочего он прихрамывал. За ним вошел растерянный, сбитый с толку Дема.

— Сбежала, тварь! — он беспомощно посмотрел в злобное озабоченное лицо Шатапа.

Тот, кажется, готов был рвать и метать.

— И хрен с ней, — вдруг сказал Дема, — сбежала, сука бешеная, и пусть. Ну, блин, веранду долбанула и — на капот, а потом через забор.

Задыхавшийся от злобы и бессилия раненный Хомяк заорал:

— Да заткнись ты! — кажется, он перенял привычку Шатапа всем затыкать рот. — Тебя-то она не покусала!

— Займись им, — сухо кивнул Деме Шатап.

Тот вышел из комнаты и вскоре вернулся с аптечкой. Пока он делал перевязку, стонущий на все лады Хомяк рассказывал, как было дело. Из его сбивчивого рассказа, прерываемого злобными выкриками и отборной матерщиной, Яна поняла, что пока она спала, трое мальцов-удальцов, подчиняясь ее внушению, решили расслабиться, «принять на грудь». Водка была в холодильнике, а вот за за соленой капустой и огурцами нужно было спуститься в погреб. Хомяк туда и был направлен с этой почетной миссией. Джемма, в прямом смысле сорвавшись с цепи, тяпнула Хомяка и, игнорируя его команды и приказы, а также стрельбу, мухой вылетела из погреба, разбила мощной грудью стекло веранды и выскочила во двор. Используя капот и крышу стоявших в метре от забора «Жигулей» в качестве трамплина, перемахнула через забор и была, как говорится, такова. Хомяк стрелял, естественно, вскоре к нему присоединился Дема. Но было уже поздно.

Это обстоятельство не могло не порадовать Яну. Она еле сдерживала улыбку, слушая, как путающийся в словах Хомяк рассказывал об агрессивности этой «проклятой зверюги».

— Надо было сразу ее пристрелить, — презрительно прищурился Шатап, — теперь бы было одной проблемой меньше.

Он криво ухмыльнулся, глядя на Яну. Она и бровью не повела. Теперь, когда Джемма была на свободе, она могла поразмышлять относительно спокойно. Неужели Захарыч действительно не убивал Шкавронского? Тогда кто это сделал? Кому понадобилось убить мужа Вероники, а ее саму подставить? Почему ее просто не убили? Зачем был разыгран весь этот спектакль? Несомненно, причиной всему были деньги. Ради них люди совершают массу преступлений. Шкавронский с Горбушкиным были компаньонами. Один сторел, другого застрелили. Ясно, что это делает некто, кровно заинтересованный в их капиталах. Захарыч?

Пока Яна недоумевала, перевязка Хомяка подошла к своей заключительной стадии.

— Теперь тебе светит сорок уколов в живот, — язвительно усмехнулся Шатап. — Надеюсь, шеф оценит твою смелость и наградит тебя звездой героя.

Шатап догадывался, что раздражение Захарыча падет на него как на старшего в группе, и пока располагал такой возможностью, старался выместить свой гнев и досаду на Хомяке.

— Черт бы побрал эту водку! — в сердцах воскликнул Дема.

— Ну что, — как ни в чем не бывало улыбнулся Шатап, отчего вся его физиономия как бы съехала набок, — выпивать будем?

* * *

Старший лейтенант Корюшин положил трубку на рычаг.

— Завьялов спрашивает, чего ему делать, — улыбнулся он, поглядывая на роящегося в бумагах Руденко. — Собака какая-то у них там бесится, лает, как оглашенная. Чуть ли не кидается на ребят.

— Собака? — приподнял свои густые светлые брови Руденко. — Что еще за собака?

Корюшин, отличавшийся привычкой иронизировать и насмехаться, скопил лукавый взгляд на не отрывавшегося от своих папок Три Семерки.

— Сень, ты бы посмотрел, неужели не слышишь?

— Ну вот, как что — так Сеня? — шутливо возмутился Три Семерки, откладывая бумагу.

— Ты же знаешь, я с Ольгой...

Корюшин выразительно взглянул на Руденко.

— Ладно-ладно, — Три Семерки вышел из комнаты и деликатно постучал костяшками пальцев в дверь располагавшегося напротив кабинета.

— Да-да, — услышал он задорный голосок Ольги.

— Ольга Леонидовна, — протиснулся в приоткрытую дверь Руденко, всем своим видом демонстрируя лучезарную застенчивость, — можно в ваше окно взглянуть?

Ольга, коротко стриженная блондинка, облаченная в мундир с погонами лейтенанта, лихо барабанила пальцами по клавишам пишущей машинки. Она торопливо откинула крошечную прядку, от усердия упавшую на ее чистый покатый лоб, и сладенько улыбнулась.

— Вы про собаку?

Грозный и частый собачий лай потрясал округу.

— Ага. Корюшина уж больно она раздражает.

Руденко изобразил виновато-хитроватую улыбку. Он знал, что Корюшин и Ольга переживали в настоящий момент особо бурную,

чреватую опасными ссорами и разводами фазу своего «служебного романа». Руденко приблизился к окну.

— Как вы можете работать в таком шуме? — стоя к Ольге спиной, с игривой интонацией спросил Руденко.

— Сама себе удивляюсь, — кокетливо ответила Ольга.

— А ведь это собака Милославской... — изумился Руденко, увидев Джемму, которую тут же узнал.

Поводок, сшитый из брезента, волочился по снегу. Джемма и вправду неистовствовала, она нещадно облаивала входящих и выходящих из отделения людей. Руденко, озабоченный и чувствующий что-то неладное, вернулся в кабинет.

— Что-то не нравится мне все это, — озадаченно произнес он, снимая трубку с рычага.

— Ты о чем? — насторожился Корюшин.

— Не может она вот так бегать беспризорной. Значит, что-то случилось. Не убежала же она от Яны!

Насчитав пятнадцать длинных гудков, он повесил трубку. Его лицо омрачилось.

— Та оно и есть, — задумчиво произнес он.

Корюшин ответил ему недоуменным взглядом. Руденко спустился на улицу в одном кителе. Джемма сразу же узнала его и кинулась к лейтенанту со всех ног.

— Ну чего-чего? — спрашивал он ее, в то время как Джемма скакала возле него, а порой норовила и лизнуть его в губы, высоко подпрыгнув.

— Где твоя хозяйка?

Джемма громогласно залаяла, сев на снег и неотрывно глядя своими умными темными глазами на удивленного Руденко.

— Дома ее нет, ты бегаешь сама по себе... Что-то случилось?

В ответ полетел истошный лай.

— Ну успокойся, успокойся, — вздохнул Руденко, ловя на себе насмешливые взгляды ментов, стоявших кружком на крыльце отделения. — Ты знаешь, где она?

Джемма обрадованно гавкнула и тут же умолкла. «Как в цирке», — подумал Руденко.

— Отведешь меня к ней?

— Гав! Гав! — услышал он в ответ.

— Хорошо-хорошо, пошли-ка, а то ты тут всех пугаешь, ишь ты, зверюга какая умная, хитрющая ты зверюга, Джемма, — Руденко похлопал Джемму по шелковистой спине.

Он поймал поводок, укоротил его и повел Джемму в отделение. Она не сопротивлялась, гордо ступая рядом с ним. Выслушав иронично-пошловатый комментарий приятеля, тоже старшего лейтенанта, Руденко поднялся с Джеммой на второй этаж. Собака успокоилась, но по ее упругим стремительным движениям и по тому, с какой одновременно опаской и надеждой вскидывала она голову и смотрела на Руденко — точно боялась, что он передумает искать ее хозяйку — было видно, что она напряжена и нетерпеливо ждет решительных действий. В коридоре Руденко столкнулся с Огурцовым. Тот сильно удивился, увидев начальника, ведущего на поводке собаку. Джемма угрожающе заурчала, и если бы не резкий рывок Руденко, дернувшего ее за ошейник, бросилась бы на Огурцова. Тот испуганно отскочил, попятился, с возмущением и страхом глядя на собаку.

— Какого хрена...

— Собака Милославской, — торжественно изрек Три Семерки, словно эта короткая фраза могла что-то объяснить потрясенному Огурцову. — С хозяйкой, видно, что-то случилось. Говорил ей, — по-медвежьки качнул он головой, — не лезь ты со своими пророчествами...

Он тяжело вздохнул. Джемма залаяла, стала рваться с поводка.

— Не любит она тебя, — усмехнулся Руденко.

— Ненормальная, — с опасливым презрением посмотрел на Джемму Огурцов.

— Ты вот что, — нахмурился Руденко, чьи сдвинутые на переносице брови говорили о напряженном мыслительном процессе в крупной круглой голове, — прихвати Самойлова с Канарейкиным и выходите. Женщина попала в беду, надо ей помочь.

Джемма, как показалось Руденко, с благодарностью взглянула на него.

* * *

— Ну что, — хмельными глазками посмотрел на Яну Шатап, — не придумала больше ничего?

Яна отрицательно покачала головой.

— «Уж полночь близится, а Германа все нет», — осклабился он, извлекая на свет божий остатки своих школьных знаний, — не везет тебе.

— Вам тоже не повезет, — Яне порядком надоели эти трое, — недолго вам осталось.

— Ну ты, — встал и нетвердой походкой направился к ней Шатап, — заткни свою глотку! У тебя осталось, — он посмотрел на запястье, — не

больше двадцати часов. И запомни, от тебя требуется конкретная информация, а не всякие бредни.

— А что, может, развлечемся? — нагло вато улыбнулся Хомяк, которому, видно, не терпелось сорвать свой гнев на Яне — побег Джеммы всколыхнул в нем море ненависти и злобы.

— А ты что, уже очухался? — усмехнулся подвыпивший Дема.

Вот уже на протяжении полутора часов бандиты накачивались водкой. Роковые капуста с огурцами смачно хрустели у них во рту. До Яны долетело пьяное и жаркое дыхание подошедшего Шатапа.

— А что, идея неплохая, — облизнул он пересохшие губы. — Может, это кое-что прояснит в твоей голове, — его маленькие глазки метали в Яну острые осколки ярости.

— Я — первый, — оживился еще больше Хомяк, — пропустим ее по кругу!

— Ты лечись, — пренебрежительно отозвался Шатап, — а мы с Демой над ней поупражняемся.

Видно, алкоголь вскружил им головы, расшевелив неудовлетворенные желания.

— А вы не боитесь, — стараясь не показывать страха, сказала Яна, — что Захарыч узнает о вашем свинстве, если у вас, конечно, хватит смелости его совершить?

— Ха-ха! — в один голос загоготали бандиты. — Думаешь, это его расстроит?

— Может, и расстроит, — хладнокровно сказала Яна, — и уж точно он не одобрит вашей самодеятельности, так что делайте выводы сами.

Шатап, переваривая услышанное, замер в двух шагах от Яны.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Джемма привела к двухэтажному особняку, расположенному у самого леса. Она рвалась с поводка, грозно оскалившись, но Руденко не сразу отпустил ее. Проехав мимо особняка, он приказал остановиться в лесу, и только тогда выпустил Джемму. Руденко с товарищами пришлось пешком преодолеть дистанцию в триста метров, отделяющую их от дачи. Три Семерки тяжело переступал, грузно проваливаясь в снег. Джемма, не издавая ни звука, во весь опор носилась от особняка до группы милиционеров и обратно.

— Никакой самодеятельности, — скомандовал немного взвинченный Руденко. — Мы с Огурцовым пойдем к воротам, а вы, — одарил он подчиненных внушительным взглядом — с тылу будете заходить. Понятно?

— Есть! — отдал честь Канарейкин.

Этот его жест среди пустого заснеженного пространства выглядел весьма абсурдно и нелепо.

— Никаких действий самостоятельно не предпринимать, — еще раз повторил Руденко, который шел, пригибаясь, словно в него должны были стрелять.

У забора он дал команду жестом. Канарейкин и Самойлов завернули за угол.

— Давай я тебя подсажу, — Руденко сел на корточки, — залезешь и откроешь ворота.

Огурцов взобрался ему на спину. Три Семерки, словно поднимающий штангу спортсмен, стал медленно выпрямляться. Огурцов без труда перемахнул через забор. Вскоре ворота с глухим металлическим звуком открылись. Руденко вбежал во двор. Прислушался: тишина. Он широко зачерпнул рукою воздух, за мной, мол.

Джемма молча ждала его у двери.

— Дверь открыть сможем? — обратился он к Огурцову.

Тот кивнул и принялся за замок.

— Нет, — через минуту сказал он, — надо выбивать.

— Посторонись-ка, — Руденко пальнул из табельного «пээма» по замку. — Получилось! — обрадованно, точно был мальчиком и играл в войнушку, воскликнул он.

— Менты! — заорал Шатап.

Он выбежал, а потом вернулся в комнату. Дема и Хомяк обмерли от неожиданности. Шатап с силой хлопнул дверью.

— Обложили, суки...

«Вас обложили, а вы облажались, — иронично подумала Яна, — напоролись как свиньи».

В коридоре послышались тяжелые, гулкие шаги. Они быстро приближались.

— Не входи, сука, убью! — громогласно закричал Шатап и выпустил в дверь всю обойму.

Шум шагов стих. В доме повисла напряженная тишина.

— Отпусти женщину, и мы уйдем, — ровным голосом произнес Руденко.

Несмотря на это кажущееся спокойствие, Яна различила в его голосе тревожную нотку.

— Знаю я вас, — недоверчиво хмыкнул Шатап, — я тебя, мусор, предупредил. Только войди — прошибу башку твоей подружке.

Он судорожно перезарядил пистолет и, приблизившись вплотную к Яне, неожиданно зашел ей за спину. Приставив ствол к виску, правой рукой сдавил ей горло. И тут Хомяк подскочил к окну, которое осталось незанавешенным — за ним мелькнула быстрая тень. Разомкнув душившие Яну объятия, Шатап метнулся в сторону окна и, не задумываясь, выстрелил. Разбитое стекло наполнило воздух нестерпимо острым звоном. В комнату ворвался колючий зимний воздух. Тень исчезла. Это был усатый черноволосый милиционер. Видно, получив пулю, он упал. Не медля ни секунды, Шатап с яростным ожесточением подлетел к окну, решив добить противника. Внезапно он отскочил, но было поздно. Подобно диковинному сказочному чудовищу, через оконный проем, ощерившийся осколками стекла, на бандита обрушилась Джемма. Они вместе упали на пол, и прежде чем он что-то успел сообразить или нажать на курок, она вцепилась ему в глотку. Послышался хрип.

Хомяк и Дема оторопели. И тут дверь от сильного удара распахнулась и в комнату влетели Руденко с Огурцовым. Руденко, не целясь, выстрелил в Хомяка, попав тому в руку. Хомяк вскрикнул от боли, выпуская из рук пистолет. Медленно оседая на пол, он зажимал рукой плечо, при этом с невыразимой тоской глядя на Три Семерки. Дема удивленно уставился на

Огурцова. Потом непроизвольно дернулся, открыл рот, словно что-то хотел сказать, но получил пулю в область солнечного сплетения.

— Ты что, Огурец, — глаза закатились, и он, не издав даже стона, рухнул на пол.

— Чего-чего? — насторожился Руденко. Он вспомнил опасения Милославской по поводу своего подчиненного, то, как бросалась на него Джемма и, не дожидаясь выстрела из поднятого на него Огурцовым пистолета, пальнул тому в ногу.

Огурцов взвыл от боли, стреляя куда-то в потолок. Он упал на пол и, держась за ногу, принялся кататься.

— Вот, значит, как, — подлетевший к нему Руденко оттолкнул в сторону пистолет и защелкнул на запястьях Огурцова наручники.

Потом, уже не торопясь, отстегнул другую пару наручников с его пояса и «заластал» стонущего Хомяка.

— Фу, — Яна пыталась отогнать Джемму от подмятого ею под себя Шатапа.

В этот момент в комнату вбежал Самойлов. Шапка съехала у него набок, щеки пылали. У него был слегка растерянный вид, который усугубило зрелище Огурцова в наручниках. Руденко одарил его выразительным взглядом.

— Продался, сукин сын. Где Канарейкин?

— Этот гад, — кивнул разгоряченный схваткой, в которой участвовали другие, Самойлов на поверженного Шатапа, — ему ухо отстрелил.

— Жить будет? — усмехнулся Руденко.

И, словно ответ на этот вопрос, в комнату вошел, зажимая правое ухо рукой, Канарейкин. Кровь тонкой струйкой стекала из-под руки на ворот форменного мундира.

— Вот угораздило! — усмехнулся Три Семерки. — Но ты, черт тебя дери, вовремя подставился!

Канарейкин глуповато улыбнулся.

— Ты-то как? — обеспокоенно взглянул Три Семерки на Яну.

— Нормально, — усмехнулась она.

Ей удалось освободить Шатапа из смертоносных объятий Джеммы. Надо признать, обошлась она с ним весьма деликатно. Руденко кивнул Самойлову. Тот подлетел к барахтавшемуся Шатапу и надел ему наручники.

— Вот так надежней будет, — довольно улыбнулся Руденко.

Яна молча вышла из комнаты.

— Ты куда? — крикнул ей Три Семерки вдогонку.

— За перевязочным материалом, — звучным голосом ответила Яна.

Она дошла до лестницы, поднялась на второй этаж. Здесь находились две спальни. Яна распахнула шкаф, битком набитый простынями, полотенцами, платками, салфетками. Достав две простыни, вернулась в угловую комнату. Руденко помог ей смастерить из простыней бинты, и она принялась за работу. Руденко с удовлетворенным видом наблюдал за ее ловкими действиями.

— Курсы медсестер заканчивала? — улыбнулся он.

— Представь себе, — Яна перевязала ухо Самойлову.

Тот неуклюже поблагодарил ее.

— Ну вот, теперь вы — вылитый Ван-Гог, — пошутила Яна.

— Кто-кто? — напряг свои извилины Руденко.

— Художник был такой, голландец по происхождению, — лукаво улыбнулась Яна.

— Ну, знаешь, — нарочито тяжело вздохнул Руденко, — мы университетов не кончали...

— И напрасно, — Яна весело посмотрела на несколько озадаченного Три Семерки.

— Значит, Захарыч злобствует, — с тайной угрозой, сделавшись серьезным донельзя, произнес Руденко. — Ну что ж, — молодецвато выпрямился он, — я с него спесь собью! А тебе, матушка, — с шутливой нежностью посмотрел он на Яну, — придется дать показания.

— С превеликим удовольствием, — улыбнулась Яна, хотя она до смерти не любила рутины, тем более рутины милицейских протоколов.

* * *

Сидя в кабинете Руденко уже после дачи показаний, Яна дала волю своим человеческим эмоциям и впечатлениям. В протоколе она изложила все максимально сухо и официально, стараясь придерживаться безукоризненной объективности. В кабинет, окна которого на голландский манер были лишены занавесок, тихо врывались пепельно-синие зимние сумерки. Яркое горевшее электричество больно било по глазам, но Яна вскоре привыкла к острым лучам ламп дневного света.

— Вот он, дар твой, — закурил очередную сигарету и протянул зажигалку Яне Три Семерки, — куда завел тебя! Какого черта ты на вокзал-то побежала?

— Сеня, ты же все уже знаешь, — укоризненно посмотрела на него

Яна, — знаешь про Джемму. И потом, если бы не я, вы бы еще долго ловили этих ублюдков.

— Это ты, конечно, права, — нараспев сказал Руденко, — только вот жожака-то их, волка этого облезлого еще не схватили.

Руденко имел в виду Захарыча. Три Семерки нервничал и и свое тревожное напряжение пытался разрядить, «нападая» на Яну, досадуя на то, что она кругом сует свой нос.

— Давай-ка выпьем, — он тяжело поднялся, прошел к сейфу и, открыв дверцу, достал оттуда бутылку семьсот семьдесят седьмого портвейна и пару граненых стаканов.

Он с деловитой основательностью поставил бутылку и стаканы на стол, наполнив каждый до половины и один пододвинул Яне.

— Вот та-ак, — с горечью протянул он, посерьезнев, — пить приходится, сама видишь, какая работа нервная. Эх, жизнь-жизнюга! Ну давай!

Он опрокинул содержимое стакана в рот одним махом, словно пил водку. Яна сделала несколько небольших глотков.

— Да чего ты церемонишься! — оживился Руденко. — Пей, еще налью.

Он зычно хохотнул, наполнив свой стакан теперь уже до краев.

— Сеня, — Яна допила портвейн, но все еще не выпускала пустой стакан из рук, — у меня к тебе просьба есть.

— Для тебя — все что угодно, — изрядно повеселел Руденко. — И какого содержания эта твоя просьба?

— Мне нужно увидеться с Вероникой, причем срочно, — решительно сказала Яна.

— Да поставь ты стакан, боишься спиться?

— Я серьезно, Сеня, — пристально взглянула на него Яна.

— И я серьезно, — соорудил он озабоченную мину. — Давай еще выпьем, а потом поговорим.

Яна повиновалась. Они выпили. Второй стакан Семен Семенович пил медленно, смакуя каждый глоток, причмокивая и облизывая губы, словно это был нектар. Допив, Руденко тут же снова наполнил стаканы.

— Зачем тебе это? — с выражением крайней усталости на своем открытом простонародном лице сельского парня спросил Руденко.

— Вероника не убивала своего мужа, это я точно знаю, — спокойно, но веско произнесла Яна.

— Кто же его тогда убил, по-твоему? — попробовал изобразить ехидную улыбочку Руденко, но у него вышла вместо этого какая-то

расплывчатая гримаса, в которой мелькнуло даже что-то по-собачьи жалобное, какая-то растерянность и грусть.

— Я думала, что Захарыч. Может, так оно и есть, — с печальной неуверенностью произнесла Яна.

— Ну нет, это не кто иной, как его женушка! — хлопнул по столу ладонью Руденко, которому выпитое спиртное придало дополнительный заряд экспансивности и открытости. — Ты знаешь, что на стволе отпечатки пальцев этой мадам?

— Это ни о чем не говорит, — с упрямством сказала Яна.

— Это, по-твоему, не доказательство? — тон Руденко стал холодным и напряженным.

«Ну, конечно, — мелькнуло у Яны в голове, — он все уже разложил по полочкам для собственного спокойствия. Все уже решено, ничто не вызывает сомнения, так удобно и комфортно. Пусть бедная женщина мается в тюрьме, зато у нас все решено, все доказано. Тем более что и доказывать ничего не пришлось. Отпечатки на пистолете сами все подсказали. К чему что-то еще выяснять, к чему копать в деталях? Осудить человека — это у нас пожалуйста, а вот защитить его права, доказать его невиновность — тут мы пасуем».

— А как же! — изумился Янину легкомыслию и неверию Руденко. — Что же тогда еще может служить доказательством?

— А что сама Вероника говорит по этому поводу?

— Говорит, что ей позвонили ночью, предложили проехаться до дачи, сказали, что там ее муженек развлекается с секретаршей, — трагически усмехнулся Руденко.

— Ну вот видишь, — просияла Яна, — ей позвонили! Это о чем говорит?

— О чем? — бестолково заморгал Три Семерки, которого эта дискуссия озадачивала и немного раздражала. — Весь кайф от напитка ломаешь, — нетерпеливо и недовольно произнес он.

— Это говорит о том, — проигнорировала Яна его замечание, — что кто-то был крайне заинтересован, чтобы Вероника поехала на дачу!

— Мало ли злопыхателей, завистливых людей... — приподнял плечи Руденко. — Давай еще по маленькой.

— Давай, — махнула рукой Яна. — Так вот, ей позвонили... И позвонил именно тот, кто хотел ее подставить. Она приехала, вошла... Что она дальше говорит?

— Что вроде как уснула, в общем выключилась. А когда очнулась, увидела мужа и его секретаршу убитыми, а в руке обнаружила ПМ, —

вздыхнул Руденко, — только врет она все.

Вздыхал он не потому, что сочувствовал Веронике или проникся некоей общей идеей рокового несовершенства жизни, иронии судьбы, а потому, что у него не было никакой охоты пересказывать эту историю Яне. Ибо чем больше он говорил о ней и думал, тем живей в его нутре шевелились сомнения, тем тягостней из-за своей непроясненности и ответственности, так или иначе взятой им на себя за сделанные выводы, казалась ему ситуация.

— Это не Вероника. Вот только не пойму, почему, если она кому-то мешала, ее просто не убили, а подставили. Кому это было нужно?

— Да она это, — хмыкнул Руденко, — из-за ревности... — он намекаяще посмотрел на Яну. — увидеть такое! Я бы и сам за себя не мог поручиться, если бы мою жену... Эх, да что говорить, жизнь-жизня!

С этими словами он поднял полный до краев стакан. Яна взяла свой. Не чокаясь они выпили и, закурив по десятому разу, продолжили разговор.

— А если не она, — великодушно предположил Руденко, дымя как паровоз, — так Захарыч. Ну ничего, я эту гниду, прости, Господи, на чистую воду выведу!

Лицо его омрачило мстительно-злое выражение. Из простодушного, наивного, хотя и во многом упрямого как осел Три Семерки он превратился в сурового борца за справедливость. Кожа на его широком лбу, изборожденная продольными морщинами, как бы съежилась, потекла к переносице, медленно сползая в глубокую складку между бровей.

— Зачем Захарычу понадобилось убивать своего должника? — не унималась Яна.

— Для острастки, — усмехнулся Руденко, довольный своей находчивостью, — чтоб другим неповадно было.

— Что-то здесь не так, — не соглашалась Яна. — Здесь действует более хитрый, более расчетливый человек. Захарыч старается показать себя изворотливым, умным, предусмотрительным, осторожным, рассудочным типом, но не может изжить топорности, доставшейся ему, наверное, по наследству. Он пытается сохранить маску хладнокровия, быть сухим и отточенно жестоким, но на самом деле он просто мелочный, туповатый, злобный гном, которому не удастся спрятать своего страха и примитивной ненависти ко всему и вся. Ему не хватает изощренности, иначе он бы стал маньяком. Думаю, в детстве он подвергался жестокому обращению со стороны родителей или сверстников. Был предметом насмешек и издевательств.

— Тонко, — по-медвежьи качнул головой Руденко. — Пиши

диссертацию. Все лучше, чем за бандюгами гоняться.

Он снова потянулся к бутылке и разлил остатки по стаканам.

Яна, погруженная в свои мысли, молча наблюдала за его действиями.

— Мне нужно увидеться с Вероникой, — повторила она тоном, не терпящим возражения.

— Брось ты это дело, — поморщился Руденко. — Не твое это, поверь старому человеку.

— Ты просто боишься, что Вероника окажется невиновной и ваша версия убийства из-за ревности разлетится, как куча бумажного мусора, подхваченная ветром, — резко возразила Яна. — Вы успокоились, посадив невинного человека под замок. Я ни о чем тебя не прошу, дай мне только возможность поговорить с Вероникой.

— Ты ведь тоже стараешься не просто так, — хитро блеснули глаза Три Семерки, — она ведь платит тебе...

— Платит, — с налетом высокомерия улыбнулась Яна, — и я хочу честно отработать гонорар.

— Черт с тобой, только потом не жалуйся, — он снял трубку с рычага, — этой катавасией Ирина Константиновна занимается, — многозначительно посмотрел она на Яну, — да ты ее не знаешь, — скривил он рот.

— Век буду твоей должницей, — шутливым тоном произнесла Яна, стремясь разрядить атмосферу спора, — с меня коньячный набор «Дагестан», знаешь такой, из трех бутылок?

— Тогда уж лучше портвейн, — Руденко сухо кивнул.

Он, похоже, на самом деле обиделся, — усмехнулась про себя Яна.

— Ирина Константиновна, — елейным голосом произнес Руденко в трубку, — душенька, окажи любезность. Тут одна моя знакомая хочет со Шкавронской повидаться... Можешь организовать ей свидание?

Яна была приятно удивлена, что рядовой служака способен выказать такую вкрадчивую почтительность, найти такие ласковые нотки, и главное — слова, чтобы все это выразить.

— Улажено, — с облегчением вздохнул Руденко, — завтра утром можешь отправляться.

— А сегодня? — разочарованно спросила Яна.

— Завтра, — твердо сказал Руденко, внушительно посмотрев на Яну.

— Завтра, так завтра, — улыбнулась она, — чего сидишь без дела, наливай!

— Портвейн, он чем хорош? — задался философским вопросом Руденко, решивший расслабиться, а заодно поразмышлять о вещах

нейтральных и приятных. — Его можно без закуси пить. Хотя знаешь, — печально качнул он головой, — я и водку в последнее время пью без закуски. Такая работа, — бросил он на Яну выразительный взгляд.

Она ответила ему теплым сочувственным взором. Прикончив бутылку, они расстались.

* * *

Встреча с Вероникой, надо сказать, несколько разочаровала Яну. Свидание со Шкавронской не способствовало тому кардинальному прояснению ситуации, на которое Яна рассчитывала. Шкавронская была бледна, подавлена, убита. Весь ее вид говорил об абсолютной покорности своей участи, которой трудно было позавидовать. Что-то от беспрестанного циклического мельтешения насекомого, от хаотических и при том повторяющихся действий шизофреника сквозило в ее движениях, жестах и гримасах. Страдание обернулось в ней неким автоматизмом, какой-то раздражающей робостью и отказом от бунта.

Яна поймала себя на том, что с трудом переносит жалость, вызванную в ней видом Вероники. Ей поначалу даже расхотелось ей помогать. Увидев Милославскую, Вероника правда слегка оживилась, приободрилась и даже попробовала улыбнуться. Но не прошло и пяти минут, как ее молчаливое горе восторжествовало, согнав вымученную улыбку с ее бледных дрожащих губ.

— Как вы? — подавляя нахлынувшее отвращение и жалость, спросила Яна.

Она-то хотела сочувствовать, понимать, вдохновлять, вселять веру и надежду. А вместо этого к ее горлу подступала странная тошнота, которую она сочла проявлением бессердечия. Эта тошнота рождала в ней чувство стыда, ибо толкала на лицемерие — не могла же Яна напрямую заявить о своих подлинных ощущениях!. Она должна была играть роль сердобольной, понимающей женщины в то время, как все ее существо протестовало, жаждало отвернуться от этого маскообразного лица, от выражения тупой покорности, струпом застывшего на его окоченевшей поверхности.

— Плохо, — Вероника опустила глаза, — я со всем смирилась.

Это было ложью, ибо Вероника еще толком не осознала происшедшего. Она отказывалась верить в то что с ней случилось и не могла трезво и прямо взглянуть в лицо действительности, которая

выглядела двойным абсурдом. Смерть мужа и обвинение в убийстве слились для Вероники в один неизбывный кошмар, глыбой придавивший ее к земле. Она больше не размышляла о своей судьбе, она не верила в то, что такое возможно и при этом не возмущалась, а превратилась в некий механизм, в раскачивающийся туда-сюда маятник.

— Я верю в вашу невиновность, — Яна сделала попытку приободрить Веронику, но та лишь безвольно улыбнулась. — Вы не убивали своего мужа. Я пришла помочь вам.

— Правда? — с жалким недоверием, совсем по-детски спросила Вероника. — Вы думаете, что возможно вытащить меня отсюда?

— Я уверена в этом. Вы не убивали вашего мужа, вы невиновны, — на одном дыхании произнесла Яна.

Вероника скептически выпятила губы.

— Ну же, крепитесь, — пробовала расшевелить Веронику Яна. — Вы хотите, чтобы я вам помогла?

И тут Веронику прорвало. Она задрожала, страшно побледнела и, рухнув на колени, обхватила Яну трясущимися руками. Из ее груди вырвался протяжный стон, потом она мелко задрожала и стала рыдать. Яна была несколько обескуражена, она принялась гладить Веронику по спине. Вероникино тело билось в конвульсиях, словно земля во время извержения вулкана.

— Успокойтесь, я помогу вам, мы докажем...

— Вытащите меня отсюда, — как оглашенная закричала Вероника, внезапно отстранившись и подняв к Яне заплаканное, истерзанное лицо, — я ничего не пожалею. Я... я... бу...ду рабо... работать, — от волнения запиналась она.

— Мне нужно задать вам несколько вопросов.

Вероника непонимающе посмотрела на Яну. Что это сильная, уверенная в себе женщина хочет у нее узнать? Она ничего не знает, ничего, кроме того, что больше никогда не увидит мужа.

— Ваш муж и Вячеслав вели совместный бизнес, так?

Вероника отчужденно кивнула.

— А Захарыч был третьим... компаньоном?

— Да, — слабым голосом сказала Вероника.

— Как так получилось, что они ему задолжали?

— Не знаю, я в бизнесе не разбираюсь, — проямлила Вероника, сделавшись вдруг тихой и отстраненной. Она привстала с колен, медленно и тяжело опустилась на скамью рядом с Яной и вперила в противоположную стену пустой тоскливый взгляд.

— А кто может об этом знать? — не отставала Яна.

Вероника, не отрывая взгляда от стены, пожала плечами. Потом ее плечи снова затряслись, и она, как актриса, у которой сорвался первый дубль, снова упала перед Яной и зарыдала.

— Все будет хорошо, уверяю вас, — Яна слабо улыбнулась. — Послушайте, я знаю что Горбушкин жив.

— Что? — выпучила глаза Вероника.

Она вдруг обхватила голову руками и затихла. Только глаза на ее неподвижном, окаменевшем лице бегали из стороны в сторону. Складывалось впечатление, что услышанная новость лишь усугубила ее отчаяние.

Присущий Веронике инфантилизм заставлял ее рассматривать ее отношения с Вячеславом как бесконечную череду ссор и примирений, а неусыпную заботу о ней мужа — как само собой разумеющееся поведение влюбленного супруга.

К Вячеславу она, бесспорно, чувствовала влечение, но у нее сложилось вполне трезвое представление об этой связи, несмотря на достаточный срок остающейся чем-то ненадежным, могущим рухнуть в любую минуту. Вячеслав изводил ее порой своим холодным безразличием, не замечал ее, держался с ней чопорно и отстраненно, подчеркивая, что в его жизни она занимает далеко не ведущее место — куда главнее для него работа и дочь.

Вероника злилась, но стоило ему проявить к ней хоть каплю сострадания, стоило преподнести какой-нибудь скромный подарок или провести с ней ночь, и она обо всем забывала, прощала его невнимательность и колкости. В силу неоправданно высокого мнения о себе она была неспособна вообразить, что Вячеслав может изменить ей. Нет, если он бывал с ней подчеркнуто равнодушен или груб, она готова была приписать это усталости, неудаче на работе или желанию взбесить ее. В общем, Вячеслав был роскошью, драгоценным нюансом, призванным оттенить ее женский шарм, ее умение нравиться и соблазнять.

Жора же занимал в ее жизни иную роль. Он был чем-то вроде ангела-хранителя, оберегающего ее от жизненных трудностей и разочарований. Он был надежной пристанью, где она могла всегда отдохнуть от своих легкомысленных любовных авантюр.

Секс с Вячеславом, делая ее существование более пикантным и опасным, тем не менее не мог перевесить значения супружеского взаимопонимания, чувства близости, некой эмоциональной бережливости, с которой к ней относился Жора. И еще секс с Вячеславом был с ее стороны

бессознательной мстью за Жорино пристрастие к абсолютному контролю. Она сама не знала этого, только иногда некое сладкое и скользкое чувство удовлетворения, льющее бальзам на ее израненную гордость, касалось ее затуманенного выдумками сознания.

Ей нужны были оба мужчины, но в одном она испытывала все-таки большую нужду. И этот мужчина погиб. К тому же ее обвинили в его смерти! Связь Вероники и Вячеслава медленно угасала, нить, соединявшая их, как-то незаметно и плавно истончилась, Вероника привыкла к тому, что его больше нет. А вот Жора...

Нагая правда, в которую она боялась верить, не приобрела ни одной одежды с этой вестью о неожиданном воскресении ее любовника. Что-то умерло или умирало в ее душе, что-то безвозвратно было потеряно и эта весть с того света ничего не меняла в кошмаре ее одинокой жизни.

— О чем вы думаете? — спросила Яна. — Вы словно отсутствуете...

— Этого не может быть, — сдавленно произнесла Вероника, — не может быть. Абсурд! Ведь было доказано, что это Вячеслав...

— Чем и кем доказано? — холодно посмотрела на нее Яна.

— На руке обгоревшего трупа были часы Вячеслава и кольцо.

— Нет ничего проще, чем надеть свои часы и кольцо на руку другого человека, — иронично улыбнулась Яна.

— Но...

— Убив его, — добавила Яна.

— Вы думаете, что Слава убил человека? — глаза Вероники расширились от изумления.

— Именно так я и думаю. Вы же знаете, я редко ошибаюсь.

— Знаю, но в это трудно поверить, — приглушенным голосом, словно она сидела на спиритическом сеансе сказала Вероника.

— Это правда, — возразила Яна, — вы же убедились, что я обладаю паранормальными способностями и мне открыты двери будущего.

— Да, — Вероника с трагической маской на лице поднялась с колен и села на лавку. — Что же теперь делать?

На ее заново одревеневшее лицо было больно смотреть.

— Вы хотите узнать, что мне привиделось?

Вероника как-то механически кивнула.

— Вчера ночью я «увидела» все как было. Сумерки тихо напозлали на город. На дорогах и тротуарах, — спокойным проникновенным голосом стала вещать Яна, — лежал слегка подтаявший снег. По телевизору и радио передали о потеплении. В воздухе даже запахло весной. Нагие ветки качались на ветру. Огромные холодные капли падали с них, звонко

разбиваясь об отсыревший снежный настил, который за несколько морозных дней успел смерзнуться в толстую глянцевитую корку. По дороге на небольшой скорости ехала темно-зеленая машина. За рулем сидел светловолосый и голубоглазый человек. Он закуривал от дорогой золотой зажигалки. Рядом с ним негромко посмеивался грузный, розовощекий брюнет с влажными блестящими глазами. Они о чем-то вполголоса переговаривались и в их голосах сквозило удовлетворение.

По мере того, как Яна говорила, глаза Вероники принимали живое заинтересованное выражение. Они уже не бегали, как два затравленных зверька, а пытливо вглядывались в лицо Яны.

— Они ехали довольно долго. Потом машина остановилась в лабиринте низких построек из серого кирпича. Блондин вышел из машины, загремел ключами, открыл замок, включил свет в помещении. Потом вернулся в машину и въехал в гараж. К нему присоединился брюнет. Они открыли багажник и нагнулись над ним. Там лежал человек в рваной черной куртке. Они выволокли его наружу. Им было тяжело, я ощущала их усилия и тяжесть, неживую тяжесть этого тела. Ведь этот человек был мертв — на его шее четко был виден лиловый след от веревки.

— Боже мой! — не выдержала Вероника и прикрыла рот ладонью, гася в себе крик ужаса.

— Они положили труп на сиденье, вернее, посадили его — за руль. Голова мужчины упала ему на грудь. Им было трудно придать бездыханному телу нужную позу. Не знаю, почему они так старались. Можно ведь было просто бросить его на пол. То ли в них проснулся режиссерский азарт, то ли они по наивности думали, что горящий человек обязан сохранять ту позу, в которой он был до того, как загорелся. Не знаю. Блондин снял со своей руки часы и кольцо, надел на руку трупа. Брюнет загремел баками, достал канистру. Облил труп, а блондин швырнул горящую спичку. Пламя объело машину. Мужчины выбежали из гаража и побежали по серому кирпичному лабиринту к пятиэтажкам. Их окна светились огнями...

— Не могу поверить! — шепотом произнесла Вероника, глаза которой снова растерянно забегали.

— Сейчас Вячеслав живет в городе мостов, где над водой разносится колокольный звон, — глядя сквозь Веронику проговорила Яна.

— Это больше похоже на поэзию... — подивилась та.

— Это жизнь. Вы согласны принять мою помощь?

— Конечно! — с пылом воскликнула Вероника. — Но я-то вам чем могу быть полезна?

— Кто может быть в курсе дел вашего мужа и двух его компаньонов?
— Вам следует сходить в офис. К Сергею Анатольевичу.
— Кто он?
— Главный менеджер, так говорил Жора.
У Вероники снова затряслись губы.
— И еще, — быстро добавила она, чтобы унять новую волну слез, —
ко Льву Николаевичу. Он был близок с Вячеславом.
— А это кто?
— Мой адвокат. Он работал и на Жору, и на Славу.
— Опишите мне его, — попросила Яна.
Вероника нарисовала словами портрет Левы.
— Между двумя передними зубами у него щербинка? — уточнила
Яна, — и массивный браслет из серого золота?
— Откуда вы знаете? — вытаращила глаза Вероника.
— Видела, — просто и таинственно ответила Яна. — Дайте мне его
телефон и объясните, как найти офис вашего мужа.
Записав номера телефонов и адреса, Яна спрятала органайзер в сумку
и посмотрела на Веронику.
— Если Лев Николаевич будет мною интересоваться, — улыбнулась
она, — скажите, что я занимаюсь каким-нибудь бизнесом, — она на
секунду задумалась, — продаю косметику, например. Хорошо?
Вероника кивнула.
— А теперь я должна идти. Не скучайте и не унывайте.
— Яна бросила на Веронику теплый ободряющий взгляд.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Яна решила быстренько пройтись по бутикам. В «Николи» она приобрела великолепную блузку сливового цвета, а в «Карло Пазолини» — пару шикарных сиреневых полусапожек. Вернувшись домой, она покормила Джемму и, приняв ванну, позвонила в адвокатскую контору «Щит». Трубку сняла секретарша. У нее был приятный вибрирующий голос и заученно любезная манера общения.

— По какому вопросу? — вежливо осведомилась она, выслушав Яну.

Яна сказала, что она знакомая одной клиентки Льва Николаевича Гущина и что у нее к нему срочное дело.

— Соединяю, — деловито сказала секретарша, и Яна услышала богатый оттенками, несколько слащавый баритон.

— Слушаю вас, — в этой реплики, вернее, в тоне, которым ее произнес Гущин, присутствовала некая снисходительная усталость.

Яна повторила все, что сказала секретарше, вкладывая в свой голос максимум вкрадчивой переливчатости и томности.

— Подруга Вероники Шкавронской? — с оттенком снобистского высокомерного недоверия переспросил Гущин. — И что же вы хотите?

— Это не телефонный разговор, — перешла Яна на подчеркнуто официальный тон. — Мы можем встретиться?

— Сейчас я занят, — со вздохом — мол, полно клиентов, жаждущих услышать от меня слово поддержки — ответил Гущин. — Давайте завтра.

— Утром?

— Нет, утром я тоже занят, милочка, — позволил себе откровенно покровительственную интонацию Гущин. — Лучше часиков в пять. Только предварительно обязательно позвоните мне.

— Хорошо.

Повесив трубку, Яна почувствовала одновременно облегчение и разочарование. Облегчение — потому что Гущин все-таки согласился ее принять, а разочарование — оттого, что это произойдет только завтра. Она закурила, потом снова сняла трубку.

— Старшего лейтенанта Руденко, — попросила она.

В трубке повисла жужжащая вата. Потом ее разорвал звучный голос Три Семерки.

— Сеня, это я, — еле сдерживая улыбку сказала Яна.

— Понял, — быстро проговорил Три Семерки, — у нас тут планерка

импровизированная получилась... Так что быстрее выкладывай.

— Какие ты слова сложные знаешь, — усмехнулась Яна.

— Завтра после пяти мне понадобится твоя помощь.

— Что такое? Во что ты еще встряла? — озабоченно спросил Руденко.

— Ничего особенного. Все будет мирно, обещаю тебе. Так могу я на тебя рассчитывать?

— Я должен знать! — взвился нетерпеливый Руденко.

— Тебе нужно будет подъехать ко мне, а остальное пусть останется пока тайной — тем приятнее будет сюрприз. Никакой перестрелки, просто дружеское общение за чашкой кофе, — загадочно улыбнулась Яна.

Три Семерки словно увидел эту хитрую, намекающую и ускользающую улыбку, потому что его раздражение достигло наивысшей точки. Он, ничего конкретно не обещая, сказал, что постарается, и предупредил: «Не вздумай рисковать!» Яна уверила его, что прямой опасности ни для кого нет, а выгода будет огромная.

Спать Яна легла рано. А среди ночи проснулась. Ее терзала какая-то непонятная тревога. Джемма подняла морду и сочувственно посмотрела на хозяйку. Поняв, что в ближайшие час-два не заснет, Яна сварила себе кофе и устроилась с чашкой в кресле. Или это думы о судьбе Вероники и вся эта история не дают ей отдыха?

«Воскрешение» Вячеслава Горбушкина придало ситуации новый ракурс. Оно ничего не проясняло, но что-то сдвигало в Янином понимании сложившихся обстоятельств. Невинность Вероники не вызвала в Яне сомнения, а теперь появление на сцене Горбушкина как-то задвинуло в тень и фигуру Захарыча. Означает ли это, что он приложил руку к убийству своего компаньона? Нужно навести справки о порядке и условиях владения акциями предприятия. Если, допустим, имущество было поделено между ними троими с учетом того, что в случае смерти одного из них имущество переходит к родственникам покойного, а если таковых нет, то — к другому компаньону, то тогда вполне вероятно, что Захарыч или Горбушкин заняты устранением конкурентов, в которых превратились бывшие единомышленники и союзники по бизнесу.

Яна сделала маленький обжигающий глоток кофе и затянулась сигаретой.

Ладно, с этим все более-менее ясно, а как быть с мотивом, заставившим мужа Вероники не уехать вместе с Горбушкиным, а остаться здесь и в итоге получить пулю? Доделывал дела? Ведь они вдвоем задолжали Захарычу. О чем это говорит? Может быть, это указывает на совместный характер прокрученной ими сделки, обернувшейся

финансовыми убытками для Захарыча. Но если они были заодно, не посвятив своего третьего компаньона в это дело, то, следовательно, совершили мошенничество. Зачем они это сделали, чего им не хватало? Ни тот, ни другой не бедствовали, оба жили в полном достатке. Может, на фирме дела не клеились, и они судорожно искали выхода из создавшейся обстановки, ненадежной, чреватой финансовым крахом? Или на них наседали Захарыч? Кто может знать, вместе они действовали, или каждый за себя?

Опять же, если вместе, то почему Шкавронский остался в Семеновске? Знал ли он о спектакле, разыгранном Горбушкиным? Шкавронский мертв и никто не расскажет об этом. Если только...

Яна мечтательно улыбнулась. И снова задумалась.

А Рита? Для чего ей было оставаться? Неужели Горбушкин так мало любил дочь, что бросил ее? Нет, по всему выходит, что она, нарушив его запрет, вернулась в город.

Почему Рита вдруг оказалась в Семеновске? Это должно быть что-то сильное, жгучее, безудержное... Тайное желание, запретная страсть? Для чего так рисковать? Яна вспомнила сцену на вокзале, парня с аккуратными бачками, наподдавшим ногой бандиту с сотовым. Кто он, случайный попутчик? Нет, не похоже...

Яна зевнула и, не переставая задавать себе вопросы, вернулась в кровать. Потушила электричество и вытянулась на простынях. Но сон не шел. Она закрыла глаза, погружившись во мрак, не сравнимый с темнотой ночной комнаты. Ибо эта темнота бывает чем-то оттенена — кривящимся силуэтом на стене, лунным пятном на полу или одеяле, отблеском циферблата, попавшего в круг звездной пыли, просеивающейся сквозь неплотно закрытые занавески.

Яне утонула во тьме своих зрачков. Она медленно проваливалась в какую-то скользкую вату, скатываясь, пролетая многочисленные слои. Точно в шерсть какого-то животного. Скользила по черному бархату и шелку. Это была кошка, ну конечно, — мелькнул отсвет живых слов на краю погруженного в дремоту сознания Яны, — сладострастно потягивающаяся, бросающаяся в бегство и уносящая ее на своей спине кошка. Душистый мех оведал Яне лицо, она пробовала взгромоздиться выше, добраться до холки, но все время скользила вниз, а потом снова повторяла свои усилия, оставшиеся безуспешными. И когда, обессиленная этой скачкой, Яна больше не могла удерживаться на лоснящейся и отливающей черным блеском спине животного, с криком упала. Но вскоре страх сменился удивлением, радостью, ощущением

неуязвимости и полноты. И Яне стало казаться, что шерсть животного — это ее собственные волосы, которые развевались и неслись за ней подобно бесконечному шлейфу, подхваченные ветром, беспрестанно обрушивающим снопы огня на ее слитое с первозданной тьмою лицо.

И вдруг перед ней расцвели диковинным красные и розовые цветы, раскрылись так живо и трепетно, что у нее сладко сжалось сердце. Они смеялись и нежились, сияя на белом фоне свежими лепестками. Яна подняла глаза, увидела белые складки одежд и вышитую синим атласом горловину. Из нее выступила черная шея, а следом — темное лицо, черты которого невозможно было различить. Это лицо лишь благодаря резкой линии, отделявшей его от потемок, позволяло нащупать глазам его очертания. Яна интуитивно поняла, что это очередной фрагмент таинственного изображения.

Яна почувствовала жгучее нетерпение и томительную грусть, населявшие этого пленительного незнакомца. И это было так мучительно и сладостно, что она крикнула что-то невразумительное, бессвязное, дикое. И очнулась, привстала, но тут же в изнеможении снова откинулась на подушки. Слово это видение высосало у нее всю кровь. Досада, дикая досада и недовольство — вот что она почувствовала в ту секунду. «Джокер» издевался над нею! Она кусала губы. Но ведь что-то это должно значить! Сюрприз — сюрпризом, но нельзя же отрицать, что эта карта с поразительной последовательностью воспроизводит перед ней некое изображение. Если бы у нее, у Яны, хватило сил, картина явилась бы ей в полном объеме. Это было похоже на заикание, как-будто кто-то с трудом, по слогам произносит длинное слово, не в состоянии быстро и отчетливо проговорить его. Яна закрыла глаза. Ее руки бессильно лежали вдоль тела. Ей казалось, что она не может пошевелить даже пальцем. Голова была полна свинца, образы, явившиеся ей в забытии, заставляли ее сердце биться учащенно и тяжело.

Заснув только под утро, она проспала до трех часов. И все равно встала разбитая и утомленная. Приняла душ, чтобы взбодриться. Сделала несколько физических упражнений и позвонила Руденко. Он был еще более озабочен и тороплив, чем в прошлый раз.

— Не знаю, — быстро проговорил он, — занят я. Тут у нас два убийства. Людей не хватает. Если смогу, приеду.

— Часов в семь, — зевнула Яна, — я тебе еще раз звякну.

Она нажала на рычаг и тут же набрала другой номер — конторы, где работал Гуцин. Он подтвердил свое согласие встретиться с ней, сказав, что клиенты ему нужны. Она стала одеваться. Навела красоту, проторчав

добрых полчаса перед зеркалом, нацепила черную велюровую юбку, дополнившую ансамбль сливовой блузке и сиреневым полусапожкам. Надела короткое манто «авто-леди» из белой норки и, прежде чем выйти из дома, минут десять вертелась перед зеркалом, упражняясь в мимике. Искала наиболее подходящее для случая выражение лица — томное, вкрадчивое, одушевленное страстью, печально-роковое, хищное, сладострастное.

Задвинув щеколду на калитке, Яна вышла к дороге и, естественно, не осталась незамеченной в своем потрясающем наряде, с развевающимися по плечам волосами. Тут же остановилась синяя «девятка», и парень, грубо сколоченный череп которого напоминал известное произведение папы Карло, высунул в открытое окошко свою тупую ухмыляющуюся морду.

— Куда собралась, красотка?

— В центр, — невозмутимо ответила Яна.

— Какое совпадение! — засмеялся парень. — И мне туда же.

Он распахнул переднюю дверцу. Яна скользнула в салон и набросила ремень безопасности.

— Угол Чапаева и Московской, — бросила она, устраиваясь поудобнее. — Курить можно?

Парень кивнул и осклабился. Он даже поднес ей горящую зажигалку. Но сделал это неловко, держа руку слишком низко. Яна, знакомая с правилами этикета, и не думала нагибаться. Парень заерзал.

— Выше, — снисходительно улыбнулась Яна, готовя себя к роли соблазнительницы.

Парень повиновался и, чтобы скрыть свое досадное замешательство, принялся напропалую приставать к Яне. Он изощрялся в юморе, но все его шутки были откровенно плоскими, если не сказать пошлыми. Поняв же, что Яна не то что не интересуется им и его фирмой, о которой он говорил с наивной гордостью выбившегося в люди крестьянина, а уже не чает, как поскорее от него отделаться, он подавленно и разочарованно замолчал. Но потом все-таки счел необходимым в комично-оправдательном тоне сказать:

— Ты не смотри, что я на такой затрапезной тачке, у меня «бээмвуха» в ремонте.

— Дело не в тачке, — вздохнула Яна.

— А в чем? — спросил пытливый хлопец.

— В том, что я замужем и люблю своего мужа, — соврала Яна.

— Если б ты была моей женой, — обрадовался парень новой теме для разговора, — я бы тебя одну не отпускал.

Яна обратила к нему насмешливый взгляд.

Она вышла у главпочтамта, не удосужившись снабдить несчастного пристава номером телефона. Перешла дорогу и, пройдя до третьей по счету арки, вошла в небольшой тихий дворик. Поднялась на крыльцо, ступеньки которого были предусмотрительно застелены гофрированными резиновыми ковриками, и нажала на кнопку звонка. Над ее головой маячила синяя вывеска:

«Адвокатская контора „Щит“».

Ей открыла сублинная блондинка в модных очках. Стрижка у девушки тоже была модная. Ее соломенного цвета волосы были тщательно уложены, глаза смотрели бодро и доброжелательно.

— Добрый вечер. Это я вам звонила вчера и сегодня. Моя фамилия Милославская. Мы договаривались со Львом Николаевичем о встрече.

— Да-да, — с заученной вежливостью улыбнулась блондинка, которая слушала Яну, чуть наклонив набок свою очаровательную головку. — Пойдемте.

Она еще раз улыбнулась и, развернувшись, деловой, но отнюдь не суетливой походкой устремилась вдоль по коридору. Яна скользила глазами по латунным табличкам, прикрепленным к высоким дверям из натурального дерева. Коридор блистал евроремонтом, в небольшом холле-приемной, который женщины миновали, следуя в глубь коридора, зеленела комнатная флора и уютно урчали компьютеры. Наконец девушка остановилась перед последней, тождественной по форме всем остальным дверью и деликатно постучала. Постучав же, чуть приоткрыла.

— Лев Николаевич, к вам госпожа Милославская.

— Да-да, Лика, — раздался из приоткрытой двери звучный баритон, — пригласи.

Девушка выразительно улыбнулась Яне, приглашая войти. Яна поблагодарила и, проскользнув в щель между дверью и косяком, ступила за голубой ковролин. Сухую официальность кабинета разнообразили разные мелочи, отвечающие, должно быть, натуре хозяина, склонному к украшательству.

На прямоугольном столе Яна увидела изящную вещицу — подставку-зажим для книг. Два бронзовых тибетских монаха в сидячих позах располагались по обе стороны этой экстравагантной подставки, и если бы не стоявшие между ними книги, наверное, загипнотизировали бы друг друга.

— Прощу, — расплылся в сочной улыбке сидевший за столом во

вращающемся кресле широкоплечий, полноватый брюнет.

Ему можно было дать лет сорок пять. Основательный, солидный дядечка с неторопливыми жестами и отменным аппетитом. Его пухлые щеки приятно розовели. Щербинка между передними зубами придавала его немного одутловатой физиономии что-то заячье, порочное и детское одновременно. Черные густые волосы сверкающими волнами были зачесаны назад, густые брови весело поигрывали, то изгибаясь месяцем, то причудливо ломаясь, полный рот, необычайно яркий и женственный, был приоткрыт то ли от удивления, то ли от того, что Гущина мучила одышка.

Он поднялся, и Яна оценила его немалый рост. Увидев Яну, он снизошел до того, чтобы поухаживать за ней. И из ленивого, избалованного вниманием клиентов адвоката превратился в галантного ухажера. Яна и без обращения к картам чувствовала некую фальшь в этой его заботе. Что-то от самолюбования, от лукавой игры в доброго и внимательного дядечку присутствовало в неспешной обходительности Гущина. Может быть, это впечатление не в последнюю очередь было вызвано таящимся в его глазах недоверием, той самой острой цепкостью придирчиво-внимательного взгляда, которая отличает людей, привыкших видеть в других нечто порочное и корыстное. И Яна подумала, что не так он добродушен, снисходителен и гедонистичен, каким хочет казаться. Что ж, ей придется поработать над ним.

Яна, удовлетворенная столь беглым анализом, не могла сдержать легкой ироничной улыбки, которая несколько насторожила Гущина. Онеще откровеннее заулыбался и помог Яне избавиться от ее норкового манти, которое с ловкостью, достойной Фигаро, подхватил и заботливо пристроил на вешалке в шкафу.

Оставшись в полупрозрачной блузке и мини-юбке, Яна почувствовала некоторое смущение, тем более что Гущин, вернувшийся за стол, принялся ее бесцеремонно разглядывать. То ли он поддался ее чарам, то ли считал себя хозяином положения. Яна села напротив него в кресло, положила ногу на ногу. Взгляд Гущина скользил то и дело по ее стройным, обтянутым черными чулками ногам.

— Так что же вас привело в мой скромный офис? — нараспев, с притворной скромностью произнес он.

— У меня к вам срочное дело. Мне нужен адвокат...

— Кофе хотите? — потянулся всем своим огромным телом Гущин.

— Можно, — широко улыбнулась Яна.

Гущин вызвал по телефону секретаршу и попросил ее принести кофе.

— Редко можно увидеть в моем кабинете такую привлекательную

особу, — плотоядно облизнул он свой и без того мокрый рот. — Вы курите?

Яна кивнула.

— Прошу, — он протянул Яне зажженную зажигалку, наклонившись над столом так, чтобы поглубже заглянуть в вырез полурасстегнутой Яниной блузки.

Яну позабавило такое откровенное, при всей предпринятой маскировки движение. На мгновение она поверила в то, что Гуцин заглотив наживку, и даже испытала к нему нечто вроде материнской нежности и жалости.

— Спасибо, — Яна красиво затянулась, небрежно держа сигарету между большим и указательным пальцами, — Вероника Шкавронская очень высокого мнения о ваших способностях. Она и посоветовала мне обратиться к вам. Ведь в наше время так трудно найти поистине хорошего и порядочного адвоката. Не просто прилежного работника, а человека, который может утешить и вдохновить, вы меня понимаете?

Гуцин, на лице которого сияла самодовольная улыбка, согласно кивнул.

— Но, — все-таки возразил он, в глубине души почему-то не доверяя этой посетительнице, — понятие «хороший адвокат» уже включает в себя указание на то, что считающийся и являющийся на самом деле таковым человек уже обладает теми моральными качествами, о которых вы вскользь упомянули.

— Прекрасно, — Яна демонстративно, в замедленном темпе поменяла ногу. — Думаю, вы — как раз тот, кто мне нужен.

Движение Яниных ног не осталось незамеченным Гуциным. Он с наглым любопытством сопровождал его долгим, понимающим взглядом. Но, к своему удивлению, Яна заметила в его глазах некую насмешку. Нет, он не так прост!

— Мой брат попал в неприятную историю. Его обвиняют в убийстве...

Далее последовал душещипательный рассказ, подготовленный Яной с несказанной изобретательностью и доведенный до оглушительного совершенства красками мгновенной импровизации. Яна, точно заражаясь от самой себя враньем, лгала все изощреннее и вдохновеннее и к концу речи даже пожалела, что пора сворачивать это рассчитанное на горячий отклик повествование. При всем том она сознавала, что злоключения ее мифического брата, поток ее красноречия — это только фиговые листки, прикрывающие ее желание понравиться Гуцину и соблазнить его. Тем более что сам Гуцин тоже так думал.

Он нетерпеливо ерзал в кресле, сгорая от любопытства. Ибо

воспринял Янину историю как попытку «втереть ему мозги». Как и всякий хороший адвокат — а он, без сомнения, был преуспевающим адвокатом — Гуцин обладал артистическим талантом. Порой ему приходилось изощренно врать, а ведь известно, что человек, плутующий с истиной, сомневается в искренности себе подобных. Ложь оставляет в человеке холодок неудовлетворенности, горький осадок недоверия и порой делает из него слепца, его оценки становятся однобокими, он начинает думать, что все лгут — одни чтобы обелить себя, другие — преследуя корыстные интересы. Гуцин культивировал в себе скептицизм, который, будучи усилен отсутствием твердых нравственных ориентиров, перерос постепенно в цинизм. Увидев у себя в кабинете эту женщину и поняв, что она что-то задумала, он начал ей подыгрывать, в надежде раскусить ее. Набравшись смелости, он сказал:

— Вы не против поужинать вместе? Тем более что я сегодня еще не обедал, — он с печальной томностью улыбнулся и, изящным жестом отодвинув манжету кремовой рубашки, взглянул на часы.

— С удовольствием, — обнажила Яна в улыбке свои белые ровные зубы, — хотя я должна признаться, что придерживаюсь строгой диеты.

— С вашей замечательной фигурой, — маслянисто блеснули темные глаза Льва Николаевича, — это ни к чему.

— Кофе, — в кабинет вошла блондинка, несущая на маленьком серебряном подносыке две фарфоровые лотосообразные чашки на блюдцах.

— Верочка, — поднялся с кресла Гуцин, — вы уж нас извините, мы спешим, — кинул он заговорщический взгляд на Яну. — Предложите сей замечательный напиток моим братьям по разуму.

Выразившись столь витиевато и напыщенно, Лев Николаевич испытал настоящее удовольствие. Интуитивно чувствуя, что перед ним далеко не заурядная женщина, он предвкушал острую словесную дуэль, возможно, пикировку. Он покажет этой дамочке, на что способен!

Верочка приподняла бровки, с игривым понимающим сожалением улыбнулась и вышла в коридор.

— Прощу, — Гуцин достал из шкафа Янино манто и распахнул его у нее за спиной.

Яна не спешила. Она подошла к зеркалу и с видом заправской кокетки поправила волосы, облизнула губы, попудрила носик. И только потом дала себя одеть. Зная направление мыслей Гуцина и видя, с какой нежной заботой, с какой обольстительной вкрадчивостью Гуцин подавал Яне руку на ступеньках, усаживал ее в свой триста двадцатый серебристый «мерс», с каким мягким вниманием спрашивал о гастрономических пристрастиях и о

ресторане, куда она хотела бы отправиться, можно было составить себе представление об артистических способностях адвоката.

Ресторан «Колумб» их не разочаровал. Роскошный интерьер, особый шарм и теплоту которому придавали сборки на бархатных шторах и причудливые светильники, стилизованные под старинные лампы, приглушенная музыка, блюда на любой вкус, великолепные вина, приличная публика.

Постепенно обстановка начинала накаляться. Намеки, таящиеся в глазах, становились более прозрачными, недвусмысленными, жесты — все более разоблачающими и трепетными. Дошло до того, что после двух бутылок шампанского Гуцин протянул руку под столом, нащупал колено Яны и принялся его поглаживать, при этом нагло улыбаясь и многозначительно поигрывая бровями. Она не отбросила его руку, но крепко сжала, беря инициативу на себя.

— Поехали ко мне, — глухим низким голосом произнесла она, разыгрывая женщину-вамп.

— Поехали, — пьяное сияние озарило холеную физиономию Гуцина.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Несмотря на изрядное количество потребленного алкоголя машину Гуцин вел безукоризненно, скорости не превышал, исправно тормозил на светофорах. А вот когда вышел из машины, ноги подвели его. Они подгибались и разъезжались на тонком насте, он все время сбивался с проторенной тропинки и проваливался в сугроб. И приходил в бешенство, что не поспевает за Яной. Мысли стали путаться у него в голове. Он вдруг как-то устал, разомлел, «растекся».

«Какого черта я здесь делаю?» — крутилось у него в мозгу.

Да, в ресторане он иронизировал, показывая себя во всем блеске своего остроумия. Потом шутки и каламбуры стали вязнуть в трясине злобного зубоскальства, пока он не перешел к откровенной пошлятине. Теперь же он хотел домой, и ему было невдомек, какая нелегкая занесла его сюда, в этот заснеженный двор, почему Яна так быстро идет и почему вообще он должен бежать за ней. Он капризничал, точно ребенок, утративший интерес к любимой игрушке. Он жаждал покоя, тишины, он был готов погрузиться в теплую жижу детского неразумия. В нем вдруг заговорил страх перед этой непонятной, коварной особой, и он многое отдал бы за то, чтобы вернуться к счастливым грезам о женщине, как о мягкой тенистой утробе, где можно было бы заснуть без опасения быть исторгнутым, преданным, убитым.

— Проходи, будь как дома, — с коварной нежностью сказала Яна, открыв дверь и шутливо вталкивая Гуцину в темную прихожую.

Послышался лай. Гуцин в страхе отпрянул, едва не свалив Яну и не упав сам вместе с ней.

— Фу, Джемма, свои... — Яна нащупала выключатель, зажгла свет.

— Ух! — испустил Гуцин вздох облегчения, когда Джемма, планомерно обнюхав его и убедившись в том, что гость не опасен, отошла прочь.

Теперь она вилась возле Яны, приветливо поигрывая обрубком хвоста и радостно тьявка, совсем как щенок.

— Ну-ну, — Яна легонько отпихнула собаку, — дай раздеться!

Чтобы не дезертировать, не показать себя трусом, Гуцин начал восторгаться гостиной и тут же упал в глубокое кресло перед телевизором, счастливо ощутив под собой хоть какую-то опору.

— Ты еще моего кабинета не видел! — лукаво улыбнулась Яна.

— Ты — дантист или... — он задумался, стараясь придать своему взгляду веселость.

Он был растерян, но пытался это скрыть.

— Прорицательница! — воскликнула Яна, повинувшись восторгу минуты и требованиям актерского искусства.

— Вот как? — поразился Гуцин и вслед за тем судорожно рассмеялся.

— Не веришь?

— Нет, — сделал он головой резкое движение.

— Тогда пойдем в спальню, — хитро и обещающе сверкнули глаза Яны.

— О-о! — Гуцин поднялся с кресла и попытался обнять Яну.

Это было пробное объятие. «Эта стерва явно чего-то хочет от меня. Нет, не секса, у нее другой интерес». Адвокат решил встряхнуться. В нем заговорило угасшее под воздействием лени и необъяснимых страхов любопытство. Или он просто начинал трезветь?

Тем не менее силы еще не вернулись к нему, потому что он едва не запутался в собственных ногах и упал бы, если бы сердобольная Яна не подхватила его, стараясь изо всех сил не загреметь с ним на пол. Обхватив за широкую, надо сказать, талию, потащила с трудом передвигающего ноги «любовника» в спальню. Потом спихнула «тушу» на кровать.

Гуцин растерянно улыбался, отдавая себя в руки этой смеющейся, такой ласковой и покорной женщины. Несмотря на все свое недоверие и любопытство, ему было приятно думать, что что она исполнит любую прихоть, и он со снисходительным видом разомлевшего барчука позволял обращаться с собой с шутливой небрежностью. А когда Яна приступила к расстегиванию своей шикарной блузки, он заохал и застонал от восторга и предвкушения острых ощущений.

Яна краем глаза наблюдала за ним. Она не могла избавиться от ощущения фальши. Гуцин играл — чувствовала она, и это могло означать лишь то, что она недооценила его. Как ни противилась ее душа этой пошлой игре, она должна была продолжать. Оставшись в одном бюстгалтере, Яна присела на кровать и, отгалкивая нетерпеливые руки Льва Николаевича, принялась стаскивать с него рубашку. Он заохал еще громче, покорный как теленок.

— Вначале я сделаю тебе массаж, — медоточиво прошептала Яна, склонившись к его раскрасневшейся от алкоголя и мороза физиономии.

— Может, шампанского? — проурчал он.

— Ну что ты, котик, — усмехнулась Яна, водя ладонями по его могучей волосатой груди, — хватит, а то...

Она шаловливо помахала пальчиком, намекая на ущерб, который дополнительная порция шипучки может нанести его потенции.

— А вот массажик эротический, — тихо засмеялась она, — тебе не помешает. Закрывай глазки и слушай сказки. Мальчик мой устал, его нужно взбодрить, а потом успокоить, — тоном влюбленной женщины проворковала она и ущипнула Гущина за сосок.

Тот издал очередной сладострастный стон и закрыл глаза, внутренне подобрившись.

— Вот так, — Яна провела пальцами по его тяжелым векам, — сейчас ты уснешь и ничто не побеспокоит тебя, — она незаметно вынула из-под пояса юбки колоду, слегка перетасовала и выбрала карту «Внушение».

— Не подглядывай, — улыбнулась она, нажав Гущину на веки пальцами — нежно и настойчиво. — Ты поплывешь к далеким берегам тропической неги, — она запрокинула голову, сочиняя на ходу, продолжая настраиваться на силу карты, — тебе будет покойно, сладко, тебе будет хорошо. Так хорошо, как еще никогда не бывало... Диковинные птицы запорхают над тобой и потянутся широкие караваны розовых облаков, тающих в лазури и наполняющих твои глаза чарующим грезам.

Гущин задышал глубже и равномернее, капризное желание обрести пристань, нечто покойное и безмятежное вновь заговорило в нем, опрокидывая все его расчеты и оттесняя сознание к райским кушам забытья. Он забыл, для чего он сюда пришел, что хотел прояснить для себя, он просто провалился, не в силах противиться голосу Яны, в гипнотический сон.

— Ты лежишь на спине, — продолжала Милославская, чувствуя, как ее голос приобретает все более низкий тон, — на мягком белом песке, солнечные лучи, пробивающиеся сквозь раскачивающиеся опахала пальм, ласкают твоё лицо, скользят по нему, ласкают кожу...

Гущин чмокнул губами во сне.

— Но ты спишь чутким сном, ты можешь говорить и ты будешь говорить. Ты ответишь мне?

Голова Гущина качнулась — все еще пребывая в сомнамбулическом состоянии, он попытался кивнуть, но тут же снова свесился на подушку.

— Прекрасно, — Яна встала на колени и включила приклеенный скотчем к нижней поверхности стола диктофон.

Потом набросила халат и выскользнула в гостиную. Набрала номер Руденко. Но его не оказалось на месте — выехал на задание. Тогда она попросила передать ему, что ждет его у себя дома как можно быстрее. Мужчина с грубоватым голосом, говорящий рубленными фразами,

пообещал ей все сделать. Яна вернулась к спящему Гущину. Он шевелил во сне губами, похожий на медленно работающую паровую машину.

— Ты ответишь мне на все вопросы? — звучным низким голосом обратилась к нему Яна.

— Да, — ответил он.

— Ты помнишь тот день в ноябре, когда на дорогах и тротуарах лежал мокрый снег? Промозглый серый день и такой же холодный пасмурный вечер? Ты ехал с другом на машине, а в багажнике лежал мертвый человек. Помнишь?

Голос Яны на последнем слове приобрел угрожающе-рокошующие ноты.

— Да, — безвольно сказал Гущин.

— Когда это было? Назови число, месяц и час.

— Двадцать пятого ноября, около семи.

— Кто его убил, этого несчастного?

— Мы, — выдохнул Гущин.

— Конкретнее расскажи, как это было, — приказала Яна.

— Нашли его на помойке... бомж рылся в дерьме. Мы предложили ему выпить, сказали, что у нас хорошее настроение, потому что много бабок срубили. Затолкали в машину, задушили и отвезли в гараж.

— Кто его задушил?

— Я держал его, — лицо Гущина трагически дернулось, — а Славка душил, сидя на заднем сиденье. Бомж недолго рыпался.

— Что было в гараже?

— Славка снял с руки золотое кольцо и часы, надел на руку бомжу. Мы бросили его в дальний угол, облили бензином и подожгли.

— Точнее!

— Я плеснул на него из канистры, а Славка бросил спичку, — по лицу Льва Николаевича пробежала судорога, он стал задыхаться, жадно хватать воздух сухим ртом. — Мы быстро закрыли двери и уехали.

— Прекрасно, — мрачно процедила Яна. — Значит, ты, Лев Николаевич Гущин и твой приятель Горбушкин Вячеслав Сергеевич убили человека и затем сожгли его. И все это сделали для того, чтобы инсценировать самоубийство Горбушкина. Горбушкин снял с руки кольцо и часы и надел на руку покойного, чтобы все думали, что это он погиб, Горбушкин Вячеслав. Сколько же он заплатил тебе за услугу?

— Десять тысяч долларов, — шевельнул губами Гущин.

— Для чего понадобилось Горбушкину заставлять всех думать, что он мертв?

— Он проделал аферу — продал более ста автомобилей, перевел

деньги на счет подставной фирмы.

— И где теперь эти деньги?

— За границей, — трепыхнулся во сне Гущин.

— Точ...

Дикий лай потряс дом. Джемма рванула из прихожей, где имела обыкновение лежать на коврике, в спальню. Она запрыгала возле Яны, оглушительно лая. Потом снова метнулась в прихожую и стала корябать когтями дверь изо всех сил, точно хотела ее выломать. Перепуганная Яна побежала в прихожую. Но Джемма прыгнула ей навстречу, снова устремляясь в спальню, и в этот момент раздалась автоматная очередь и острый звон разбитого стекла. Джемма с разбегу сиганула в пробитое пулей окно. Снова грянули выстрелы, а потом до потрясенной и неподвижно застывшей над телом Гущина Яны донесся иступленный крик боли.

Вернувшись в спальню, Яна увидела, что Гущин мертв. Пуля угодила ему в голову. Он так и не проснулся. Кровь залила подушку и продолжала вытекать из входного отверстия на голове Гущина. Яна зажмурилась, но тут же, охваченная беспокойством за жизнь Джеммы, побежала к двери. Нацепила валенки и в одном халате выскочила наружу. Обогнула дом, различая в снегу глубокие следы.

Джемма, широко расставив передние лапы, удерживала человека, который лежал на снегу и даже не пытался пошевелиться. Джемма, грозно урча, успокаивалась, отходила от охотничьего азарта. Яна машинально подняла валявшийся в снегу «УЗИ». Она не видела, как у калитки затормозил белый милицейский «жигуль» Руденко, и тот, увидев серебристый «мерс» и почуяв, что творится что-то неладное, широко распахнул калитку и уже бежал к дому.

— Яна! — заорал он.

— Я здесь, — крикнула она.

— Фу, Джемма, — Яна пыталась оттащить Джемму от начавшего снова подавать признаки жизни незнакомца.

Она не решалась выпускать из рук автомат, поэтому ей не удавалось справиться с Джеммой. Руденко был как никогда кстати.

— Вот так да! — прогрохотал он, увидев открывшуюся ему картину.

— Держи, — Яна впихнула ему в руки «УЗИ» и ринулась к Джемме. — Фу, фу, Джемма...

Та села чуть поодаль, продолжая зорко следить за мужчиной на снегу.

Он встал на колени, и, опасаясь собаки, посмотрел на Руденко и Милославскую. Это был Корнил, тот самый прыскающий ядовитой злобой

парень с сотовым, которого Яна в первый раз увидела на вокзале. Он медленно, с трудом сел, чуть ли не по пояс утопая в снегу. Руденко быстро подскочил к нему и защелкнул на запястьях стальные браслеты.

— Вот так оно надежнее будет, — хохотнул он. — Ну ты, мать, даешь, — обернулся он к Яне.

— Я же тебе сказала: приезжай.

— Так, так, так, — начал соображать Руденко, — чует мое сердце, не один он сюда пожаловал. Ты его постереги, а я пошукаю его дружков.

Три Семерки торопливо пошел к ограждению из сетки-рабицы.

Корнил зажимал рукой шею — видно, Джемма чуток прошлась по ней своими крепкими зубами — и тревожно косил глаза на собаку.

— Опять твое сучье отродье, — прошипел он.

Его меховая куртка была распахнута, он тряс головой, проверяя свободной рукой ухо.

— Как ты здесь оказался? — спросила Яна.

— Да пошла ты!

Дальше последовал отменный набор матерщины.

— Захарыч приказал убрать Гущина?

— А хоть бы и так... — ухмыльнулся Корнил.

— Почему? Потому что он скрывал от него местонахождение Горбушкина?

— Тебе-то что? — хмыкнул бандит.

— Это как-никак мой дом, — усмехнулась Яна, — и потом, я тоже чуть не стала жертвой...

— А жаль, — с нескрываемой злобой сказал Корнил, — тебя и твою суку давно следовало замочить. На месте Захарыча я бы так и сделал.

— То, что ты — мелкий злобный ублюдок, я уже знаю, — насмешливо и высокомерно процедила Яна.

Джемма, точно поняв, о чем речь, яростно зарычала. Яна приказала ей замолчать.

— Чего тогда с дурацкими вопросами лезешь?

— Интересно, — улыбнулась Яна.

— Интересно за углом...

— Что же все-таки заставило Захарыча невзлюбить Льва Николаевича? — не унималась Яна.

— Любопытная ты, — осклабился Корнил. — То и заставило, — снизошел он до откровения, — что этот адвокатишка поиграть с нами захотел в одну плохую игру. Вздумал на нас нажать. Купите, мол, у меня информацию. Я знаю, где Горбушкин. Только Захарыч-то знает, что

Горбушкин давно червей кормит, не такой он лох, как думал этот придурок.

— Что-то здесь не так, — недоверчиво качнула головой Яна. — Гуцин должен был сказать, что Горбушкин жив.

— Он и сказал, только кто ж ему поверит? — Корнил посмотрел на Яну, как на идиотку.

— А ведь он действительно жив. Думаю, Захарыч поверил Гуцину.

— Думать у нас не запрещается, — издевательски усмехнулся бандит.

— Я даже склоняюсь к тому, что Гуцин оказался случайной жертвой, пуля предназначалась мне.

— Догадливая ты! — присвистнул Корнил.

— Ах ты падла! — резанул сумерки зычный крик Руденко.

— Давай живо в машину! Теперь не уйдешь!..

Он вернулся, подскочил к сидящему Корнилу и, нисколько не сообразуясь с его травмой, дернул за воротник, ставя на ноги. Джемма радостно гавкнула. Темный воздух содрогнулся от рева мотора. По дороге пронесся автомобиль.

— Вперед, — бесцеремонно толкая Корнила в спину, Руденко пошел к калитке. — Я скоро вернусь, Яна Борисовна. Доеду только до перекрестка, встречу бригаду, чтобы не искали... Что это там за «мерс» у тебя за калиткой?

— Он убил Гуцина! — выпалила невпопад Яна.

— А я думал, он в тебя стрелял, — удивился Три Семерки.

— Может быть, и в меня, — Яна еле поспевала за Руденко, — а Гуцин случайно подвернулся.

— Приеду, поговорим, — Руденко вышел из калитки, открыл дверцу своего испытанного «жигуля» и, втолкнув Корнила на заднее сиденье, сел за руль.

Машина резко стартанула. Яна только сейчас ощутила холод. Стресс на какое-то время сделал ее тело бесчувственным.

— Домой, — скомандовала она Джемме.

И тут вдруг Яна вздрогнула, нет, не от холода, а вспомнив, что в доме мертвец. Ей совсем не хотелось в дом. Но она увидела, что Джемма оставляет на снегу темные следы.

— Ты ранена!

Яна поспешила войти. Осмотрела собаку. Да, Джемма поцарапалась о битое стекло. Яна принялась аккуратно выстригать шерсть возле раны. Убедившись, что рана не опасна, она промыла ее и смазала йодом. Джемма благодарно лизнула Янину руку. Потом Яна сварила кофе, выкурила сигарету, чтобы немного прийти в чувство и чем-то занять себя до приезда

Руденко. В спальню входить она не стала, вместо этого расположилась в глубоком кресле, в котором всего час с небольшим назад сидел Гуцин.

Что же это получается, по ее вине погиб человек? Не окажись адвокат в это время у нее дома, он продолжал бы жить. Яна не верила, что Захарыч намеревался убить Гуцина, даже если последний затеял опасную игру. Он еще ничего не сказал Захарычу и тот, заинтересованный в информации, способной помочь ему в деле выкачивания долгов, не стал бы раньше времени убивать располагающего ею человека. Пуля предназначалась ей, а то, что был убит Гуцин, оказалось роковой случайностью.

Если Гуцин знал, где скрывается Вячеслав — а Яна в глубине души не сомневалась, что так оно и было — то что вынудило его вступать в переговоры с Захарычем, что заставило продать своего друга? Ведь Вячеслав щедро заплатил ему за пособничество в деле инсценирования самоубийства. Или Вячеслав сделал нечто такое, что изменило отношение к нему Гуцина, или Гуцин просто решил подзаработать, забыв о дружбе?

Яна сделала очередную затяжку и глотнула кофе. Она забыла на пару минут, что в ее спальне покоится труп. И вдруг, вспомнив, вздрогнула. Но тут же услышала шум мотора и вслед за ним — клацанье калитки.

Это был Руденко со следственной бригадой. Два матерых санитара и толстенький лысоватый врач с короткой шеей и живыми глазами важно продефилировали в спальню. Врач кивнул Яне, даже улыбнулся и, сделав серьезное лицо, что-то сказал санитарам.

— Там? — махнул он рукой в сторону спальни.

— Да, проходите, — машинально ответила Яна.

Не успела широкая округлая спина доктора скрыться в тусклом оранжеватом облаке спальни, как в дом громко ввалился Руденко. Его сопровождали Самойлов и Канарейкин. А следом вошли три человека в штатском с озабоченными хмурыми лицами. Они деловито проследовали в спальню.

Семен Семенович достал сигареты и прикурил от дешевой пластиковой зажигалки.

— Как самочувствие? — поднял он на Яну пристальный взгляд.

— Нормально, — грустно усмехнулась Яна.

— Чего у тебя Гуцин делал, можно спросить? Все равно ведь показания будешь давать...

— Последние два дня, — с горькой улыбкой сказала Яна, — я только и делаю, что даю показания.

— Это ты сама виновата, — нравоучительным тоном произнес Руденко, — не надо было, матушка, вмешиваться. Так чего у тебя этот

адвокат делал?

— Соблазнила я его, — судорожно рассмеялась Яна.

— Что это тебя на адвокатов потянуло? — с озадаченным видом приподнял свои густые пшеничные брови Руденко.

— Там, в комнате, к столу приклеен диктофон, — Яна снова закурила. — Не знаю, может ли пленка служить доказательством. Я ведь тебя приглашала... — с легкой укоризной посмотрела она на Три Семерки.

— Доказательством чего? — Руденко еще больше удивился. — Канарейкин, принеси диктофон, — скомандовал он.

Канарейкин поспешил в спальню.

— Того, — Яна вытянула ноги и покрутила затекшими ступнями, — что Горбушкин жив и того, что он вместе с этим адвокатом убил некого гражданина с целью инсценирования самоубийства. Разыграл, одним словом, спектакль.

— Погодь-погодь! — поднял руку Руденко. — Я ничего не понимаю!

В его голосе звучала досада, переходящая в раздражение. Яна принялась рассказать ему о своем видении. К этому моменту вернувшийся из спальни с диктофоном Канарейкин беспокойно мялся на месте.

— Чего стоишь, включай, — нетерпеливо сказал Руденко.

Канарейкин повиновался. Когда пленка, на которой был записан гипнотический допрос, а также звуки стрельбы и звон стекла, кончилась, изумленный Руденко на пару минут притих. Яна молча наблюдала за его реакцией.

— Разберемся, — спрятал он в карман протянутую ему Канарейкиным кассету. — Так что ж ты мне в прошлый раз о своем видении не рассказала? — с подозрением и обидчивым недоумением глянул на Яну Три Семерки.

— А ты бы мне поверил? Знаешь, что бы ты сказал? — Яна усмехнулась горькой усмешкой стойка, привыкшего наталкиваться на людское непонимание и мириться с ним. — Ты бы сказал, что нужны доказательства, а откровения к делу не пришьешь.

— Это правда, — миролюбиво подтвердил Руденко, чувствуя стыд и неловкость за высказанный упрек.

— Вот поэтому даже мне приходится использовать технические средства, — невесело усмехнулась Яна. — Придется теперь эту игрушку всегда носить с собой и держать наготове.

Из спальни доносились строгие голоса, которые Яна мысленно сравнивала с пружинистой мускулатурой тренированного тела. Та же подтянутость, безукоризненность, прямота и сдержанная сила.

— Думаешь, это он убил Шкавронского? — с наивным выражением лица спросил Три Семерки.

— Возможно, — вздохнула Яна, почувствовав вдруг невероятную усталость. — Они же были компаньонами. Ты, кстати, не наводил справок, каковы условия владения капиталом в их бизнесе?

— Случайно наводил, — приободрился Руденко, обрадованный тем, что может дать полезную информацию. — В случае смерти компаньона его доля переходит к прямым наследникам, то бишь близким родственникам, если же таковых нет — к другому компаньону. У Шкавронского единственная родственница — это жена, у Захарыча — сестра.

— А ты нашел Захарыча?

— Нет, — с сожалением вздохнул Руденко, — как сквозь землю провалился.

— А что в офисе?

— Да там всем заместитель его распоряжается... Женщина... Видать, любовница.

— Где находится офис?

— Даже не думай об этом! — махнул рукой Руденко. — Мало тебе адвоката?

— Да не переживай ты так! — глухо засмеялась Яна. — На тебя страшно смотреть!

— А мне за тебя страшно, — Руденко с укором посмотрел на Яну, — выбрось все это из головы. Видишь, что тут твориться...

— Я все равно узнаю, — хитро и жестоко улыбнулась Яна, — лучше скажи.

Руденко упирался. Яна не стала настаивать. Она вернулась к разговору о Горбушкине.

— Думаю, это он всех убирает, — уверенным тоном произнесла она. — Ты так не считаешь?

— Так он в Семеновске? — оживился Руденко.

— Нет, по всей видимости, он далеко. Но он мог кого-то прислать, кому-то заплатить...

— Нанять киллера? — проявил чудеса догадливости Три Семерки.

— Например, — загадочно улыбнулась Яна, — сначала Шкавронский, потом его жена. Вероника была подставлена, и ты это прекрасно знаешь, — она бросила на него прямой обезоруживающий взгляд. — Кто следующий?

— Захарыч?

— Подожди, — Яна поднялась и, пройдя осторожно в спальню, где хозяйничали врач и санитары, вернулась с колодой карт.

— Не знаю, получится ли у меня сейчас, — застенчиво посмотрела Яна на Руденко.

Она перетасовала колоду. Потом настроилась на образ Захарыча. Она представляла его на даче, воскрешая в памяти не только краски, черты его лица, но и звук его голоса, тембр, интонации. Руденко с интересом наблюдал за ней. Потом Яна вытащила карту «Царство живых».

— Захарыч накликал на себя несчастье. Зло в квадрате — вот что такое Захарыч. Но он проиграл битву. Он мертв, — побледневшие губы Яны замерли и точно одревенели.

— Мертв? — поразился Руденко.

В эту минуту в дверях спальни показался скорбный кортеж: санитары несли на носилках прикрытое куском черного полиэтилена тело, за ними шел врач и еще мужчина в штатском.

— Еще один жмурик, — со вздохом проговорил Три Семерки, и было не понятно, кого он имеет в виду: Гущина или Захарыча.

Когда за санитарями захлопнулась входная дверь, Яна почувствовала сильное желание выпить. Она не могла скрыть облегчения — труп в спальне, согласитесь, несколько расстраивает нервную систему.

— Выпьешь со мной? — предложила она Руденко, который сидел так неподвижно и с таким сосредоточенно-отстраненным выражением на лице, словно впал в транс.

— Что? — торопливо переспросил он, очнувшись.

— Вы к сестре Захарыча ездили?

— Ее постоянно нет дома. Я каждое утро звоню ей, ребят посылаю — все безрезультатно. Похоже, Захарыч сам смылся и сестру спрятал, — заученным монотонным тоном произнес он.

— Я же сказала, что его нет в живых, — мрачно усмехнулась Яна. Возможно, это к лучшему, что Вероника находится в СИЗО, иначе она была бы тоже убита. Ведь убийца — на свободе. Он хитер, изворотлив, жесток, беспринципен, изобретателен, коварен, охвачен жадой денег и могущества.

— И это Горбушкин?

— Да, думаю, это он. Способности своего воображения, свою жестокость и вероломство он сполна продемонстрировал в постановке спектакля с самоубийством. Он заранее все продумал, подготовил отходные пути, позаботился о тыле. Вот только одного он не сумел предусмотреть...

— Может, ты тогда знаешь, где нам искать труп этого Захарыча? — Руденко с любопытством посмотрел на Яну.

— Сейчас не смогу, — устало произнесла Яна, — я не всемогущая.

— Ладно, — Руденко тоскливо махнул рукой, — сами найдем.

— Ищите, — рассеянно кивнула Милославская, продолжая размышлять вслух. — Дочь Горбушкина выкинула фортель — вернулась в Семеновск, где тут же угодила в лапы к бандитам. Она нарушила запрет, и он страшно переживал за нее. Она поломала его планы, и от нее можно ждать чего угодно.

Яна открыла бар и, отвинтив пробку на пузатой темной бутылке, плеснула себе в рюмку коньяку.

— Не желаешь? Французский. Подарок клиента.

— Эх, — махнул рукой Три Семерки, — давай. Только тихо, — приложил он палец ко рту и шаловливо посмотрел на Яну.

— Чего уставился? — буркнул он Канарейкину. — Бери лист, протокол писать будешь.

Руденко опрокинул в глотку граммов семьдесят коньяку. Крякнув от удовольствия, он живописным жестом, с налетом разудалого лихачества, живо напомнившим Яне казаков, вытер усы.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Оставшись одна, Яна и не думала заходить в спальню. «Завтра, завтра», — твердила она себе. Пока же устроилась на диване и включила телевизор. Прослушала новости, сводку погоды, едкие комментарии телеведущих, репортажи с места событий... Потом зевнула и принялась щелкать пультом, переключая каналы. Ей повезло — она наткнулась на передачу, посвященную французской живописи. Прибавила звук и стала слушать, неотрывно глядя на экран, где, поражая образом горчайшего отчаяния и хрупкой надежды, плыл «Плот „Медузы“». Голос за кадром рассказывал о творчестве Жерико, потом лихо перескочил к Делакруа. На экране развернулась панорама боев на баррикадах — «Свобода, ведущая народ...» Потом экран расцвел голубыми танцовщицами Дега, их непропорционально длинные ноги были похожи на циркули, застывшие в наклоне головы будили впечатление чего-то неживого, стилизованного, скованного и аморфного.

И тут Яну точно током ударило — перед ее глазами предстало полотно Эдуарда Мане «Олимпия». У нее потемнело в глазах. Все фрагменты таинственного изображения, увиденные ею в состоянии транса, забытья, дремы вдруг чудесным образом выстроились перед ней, а недостающие дополнили картину, превратив ее в настоящий шедевр. Она увидела розовато-красную бабочку, некогда вспорхнувшую в серые сумерки далекого неведомого города. Теперь это был кокетливый бантик, рдеющей в черной густоте волос женщины, в свободной позе лежавшей перед ней. А тот таинственный незнакомец стал услужливым арапчонком, держащим корзину цветов у ног красавицы.

У Яны сладко и мучительно сжалось сердце. Эта картина была не просто картиной, она содержала в себе тайный смысл. Она должна была что-то раскрыть. Это был намек на разоблачение тайны.

Яна задумалась и не заметила, как воронка поглотивших ее дум увлекла ее в широкий океан глубокого сна. Она плыла, уверенными гребками пролагая себе путь в набегающих одна на другую волнах, пока не достигла лунной дорожки, дрожащей на темном, тяжело дышащем лоне океана. Серебристая пыль, переливаясь и окутывая пространство сказочным перламутровым флером, неожиданно за клубилась, шелестя словно воздушный змей, и взвилась в небо. Теперь под животом Яны стелился Млечный путь, скользкий, как ледяной накат на горке. Яна летела

по нему, стремительно и безоглядно.

Неизвестно, сколько продолжалось бы это катание по млечным горкам, если бы не внезапный толчок в области сердца. Этот сильный импульс заставил Янин пульс соскочить с привычной оси, волна тревожного ожидания захлестнула ее, поднявшись к ее горлу волною дурноты. Милославская машинально положила руку на горло, чувствуя, что задыхается. И одновременно какое-то неведомое тоскливое чувство распирало ей сердце.

* * *

Проснувшись, Яна долго лежала в постели. Она чувствовала себя уставшей, в некотором смысле даже изношенной и постаревшей. Надо принять душ, разыскать в библиотеке альбом Мане, чтобы узнать, где находится его «Олимпия», и навестить Веронику. Яна зевнула, шевельнула рукой, откинула длинную черную прядь, упавшую на лицо. Джемма, бодрая и добродушная, вертела обрубок хвоста, напоминая о завтраке.

За ночь потеплело. Белые кованые узоры сползли со стекол, покрытых серебристо-голубой испариной. Когда Яна, накормив Джемму и собравшись, вышла из дома, она могла оценить произошедшую в природе перемену. Глянцевито-белый наст подтаял, словно изъеденный изнутри тайной болезнью. Он лип к подошвам грязноватыми кусками скользкого намокшего крепдешина, предательски оседал, проваливался, разъезжался, затрудняя передвижение. Обнаженные ветки, леденеющие под холодными каплями и промозглым ветром, с какой-то несказанной робостью и грустью, которую Яна замечала лишь в беззащитных созданиях, выступали на сиреневато-сером зимнем пейзаже. Они гулко раскачивались, словно хотели улететь, перебирая в воздухе, как гитарист по струнам гитары.

Яна села на рейсовый автобус и уже через пятнадцать минут была в центре. Пешком дошла до областной библиотеки. Заплатив десять рублей за абонемент и оставив свой каракулевый полушубок в гардеробе, она поднялась на второй этаж. Заказав альбом репродукций, прошла в просторный, залитый белесоватым рассеянным светом зал, где на стенах тускнели, кое-где прихваченные бледным законным сиянием, портреты классиков русской литературы. От этих торжественных, даже помпезных портретов веяло невыразимой скукой.

Яна вздохнула и вдруг почувствовала бешеное желание убежать отсюда. Сидевшие за небольшими деревянными столиками студенты

прилежно корпели над горами макулатуры. Одни из них порой поднимали блаженно утомленные физиономии к высоким окнам, мечтательно пялясь в грезящийся им одним рай — весны и беззаботного лета. Парень в очках и дымчатом джемпере, провисшем на локтях, с лицом Билла Гейтса, яростно мусолил карандаш, по уши зарывшись в желтеющую страницами книгу.

Яна подавила зевету и ощутила себя беспринципно молодой. Она поедет в Париж!

Наконец библиотекарьша, тоже в очках, в серой деловой юбке и смешной кофточке с рюшами, принесла Яне заказанный том. Яна поблагодарила этот «синий чулок» и принялась переворачивать подернутые солнечной пылью, отливающие перламутром страницы. Она не могла не залюбоваться «Завтраком на траве», хотя не раз видела репродукцию этого знаменитого полотна. Яна перевернула страницу. Вот она, «Олимпия». Снизу была надпись: «Париж. Музей д`Орсэ».

Яна закрыла книгу. Сдав ее, поспешила в гардероб. Теперь ей нужно было нанести визит Веронике. Спустившись к автомату, она позвонила Руденко и попросила его дать ей возможность еще раз поговорить со своей клиенткой. Он встретил ее междометиями, выражающими недовольство и досаду.

— В последний раз, — умоляла его Яна.

— Ладно, я позвоню Ирине.

— Ты настоящий друг, Сеня, — сказала в трубку Милославская. — Кстати, — вспомнила она, вы ищете труп Захарыча?

— Ищем, но пока ничего. Ты случайно не «видела», где он зарыт? — с судорожным смешком сказал Руденко.

— Случайно нет. Меня сейчас другое занимает. Я тебе потом все расскажу, а пока могу только посоветовать заняться вплотную сестрой Захарыча.

— Да занимаемся мы, — с тоской в голосе сказал Руденко.

— Так ты позвонишь насчет пропуска?

— Если ты положишь трубку...

— Уже кладу. Спасибо, дорогой! — поблагодарила Яна.

— Я всегда знала, что на тебя можно положиться. Я тебе еще позвоню.

Повесив трубку, Яна отправилась в СИЗО. Когда она туда прибыла, уже подоспело разрешение, выхлопотанное Руденко.

Вероника ничуть не приободрилась. Она все так же хандрела, демонстрируя тупое смирение и безразличие. Яна поразила такому отсутствию жизнелюбия.

— Как вы себя чувствуете? — заботливо спросила Яна.

— Отвратительно, — вздохнула Вероника.

— Но ведь дело сдвинулось с мертвой точки. Хотя... — Яна на миг смущенно замолчала, а потом поделилась своими подозрениям насчет Вячеслава.

Вероника была удивлена еще больше, чем тогда, когда Яна сообщила ей, что он жив.

— Но зачем ему это нужно? — словно окаменела она.

И Яне пришлось объяснять, как обстоят дела с бизнесом ее мужа.

— Не могу поверить, что он убил Жору... — растерянно моргала она своими круглыми глазами.

— Захарыч, думаю, тоже мертв, — не дала ей опомниться Яна, — а в устранении его и вашего мужа может быть заинтересован только один человек.

— Слава бы не обошелся так со мной! — с внезапным негодованием воскликнула Вероника, хотя в глубине души считала своего любовника способным и не на такую подлость. Немного помолчав, Вероника произнесла более уверенным тоном:

— Вы должны найти его и получить мои деньги.

Примерно такого оборота Яна и ожидала.

— Тогда я должна ехать в Париж, — деловито произнесла она.

— Зачем? — испугалась Вероника, снова упав духом.

Она боялась оставаться наедине с этой жестокой, пронырливой дознавательницей, с мямлящим вздор Левой, со своими грубыми хмурыми стражами.

— Вчера был убит Гуцин Лев Николаевич, — еще больше напугала ее Яна, — это дело рук Захарыча.

— Но вы же говорите, — возразила Яна, — что самого Захарыча нет в живых.

— Он умер чуть позже. Думаю, исполнителю этого преступления некому было докладывать о проделанной работе.

— В это невозможно поверить, — только и могла сказать Вероника, которой при известии о смерти Гуцина сделалось еще хуже. — Кто же теперь будет представлять мои интересы?

Она совсем раскисла. Плечи ее опустились, губы страдальчески дрожали, глаза смотрели в пол.

— Уверена, мне удастся в скором времени прояснить ситуацию, — приободрила ее Яна, — если вы, конечно, будете продолжать настаивать на моей поездке. Это обойдется примерно в девятьсот долларов. Плюс накладные расходы и... — ...гонорар, — немного оживилась Вероника.

— Три тысячи долларов, — не моргнув глазом, процедила Яна.

— Все что угодно! — горячо воскликнула Вероника. — Только найдите этого гада и помогите мне вернуть мои деньги и выйти отсюда.

— Деньги понадобятся прямо сейчас.

— Попробуем... У вас есть бумага?

Яна достала из сумки блокнот и ручку. Вероника написала записку.

— Это моя подруга. Она не очень... — помялась Вероника, — но чем черт не шутит. Скажите ей, что я все верну. Так оно, в принципе, и есть. Я написала расписку. Хотя... В общем, попробуйте.

На другом листе она написала адрес и телефон подруги.

— Я не раз ее выручала, но...

— Не волнуйтесь, — успокоила ее Яна. — Уверена, я смогу повлиять на нее так, что она не откажет вам.

— Спасибо, — Вероника неловко пожала Яне руку.

— Где обычно Горбушкин останавливался в Париже? Вы ведь говорили мне, что он там часто бывал в командировках.

— Если бы я знала! — опечалилась собственной неосведомленности Вероника.

Она кусала губы от досады.

— Ничего, я найду его, — посмотрела сквозь Веронику Яна.

Та ответила ей изумленно-недоверчивым взглядом и, чтобы не впасть в истерику, стала жаловаться Яне на свою нынешнюю жизнь, упоминая груды мелких деталей, по-бабьи вздыхая и всхлипывая.

Из СИЗО Яна напрямик отправилась к Свете, Вероникиной подруге. Света согласилась встретиться, но ее официальный, даже недовольный голос звучал в трубке очень уж отчужденно, принимая в расчет возлагаемые на нее Вероникой надежды. Света была дома, поэтому попросила Яну подъехать к ней, что Яна и исполнила. Но в процессе разговора Яна применила определенную тактику, методы психологического воздействия. В общем, ей удалось взять у Светланы займы пять тысяч долларов. Конечно, Светлана сопротивлялась, сомневалась, что Яне удастся защитить Веронику, доказать ее невиновность. Но что могла сделать Света против пронзительного взгляда Яны? Этот взгляд, казалось, пришел из далеких-далеких краев мерцающего безмолвия, он мгновенно проник сквозь внешнюю оболочку Светы и выявил ее обнаженную душу, оторопевшую от неожиданности, удивления и трепета.

В Париж Яна улетела только через три дня, воспользовавшись услугами туристического агентства «Лан-тур».

Но перед этим пришлось решить еще одну проблему. Взять в

туристическую поездку во Францию Джемму было совершенно не реально. Вернее сказать, это создало бы столько сложностей, что поставило бы под вопрос саму поездку, поэтому снова пришлось обращаться к Руденко. Яна попросила его раз в день заезжать к ней домой, выдавать Джемме корм и менять воду. Немного побурчав, как всегда, Руденко согласился.

— С меня французский портвейн, — пообещала Яна.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Самолет «Аэрофлота», на котором летела Яна, приземлился в аэропорту Шарль де Голль Руасси в половине второго. Самолет подогнали прямо к зданию аэровокзала, так что пассажирам не было нужды ждать автобуса. Проехав на эскалаторе по стеклянной трубе, отделявшей зал прибытия от багажного отделения, и вдосталь налюбовавшись продуманно-бездушной организацией аэровокала, Яна в числе прочих туристов заняла свое место у черной дыры, из которой шла транспортерная лента, выносящая на свет божий разнообразный багаж. Все эти чемоданы, кейсы и сумки падали с эскалатора на вращающуюся дорожку, которая везла вещи по кругу, пока кто-нибудь из пассажиров не подхватывал свой багаж, идентифицировав его. Яна дивилась, с каким наплевательским автоматизмом вываливаются из зева машины чемоданы и сумки, с каким грохотом летят они на поблескивающий никелем и алюминием транспортер.

— А у нас там водка! — воскликнул Геннадий Степанович.

С ним и с его любовницей, крашенной блондинкой лет сорока, без конца разглядывающей свой шикарный маникюр, Яна перебросилась в самолете несколькими фразами.

— И две банки икры, — намекаяще прожурчала эта дамочка.

— Ничего не останется, спорим! — с горячностью вытянул он руку.

— Гена, ты не на работе со своими сослуживцами. Здесь, между прочим, женщины, — скосила она лукавый взгляд на Яну и получила в ответ понимающую улыбку.

— Нет, все-таки интересно, — мотнул головой Гена, — неужели разобьются?

Когда вся группа получила багаж, руководительница, яркая брюнетка в годах, с пергаментно-серой кожей, но заражающая всех истинно французским оптимизмом, повела людей к автоматически раздвигающимся дверям, за которыми располагался зал ожидания.

— Поедем на автобусе. Направление — Монпарнас. Выходим на пляс д`Опера, — крикнула она с французским прононсом.

Она взмахивала руками, точно дирижировала оркестром, но ее музыкантами были не вверенные ее заботам туристы, а французские слова, улочки и площади, из которых она выстраивала музыкальный ряд.

— Это я говорю для рассеянных, — улыбнулась Муза Григорьевна, —

а то поедете на Монпарнас. Повторяю: отель «Вениз», если кто-то не слышал.

Шумно переговариваясь, туристы последовали за Музой Григорьевной. На остановке их ждал великолепный автобус, похожий на белую голубку Пикассо. Яне везде мерещились французские символы, все то, что делает жизнь в этом городе не похожей на существование в других городах, изъеденных прозой бытия.

Автобус шел ровно. Когда миновали оцетинившиеся скудными деревьями, пустынные окраины, потянулись автострады в несколько ярусов. Изобилие машин наводило ужас. В их диком кружении сквозила некая роботизированная сущность, сближающая Париж с Нью-Йорком. Казалось, все эти авто управляются безупречно работающими автоматами, которые ни за что не заставят их свернуть на ненужную трассу, ни за что не ошибутся в выборе правильной дороги.

— Ну и машин! — услышала Яна перед собой восхищенный возглас Геннадия Степановича, пребывавшего в отличном настроении — водка и банки с икрой были целы. — Не ожидал, честно говоря.

— А ты думал, — насмешливо хмыкнула Эльвира, его спутница, — что Париж остался таким, каким был в начале века?

По всему было видно, что она уже бывала здесь и вот теперь решила притащить сюда своего незадачливого любовника. Геннадий Степанович, с его вытянутой физиономией, наивными голубыми глазами, с его мелкими суетливыми пассажами, с тонзурой на макушке, похожей на белое гнездо, свитое среди черных травинки жидких волос, напоминал Яне работника конструкторского бюро периода застоя.

Постепенно автобус стал заполняться. Входили парижане. В самом этом слове Яне чудился некий волшебный таинственный смысл, словно жители столицы были людьми другой расы. Яна видела, как они раскованы, улыбчивы, темпераментны. Многие весьма бурно жестикулировали и смеялись.

Площадь перед Оперой была запружена молодежью. Многие из парней и девушек держали в руках мотоциклетные каски, другие предпочли оставить их висеть на своих мотоциклах. Яна сразу почувствовала непривычное оживление. Улицы Семеновска, даже Москвы казались по сравнению с этой площадью спящим царством. Воздух был наэлектризован улыбками, бесшабашной болтовней, приглашениями выпить, дружеским зубоскальством и... любовью.

Современная молодежь, в ботинках на толстой подошве, в ярких коротких куртках, с волосами всех цветов радуги, пропирсингованная,

лохматая, где-то, может, циничная, тем не менее была предана этому городу душой и телом. Наблюдая за нею, Яна улыбалась.

— Перед вами крупнейший в мире оперный театр, — сходу начала Муза Григорьевна, — одиннадцать тысяч квадратных метров площади...

Яна усмехнулась, глядя, с каким натужным вниманием, вытягивая шею и вращая глазами, слушают Музу Григорьевну туристы. Ей ни к чему была вся эта информация. Она и так ощущала мощь этого города, его ненавязчивую ласку, его зоркость к судьбе любого, кто ступил на эту прекрасную землю.

— ...типичный образец архитектуры эпохи Наполеона Третьего, — захлебываясь словам и восторгом, вещала гид. — Широкая лестница ведет к нижнему этажу фасада, оформленного огромными аркадами и мощными пилястрами...

Яна различала высоко, под самым куполом, на фасаде надпись: «Национальная академия музыки», а вокруг шумел Париж. Машины вставали в очередь, автобусы исторгали все новые человеческие волны, которые, накатываясь на те, что уже раньше разлились по площади, рождали всплески радостной суеты.

— ...интерьер театра не менее пышен: большая лестница отделана ценным мрамором, свод украшен фресками Исидора Пилза, а плафон в зале расписан в тысяча девятьсот шестьдесят шестом году Марком Шагалом, — глаза Музы Григорьевны увлажнились. — От Оперы начинается Бульвар капуцинов, названный так потому, что неподалеку располагался Монастырь капуцинок. В доме номер двадцать восемь находится «Олимпия» — знаменитый мюзик-холл...

Сердце Яны бухнуло в груди. Опять «Олимпия»! Это имя преследовало ее, как наваждение.

Выслушав Музу Григорьевну, туристы стали выказывать беспокойство и усталость. Некоторые из них задавались законным вопросом о том, что им, оплатившим экскурсии, полагается отдельный автобус, а его, как видно, нет, и где он?

— Конечно-конечно, — виновато и сладенько улыбнулась Муза Григорьевна, — у нас получился небольшой сбой. Завтра автобус будет подан, уверяю вас. Но разве вы не довольны тем, что вы без четверти час в Париже, а уже побывали на пляс д`Опера? — ее насурмленные, изогнутые полумесяцем брови взлетели вверх. — А теперь мы сядем на автобус, следующий до бульвара Дидро. Это здесь, — ткнула она пальцем назад, — выходим на пляс де ля Бастиль. Знаменитая Бастилия! Мы проедем мимо Лувра, Отель де Виль, двигаясь по берегу Сены. Вы увидите очертания

левого берега...

Ее ораторский пыл и воодушевление были встречены весьма прохладно. Всем не терпелось побыстрее прибыть в гостиницу, чтобы отдохнуть и привести себя в порядок. А тут эта экзальтированная дамочка говорит им, что нужно садиться в какой-то автобус и путешествовать вдоль Сены. Они были сыты по горло всеми ее импровизациями, теперь в них бунтовала душа среднего класса, желавшего получать за свои деньги ровно столько культурной информации и удовольствий, сколько было оговорено в документе. Дамам не терпелось примерить свои новые шмотки, специально купленные для *promenades*, а также заглянуть в знаменитые бутики и менее презентабельные лавочки, где по дешевке можно купить то, что продают обычно в солидных московских магазинах моды втридорога.

На площади Бастилии Муза Григорьевна ограничилась кратким рассказом о подвигах разгневанного французского народа, снесшего с лица земли знаменитую тюрьму. Группа прошла квартал и оказалась напротив отеля «Вениз». В задрапированном темно-бордовой материей холле за стойкой их ждал тихий улыбчивый негр. Оценивающая зоркость и смягченная томным изяществом деловитость, сквозившие в его взгляде и отточенных жестах, свидетельствовали о его европейской выучке.

Яна с удовольствием поднялась на лифте в свой номер. Приняв душ и разобрав вещи, она спустилась в ресторан. Яна не стала воображать, напяливать немислимые туалеты. Просто джинсы, чистая рубашка, шарфик, на лице — минимум косметики. В стоимость билета входили только завтраки, так что обедать приходилось за свой счет. Вежливый и улыбчивый официант, движения которого отличались вкрадчивой легкостью, точно были одеты в войлок и бархат, замер у круглого столика с блокнотом в руках.

Яна, чувствуя смущение, взяла меню. Ее произношение не было безупречным, а благожелательность официанта, как ни странно, внушала ей не уверенность, а робость. Она словно боялась разочаровать его, обмануть его ожидания. Яна вскинула на парня глаза и, встретив его терпеливую улыбку, снова их опустила. Если бы он говорил по-русски, она бы попросила его помочь ей с выбором блюд. В принципе, она могла бы и на французском обратиться к нему за разъяснениями, но перспектива отправиться по морю французской лексики и грамматики пугала Яну больше, чем методика чисто русского действия на авось. Поэтому, немного помедлив, она произнесла:

— Салад Бокэр, кот де во и кусочек тарт татэн.

Яна поняла, что «*cotes de veau*» — это говяжьи ребра, а «*tarte*» — не

что иное, как торт. Вот только какой, она не ведала. Несмотря на то, что Яна толком не знала, что ей принесут, она испытала что-то вроде восторга и тихой радости. Выбор блюд стал авантюрой. Она ждала сюрприза.

— Что за милый акцент? — улыбнулся официант.

— Я из России, — со смесью гордости и застенчивости сказала Яна.

— О! — глаза парня потеплели. — Так далеко!

— Всего три тысячи километров, — шутливо улыбнулась ему Яна.

— Теперь я верю, что русские женщины — самые красивые и привлекательные, — лукаво косил он на Яну глаза.

— А французские мужчины — самые галантные и обходительные, — комплиментом на комплимент ответила Яна, обретая свободу и непринужденность.

— Что мадам пожелает из спиртного? — спросил блондин.

— А что вы мне посоветуете?

— «Мутон Кадэ», — улыбнулся официант.

— Хорошо.

— Кофе?

— Пожалуй, — Яна принялась калькулировать в уме, во что ей обойдется средний французский обед.

Не прошло и пяти минут, как официант принес ей бутылку бордо. Плеснул в фужер и дал попробовать. Яне вино очень понравилось. Тогда парень оставил бутылку на столе и снова ушел. Яна не успела еще отведать салат, как увидела в дверях оживленную больше обычного Эльвиру и торопливо отвечающего ей Гену. Они были приодеты. Эльвира щеголяла в не по сезону легком платье кремового цвета с металлическим пояском на бедрах. Гена всем своим видом пытался изобразить денди, вот только фигура и выражение лица подкачали. Однобортный, со стильно заууженными лацканами пиджак мотался на его торчащих плечах, ворот рубашки открывал тощую, как у цыпленка, шею, а в глазах затаилась тревога и неудовольствие.

— О! Мы снова встретились! — сказала Эльвира таким тоном, словно в этом событии было действительно что-то радостное и загадочное.

— Неудивительно, — улыбнулась Яна, — ведь мы живем в одном отеле.

— Решили пообедать? — Эльвира присела за Янин столик и потянула за рукав своего бой-френда. — Можно?

— Разумеется, — Яна была не в восторге, что за обедом ей придется выслушивать нудную болтовню Эльвиры, но не могла же она ее послать куда подальше!

— Что заказали? — спросила Эльвира.

Яна сказала, что она предпочла на обед.

— Очень рекомендую омар а лярморикэн, — слащаво улыбнулась Эльвира, — или еще ляпэн ан жибелот. Ну, омар, вы, конечно, знаете что такое, но «а лярморикэн...»

Ее зелено-карие глаза хитро сощурились. Она кокетливо подняла пальчик и уже готова была, сложив рот розочкой, произнести в присущей ей жеманной манере очередное слово, как к ним подошел официант.

Все тот же улыбчивый голубоглазый блондин. Он принес Яне салат и осведомился о том, что хотели бы на обед ее друзья. Он так и сказал: «vos amis». Яна усмехнулась, но протестовать не стала. Сделав заказ, причем делала она его с максимально сосредоточенным видом, словно решала какую-то особо важную задачу, Эльвира заиграла глазами, воплощая собой искрометный дух французской нации. По крайней мере, ей так казалось. Она засыпала Яну вопросами. Яна вначале молча негодовала, раздражалась, ухмылялась вздорным идейкам этой много о себе воображающей бабенки, ее неумному любопытству. Но вскоре трескотня Эльвиры стала ее забавлять, Яна принялась разыгрывать роль внимательной слушательницы и к тому времени, как вся компания уже поглощала plats de resistance, была живо задействована в беседе.

— Я сегодня хочу пойти куда-нибудь развлечься, — сказала Эльвира, — для экскурсии поздновато. Да и вообще, что я, Сен-Шапель или Триумфальную арку не видела? — запальчиво добавила она, — а вот в Мулен-Руж...

Последовал романтический вздох.

— А ты? — прямо взглянула она на Гену, сосредоточенно жующего мясо кролика в белом вине.

— О, нет, — страдальчески возвел он очи к потолку, — я сегодня слишком устал. Эта Муза — та еще пташка. Чирикает, как оглашенная.

Разговор принял ироничный характер. Обсуждали издержки и неувязки российского туристического бизнеса. Муза Григорьевна стала мишенью для насмешек. Эльвира зажигательно и довольно злобно пародировала манеру гида восторгаться памятниками архитектуры. Яна смеялась.

— А что, если нам вместе куда-нибудь сегодня отправиться? — лукаво посмотрела она на Яну.

— Не знаю, — замялась Яна.

— Послушай, дорогая, — вытер губы салфеткой и небрежно бросил ее на стол Геннадий, — неужели ты не устала? Вижу, Яночка тоже хочет

отдохнуть.

— Но должна же я куда-нибудь надеть мое платье, то, абрикосовое... — капризным тоном произнесла Эльвира.

— Ты только и думаешь, что о нарядах! — с досадой прикусил губу Геннадий.

— Я — женщина! — гордо изрекла Эльвира, которой вино придало еще большую экспансивность и смелость, — и я пойду сегодня в Мулен-Руж, черт тебя дери!

Теперь она уже бросила салфетку.

— А ты, — продолжила она после маленькой паузы, — можешь оставаться в номере и читать свои газеты или пялиться в телевизор. Мы в Париже, а не в Кучевасовке какой-нибудь!

Гена пребывал в растерянности. Ему было неудобно перед Яной за свое малодушие и за откровенное тиранство со стороны Эльвиры.

— Но... — отважился было он возразить, но это «но» повисло клочком мокрой туалетной бумаги.

— Никаких «но»! — выпалила Эльвира. — Яна, ты составишь мне компанию?

— Я не против, но у меня еще есть дело...

— Какое у тебя может быть дело в Париже? Какой-нибудь французик? — на ее губах появилась плотоядная усмешка.

— Нет, — снисходительно улыбнулась Яна, — одно маленькое культурное мероприятие... Правда, я не знаю, сколько оно займет времени.

— Ну, давай тогда договоримся так, — деловым тоном произнесла Эльвира. — Я зайду за тобой, скажем, в половине восьмого, — она с серьезным видом бизнесвумен взглянула на изящные часики «Шопард», — если тебя не будет, я пойду одна! Да-да! — крикнула она в ухо изумленному и смущенному столь строптивым проявлением эмансипации Гене. — Одна!

— Успокойся, — с полувиноватой улыбкой бросил он мельком взгляд на Яну в то время, как его рука усмиряюще легла на Эльвирино запястье. — Все будет так, как ты хочешь.

И Яна еще раз поняла, что бал в этой по-своему милой и чудной паре правит Эльвира.

Вернувшись в номер, Яна надела пальто и вышла на улицу. Она направлялась в музей д`Орсе в надежде, что полотно Мане что-то прояснит для нее. Она не знала, где искать Вячеслава, но надеялась, что карты помогут ей с разгадкой, хотя не была уверена, что даже если обнаружит местонахождение Вячеслава Горбушкина и побеседует с ним, он сразу во

всем признается. Она не раз пробовала обращаться за помощью к картам, но не находила в себе достаточной силы и энергии, чтобы вопрошать их. И потому чувствовала досаду. И это тревожное ощущение, теснившееся в груди, это мучительное беспокойство и с трудом сдерживаемое недовольство собой мешало ей в полную силу наслаждаться жемчужно-серым воздухом, городскими пейзажами и лицами.

Она спустилась в метро. Приобрела билет на поездку до площади Согласия. Перейдя по мосту Согласия через Сену, она окажется на набережной д'Орсе, откуда до музея два шага. Парижское метро потрясло ее суетой, толпами людей, их хаотичным кружением, общей неразберихой, в которой тем не менее каждая человеческая единица знала, куда ей плыть и как себя вести. В отличие от московского метро, парижское — более функциональное, изоцированное, разветвленное. Тут не было тяжелых мраморов, помпезных скульптур, арабесок, декораций, лестниц, напоминающих лестницы в театрах. Здесь все скакало, ветвилось, пылало роскошными витринами бутиков, сеть которых оплела подземку, бросалось в глаза немислимыми сочетаниями красок, искрами улыбок.

Яна, миновав стеклянный сезам бутиков, уходящих по окружности в неведомые подземные дали, направилась к перрону. Стоило ей поглубже вдохнуть немного спертый, отдающий запахом асфальта и новой резины воздух, напоенный миазмами вздохов, изборожденный дорожками четких французских звуков, как в ее душе проснулась весна, осенившая ее своим розовым крылом перед зданием парижской Оперы.

Поезд парижского метро был двухэтажным, очень комфортабельным, остановки — более короткими, чем в Москве. Яна и не заметила, как проехала особенно шумную и «густонаселенную» станцию Шатле. Это было что-то вроде узлового пункта, где все куда-то пересаживались, чтобы выбрать конечное направление.

Яна заметила, что французы без конца здороваются и целуются, мужчины всячески пытаются выказать женщинам свое внимание. Словно нация охвачена одним неистовым желанием быть предельно вежливой, галантной, изысканной. Это было настроение сытой, здоровой нации, потребляющей лучшие в мире продукты, имеющей врожденный вкус к литературе, талант к искусству, сосредоточившей в своих городах лучшие произведения живописи, скульптуры, архитектуры и сподобившейся к тому же милости жить в одном из самых прекрасных климатов планеты. Сплошное совершенство, в общем, если исключить некоторую мелочность, буржуазность, скопидомство.

Оказавшись на набережной, Яна не смогла отказать себе в

удовольствию постоять у парапета. Ее захватила суровая в это время красота реки и голых веток, аскеза серого воздуха, растекавшегося белесоватым облаком по кофейно-сизым лицам зданий, одиночество крохотного баркаса, проплывавшего под мостом. Она посмотрела вдаль, туда, где в сером, точно нарисованном робкой акварелью небе маячил исполинский купол бывшего вокзала, ставшего нынче музеем. Она брела по набережной Анатоля Франса, думая о картине Мане и продолжая недоумевать, что она значила, какое должна была занять место в ее расследовании.

Купив билет и сдав пальто в гардероб, Яна вошла в зал. Куполообразный потолок уходил, казалось, в бесконечность. Высокое серое небо лило сквозь его мерцающее в запредельной выси сводчатое стекло дымчато-белесый свет. Циркульные своды, обилие пустого незаполненного пространства превращали человеческие голоса и шепот в гулкое эхо. Яна спросила у смотрительницы, где она может посмотреть Мане.

Полноватая женщина в очках и твидовом брючном костюме объяснила ей, что произведения Мане выставлены и на первом, и на третьем этаже. «Олимпия» была на третьем. Яна нашла лестницу, птицей взлетела по ней и, пройдя несколько арок, выстраивающих смотровые залы в огромную анфиладу, увидела полотно. Оно соседствовало с «Завтраком на траве» и работами Берты Моризо.

Яна несколько минут разглядывала картину, то и дело теснимая неугомонными японцами, щелкающими фотоаппаратами.

Потом Яна села на скамью и стала рассеянно наблюдать за толпой. Никого похожего на Вячеслава в ее темной массе не было. Она провела перед картиной в общей сложности четыре часа, скиталась по залу, слонялась от полотна к полотну, но все безрезультатно. Прекрасная живопись Мане маячила перед глазами Яны неразрешимой загадкой. Это полотно представилось ей непроницаемой стеною, плоскостью, испещренной хаотичными мазками, безумной насмешкой мастера. Яна достала из сумочки карты. Вслед за этим вынула из колоды «Джокера» и попыталась настроиться. Безрезультатно. Потом попробовала «заглянуть в прошлое». Ничего.

Она спрятала карты, прикусила губу и пошла прочь. Нет, сердце ее екало исключительно из-за пережитого ею эстетического потрясения. Никакого видения, никакого откровения. Яна стояла перед картиной, и это злосчастное полотно молчало, в то время как в ее ушах булькала мешанина голосов, неукоснительно сливающихся в ледяное, утекающее по невидимому желобу к потолку эхо.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

В гостиницу она вернулась разочарованная и расстроенная. Поднявшись к себе, она набрала номер ресторана, желая заказать вино. Что ей оставалось еще делать? Она услышала приятный баритон, которому дополнительное обаяние придавал французский прононс, и уже раскрыла рот, как в дверь кто-то постучал. И прежде, чем Яна успела крикнуть «войдите», в номер просочилась — именно так можно было охарактеризовать ее движение — Эльвира. Декольте открывало ее золотистые плечи — видимо, она пользовалась кремом для загара — и держалось при помощи перевитой ленты, хомутиком обвивавшей ее тонкую шею.

На Эльвире не было украшений. И вид у нее был не из радостных.

— В Мулен-Руж билетов нет! — с плаксивыми нотками в голосе сказала она. — Не знаю, что делать...

И вдруг Яну осенило. Она повесила трубку, так и не удостоив приятный баритон ответом. Прочь хандру, прочь тревоги!

— Да разве на этом Мулен-Руж свет клином сошелся! — весело взглянула она на Эльвиру, чем повергла последнюю в искреннее замешательство. — Помнишь, Муза говорила о мюзик-холле «Олимпия» на бульваре Капуцинов?

— Ну, — промычала растерянная Эльвира.

— Давай пойдем туда! — Яна подлетела к шкафу и стремительно распахнула его. — Так, что тут у нас...

Она принялась перебирать плечики с туалетами. Эльвира таращила на нее глаза, которым изумление и тихо закипающая радость придали более светлый, кошачий оттенок. Яна подхватила и извлекла на свет божий красное ажурное платье на бретельках. И тут же натянула его на себя. Потом, не давая Эльвире опомниться, метнулась к зеркалу, стерла розовую помаду с губ и покрыла их алой. От этого ее бледная кожа стала казаться особенно прозрачной и нежной. Она взяла с ночного столика флакончик «Dolce vita», мазнула запястья, шею, провела надушенными пальцами по волосам у висков.

— Ну как? — победоносно посмотрела она на Эльвиру.

— Прекрасно! — не могла сдержать та восхищенного возгласа.

— Думаю, в «Олимпии» не такая свалка, как в Мулен-Руж, — подмигнула она приободрившейся Эльвире.

Яна накинула черное норковое манто до колен, на ноги надела изящные полусапожки на каблуках. Эльвира выскользнула из номера и вскоре появилась в пятнистом, «под леопарда» пальто.

Они спустились в лифте, прошли мимо негра, сопроводившего их понимающим взглядом, и, поймав такси, вольготно устроились на заднем сиденье. Шофер тоже был негр, а изящное такси — маленьким серебристым «Мерседесом».

Яна достала из сумочки карты.

— Что это? — удивленно приподняла брови Эльвира.

Яна лишь лукаво улыбнулась. Она вынула из колоды карту «Взгляд в будущее». Попробовала сосредоточиться.

— Что ты делаешь? — изумленно смотрела на Яну Эльвира.

В красных сумерках мелькнуло бледное лицо женщины. Оно было до болезненности напряженным и каким-то хрупким. Создавалось впечатление, что оно вот-вот растает. Сердце с тяжелым гулом ухнуло у Яны в груди. Лицо определенно было ей знакомо, но точно сказать, где она его видела, Яна не могла. Она лишь чувствовала, что необходимо сделать все, чтобы это лицо не исчезло. Она сосредоточилась на этом бледном овале, пытаясь разглядеть черты. Но это ей не удавалось. И вскоре, точно размываемое изнутри, лицо стало угасать. Яна напрягла все свои силы, но женщина растворилась в ночи.

— Что ты делаешь? — спросила наблюдавшая за пассажирами Яне Эльвира.

— Я предсказываю будущее, — через силу улыбнулась Яна.

— И что же нас ждет?

— Некая тайна, которая пока не хочет открываться — загадочно ответила Яна.

— Чепуха, — пренебрежительно хмыкнула Эльвира.

Здание «Олимпии» было втиснуто между двумя пятиэтажными домами стиля модерн, столь характерного для архитектурного облика Парижа. Огромная вывеска-плакат, на которой одетая в розовое платье блондинка отчаянно и весело била в литавры, охваченная безудержным ритмом пляски, пылала синими огнями. Они бегали, забавно перемигиваясь, и падали на тротуар снопами синего света. Эта синева, смешиваясь с сизыми сумерками и рассеянными ухмылками изогнутых фонарей, одевала силуэты людей в пышные одеяния из кружащейся пыли желтовато-сапфирного оттенка.

Перед «Олимпией» царило жгучее веселье — парижане отдыхали и расслаблялись на полную катушку. Смазливый паренек, которого Яна

вначале приняла за просящего милостыню бедняка, разговаривал по сотовому, усевшись прямо на тротуаре. Группы молодых людей и девушек, жестикулируя и дергаясь от смеха, стояли по обе стороны от входа. Их силуэты немного загораживали два панно, воспроизводящих полотна Тулуз-Лотрека. Дамы, под руку с солидными мужчинами, распространяя волны одуряющих ароматов, сверкая бриллиантами, поражая элегантностью манто, дефилировали ко входу.

Фойе мюзик-холла встретило Яну и Эльвиру приглушенным светом многочисленных бра и тонкими улыбками обслуживающего персонала. Тем не менее им пришлось выстоять небольшую очередь, чтобы приобрести входные билеты. Они сбросили свои манто в гардеробе и прошли в зал.

Он был задрапирован темно-красным бархатом, что только усилило чувство погружения в огненную бездну страсти и веселья. Рубинового цвета скатерти застилали круглые столики, где, озаряемые мягким светом ламп, прикрытых алыми абажурами, стояли приборы для двух персон. Лучи широкими ручейками стекали с белых тарелок, плескались в пустых бокалах. Атмосфере роскоши и уюта, оттененной миллионом изысканных деталей, в том числе и розовыми салфетками, башенками замершими на тарелках, придавали пикантность мерцающие на стенах панно Лотрека.

Подтянутый, немного чопорный мужчина во фраке, с гладко выбритым, отливающим синевой лицом, показал Яне и Эльвире их места, не преминув пожелать прекрасного вечера. На своем столе, располагавшемся недалеко от сцены, они нашли высокий узкий графинчик с ликером и — кроме перевернутых довольно массивных фужеров — две маленькие изящные рюмочки. Эльвира тут же наполнила их розовой жидкостью, пахнущей земляникой, и провозгласила тост:

— За Париж!

Яна усмехнулась про себя и пригубила ликер. Эльвира же осушила рюмку до дна и вскоре по ее лицу, на котором резвились красные зайчики, растеклась довольная улыбка. Она почмокала губами.

— Божественно!

Зал быстро заполнялся. Посетители без спешки и суеты усаживались на свои места, не переставая болтать друг с другом. Рядом с Яной и Эльвирой по одну сторону приземлились одетые по-парадному пожилые супруги из числа коренной парижской буржуазии, по другую — два молодых человека. Эльвира скосила на них глаза и, наклонившись через стол шепнула Яне:

— Спорим, что геи?

Яна пожала плечами. Геи так геи — она не имела ничего против. Ее

это не касалось.

Официанты стали разносить вино и закуски. Их было приличное количество, так что со своей благородной миссией они справились минут за двадцать. А потом освещение в зале стало тускнеть, как в театре, в то время как пространство сцены окутал оранжеватый ореол. Послышался нестройный гул оркестра. И еще минуты через три заиграла праздничная увертюра.

Занавес таинственно шелохнулся и стремительно взвился, открывая залитую густым синим светом сцену. Потом в центр упало ярко желтое пятно от софита и из-за кулис вприпрыжку выбежал ведущий — худощавый, одетый в серебристый фрак и белые брюки мужчина с лысеющей головой и повадками дамского угодника. Он затараторил, задержался, наполняя голубой воздух сцены пламенной жестикуляцией и рокотом слов. Он шутил, иронизировал, информировал о программе вечера, напевал, восторгался женскими туалетами, сиянием женских глаз, благодарил, щедро одаривая улыбками, публику за решение скоротать вечер в «Олимпии».

Грянула музыка, умолкшая с появлением конферансье. Теперь это был веселый канкан. На сцену выскочили девушки в черном нижнем белье и чулках. Встав в ряд, они принялись лихо задирать ноги, издавая при этом зажигательно-плотоядные возгласы.

Яна краем глаза посмотрела на Эльвиру, продолжавшую коситься на парней, и, повернув голову, углубилась взглядом в рдеющее пространство зала. И тут чуть не подскочила. У правой стены, метрах в двадцати от себя, она увидела знакомое лицо: бледное, сосредоточенно-напряженное, гордое, почти злое. Взгляд исподлобья, капризно надутые губы, продолговатые жесткие глаза.

Яна вздрогнула, словно по ее телу прошел электрический ток. Она интуитивно почувствовала, что именно это лицо она видела час назад, когда они с Эльвирой шли к такси.

Да, это была Рита. Яна закрыла глаза, потом открыла. Рита не исчезла. Более того, Янины глаза различили детали ее облика. Светлое платье с глубоким вырезом, уходящим к животу смелым острым углом, открывало ее ключицы и боковые полуокружья груди. На шее что-то блестело. По лицу метались алые язычки, делая ее похожей на больную чахоткой героиню Ремарка. Тонкие руки были сцеплены, тень от их зигзага чернела на красной стене. Рядом с ней, вполоборота к сцене, сидел дородный темноволосый мужчина в белой рубашке с бабочкой и черном пиджаке. Он выглядел лет на сорок пять. На его холеном, немного одутловатом лице

застыло выражение сытого умиротворения. Яна чувствовала растерянность. Что теперь делать? «Ничего», — мысленно ответила она себе.

Яна решила ждать, наблюдать. Потом она что-нибудь придумает. Вслед за угасшим волнением к ней пришла радость. Невидимая нить Ариадны вела ее в опасный лабиринт. Значит, неспроста туристическая группа высадилась на пляс д`Опера и Муза Григорьевна упомянула об этом мюзик-холле. «Олимпия» стала вехой на пути к разгадке. Но это слово, этот символ многослоен, — чувствовала Яна. Еще одна разгадка, связанная с живописью Мане, ждала ее. Где, когда предстанет перед ней вся правда? У Яны стало покалывать сердце. Чтобы разрядиться она предложила Эльвире отведать наконец вина. Та была поглощена переглядыванием с парнем в жилете. Не успела Яна коснуться бутылки «Шато Добьяк», как шатен подозвал официанта и, шепнув ему пару слов, кивнул на столик Яны и Эльвиры.

— Господа спрашивают разрешение присоединиться к вам, — сказал подошедший официант, — если вы согласны, можно было бы сдвинуть ваши столики.

— Это возможно? — просияла Эльвира.

Яна подняла глаза к потолку. Черт, что еще придумала эта экспансивная бабенка!?

— Да, — ответил официант Эльвире, — тем более что вы сидите рядом.

Он и еще один верзила в белой рубашке, черном жилете и бабочке подхватили столик, за которым сидели парни. Те встали заранее и, улыбаясь, перенесли стулья.

— Bonsoir, — услышала Яна задорный тенор шатена в фиолетовой рубашке, — прекрасный вечер! Увидев вас, мы поняли, что он вдвойне прекрасен. Меня зовут Жан, а это мой друг Люсьен.

— Вы не в обиде на нас за то, что мы взяли на себя смелость предложить столь простое решение? — улыбнулся Люсьен.

— Мы из России, — неожиданно выпалила Эльвира, хлопая глазами, — но в Париже не в первый раз.

— Это сразу заметно, — поддержал разговор брюнет в жилете, — у вас отменный вкус.

— Эльвира, — протянула она Люсьену руку и тот с небрежным изяществом поцеловал тыльную поверхность ладони, — а это моя подруга Яна.

— Очень приятно, — показал в улыбке ровные белые зубы Люсьен, а

Жан кивнул.

— Нам тоже безумно приятно, — саркастически произнесла Яна.

Парни, различив в ее голосе издевку, кисло улыбнулись. Люсьен нагло оглядел Эльвирин туалет. Яна бы поежилась от такого бесцеремонного разглядывания, но Эльвире, похоже, это доставляло известное удовольствие. Она чувствовала себя объектом желания. Смазливый парижанин ласкал ее глазами — чего еще желать! Ее глаза все больше напоминали двух порхающих бабочек — так часто она моргала.

На сцене теперь отплясывала группа девушек в длинных, с разрезами до самого паха изумрудных юбках. Они не хуже первых задирали ноги и издавали плотоядные крики. При каждом дружном взлете ног из разрезов на юбках выплескивались белые волны оборок.

— Это немного утомляет, — усмехнулся Люсьен, — а так ничего. Но в Париже есть масса куда более интересных мест.

— И что это места? — растянула губы в томной улыбке Эльвира.

— Могу показать, — сверкнул глазами парень.

Пока Эльвира болтала с Люсьеном, Жан спокойно и миролюбиво изучал Яну. Но этого медленного рассматривания вполне хватило, чтобы Яна потеряла желание отведать изысканные закуски. Она попросила парня налить всем вина и снова посмотрела туда, где сидели Рита и ее кавалер. Они тоже пили вино и рассеянно наблюдали за сценой.

— А что, это мысль, — в глазах Эльвиры запылал огонь сладострастия. — Ты как, Яна, не соскучилась еще? — обратилась она к Милославской по-французски.

— Нет, мне хорошо, — Яна допила вино и поставила пустой фужер на стол.

— А я не прочь отсюда слинять, слишком тут прилично, — намекаяще улыбнулась Эльвира Люсьену. — Мюзик-холл нынче не тот, — с видом завсегдатая увеселительных заведений вздохнула она.

— Итак, — усмехнулась Эльвира, стакнувшись с Люсьеном, — Люсьен хочет показать нам изнанку Парижа. Это, я чувствую, безумно интересно. Ну, ты идешь?

Она с надеждой взглянула на Яну.

— Нет, — отрезала та, — мне и здесь нравится.

— А ты, Жан, остаешься или идешь?

Жан вопросительно взглянул на Яну. Не различив на ее лице ничего, кроме безразличия, он поднялся.

— Я с вами, — коротко сказал он и вежливо простился с Яной.

А та облегченно вздохнула.

Музыка в зале стихла и хмельную публику теперь развлекал конференсье, компанию которому составила хрупкая, затянута в узкое черное платье молодая женщина.

— Встретимся в отеле, Гене ни слова, — хихикнула Эльвира, встав из-за стола.

Яналукаво кивнула ей. Когда трио скрылось из вида, она пригубила фужер и снова скользнула взглядом по Рите. Последняя как-то натянуто смеялась, ее спутник, видимо, довольный рассказанным анекдотом или шуткой, улыбался.

Прошло еще как минимум двадцать минут, прежде чем на сцену выбежали участники нового номера. На этот раз девушек сопровождали парни в облегающих черных брюках и болеро. Это было фламенко. Яна залюбовалась стройными кружащимися силуэтами, многоцветными юбками и отточенно-страстными движениями танцующих. И скорее почувствовала, чем увидела, что Рита направляется к выходу. Яна повернула голову: Горбушкина семенила под руку со своим провожатым, который, достав из кармана сотовый, с кем-то говорил. Его лицо сделалось озабоченным и даже недовольным.

Яна догнала их в фойе. Она услышала обрывки разговора и поняла, что завтра приятель Риты должен с кем-то встретиться в три часа в кафе «Флор». Получив манто, Яна выскочила на улицу. На стоянке, расположенной метрах в тридцати, за углом прилегающего к «Олимпии» здания, пару ожидал большой темный «Пежо». Яна попробовала поймать такси. Машины проносились мимо, до отказа набитые пассажирами. «Пежо» тронулся со стоянки.

Яна, стора от досады, побежала вслед, словно надеялась догнать шикарное авто. Она пересекла дорогу, решив поймать машину на другой улице. Но ей не повезло и к тому времени, как она села в остановившееся такси, машина с Ритой и ее таинственным спутником растворилась в потоке автомобилей.

Вернувшись в гостиницу, Яна прошла к себе в номер. Но словно он ее ждал, к ней тут же постучался немного взволнованный Геннадий. Он спросил об Эльвире. Яна сказала, что та поехала в какой-то ночной клуб. Геннадий с покорным недоверием пожал плечами. Среди ночи Яна слышала брань в соседнем номере. Слов, конечно, она разобрать не могла, но и без того понимала, чем вызвана эта ссора. На утро, проходя мимо номера супругов, она не различила за дверью ни единого шороха.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Найти кафе «Флор» в Париже оказалось проще, чем «Прагу» на Арбате. Оно располагалось на углу бульваров Монпарнас и Распай. Час аперитива еще не наступил, поэтому посетителей в кафе было немного.

Милославская опустилась на бамбуковый стул рядом с миниатюрным столиком не больше сомбреро в диаметре. До встречи, которую назначил Вячеслав, оставалось еще минут пятнадцать, и Яна решила, что успеет выпить чашечку кофе. Официант в короткой черной курточке и длинном белом переднике, похожем на простыню, принял заказ и, улыбнувшись, удалился к стойке.

Откинувшись на спинку стула, Милославская неторопливым взглядом окинула уютный зал и приготовилась ждать, но тут глаза ее остановились на молодом мужчине, устроившемся в дальнем углу кафе, неподалеку от стойки бара. Узнав его, она, стараясь не подать вида, слегка опустила голову, словно смутившись. Это без сомнения был Вячеслав Горбушкин. Он нервно постукивал кончиками пальцев по бокалу с красным вином и смотрел в сторону входной двери каким-то настороженно-отсутствующим взглядом.

Если бы Яна заметила его сразу, она бы, конечно, постаралась устроиться где-нибудь поближе, но теперь было поздно менять столик — это могло привлечь к ней излишнее внимание. Что ж, оставалось только ждать. Сейчас главное было не упустить его из вида. Слава богу, для этого не требовалось прилагать каких-то особых усилий. К счастью, официант уже подал ей кофе, и Яна, прихлебывая горячий ароматный напиток, могла спокойно наблюдать за залом поверх чашки, когда подносила ее к губам.

Милославская не была профессиональным сыщиком, но природная женская интуиция подсказывала ей, как нужно действовать. Она даже решила, что подойдет к стойке и включит диктофон, который не забыла прихватить с собой, когда появится тот, кого ожидает Горбушкин, чтобы услышать и записать их разговор, если, конечно, они будут говорить здесь, а не уйдут куда-нибудь еще.

Время шло, а Горбушкин продолжал нервничать в одиночестве. Что-то у них срывается, — Яна взглянула на часы, стрелки которых показывали десять минут четвертого. В этот момент тишину кафе нарушила мелодичная трель телефонного звонка. Горбушкин торопливо сунул руку в карман пиджака и приложил к уху мобильник.

«Да», — смогла расслышать Яна его отрывистую фразу.

Вячеслав говорил что-то еще, кажется, что-то спрашивал у своего невидимого собеседника, но что конкретно, разобрать на таком расстоянии было невозможно. «Жди меня, Жоэль, я еду», — последнюю фразу он произнес уже пробираясь к выходу, поэтому Яна хорошо ее разобрала. Она открыла сумочку, оставила деньги за кофе на столе и, подождав, пока Горбушкин откроет дверь, двинулась следом.

Вячеслав махнул рукой и возле него затормозил новенький «Мерседес» с надписью «Taxi» на оранжевом «гребешке». Горбушкин вскочил в салон, захлопнул дверцу, и такси рвануло в сторону Булонского леса.

«На этом твоя сыщицкая карьера закончена, — с грустью отметила про себя Милославская, провожая взглядом „Мерседес“, увозивший Горбушкина, — надо было взять машину на прокат». «Нет, — тут же добавила она, — не единственное же это такси в Париже!» Она посмотрела в другую сторону бульвара и заметила в потоке машин еще несколько оранжевых «гребешков». Словно ветряная мельница при сильном порыве, Милославская замахала руками и через несколько секунд уже садилась в остановившуюся перед ней машину.

— Быстрее за тем такси, — показывая рукой вслед удалявшемуся «Мерседесу», закричала Милославская, но машина почему-то не трогалась с места. Тут до нее дошло, что она произнесла эту фразу по-русски.

— Вперед, — перешла она на французский, — держитесь за той машиной.

— Я бы не стал изменять такой красивой женщине, — услышала Милославская, когда такси наконец тронулось с места.

Повернув голову, она увидела, что за рулем сидит молодой симпатичный мулат, улыбаясь в тонкую полосочку аккуратно подстриженных усов.

— Это не то, что вы думаете, — она улыбнулась в ответ.

— Конечно, мадемуазель, — мулат пожал плечами, мол, я все понимаю.

— Меня интересует вот тот «Мерседес», — Милославская показала на такси, в котором маячила голова Горбушкина, — держитесь за ним.

— Как скажете, мадемуазель, — мулат согласно кивнул и задорно улыбнулся, держась от преследуемого такси на благоразумном расстоянии.

Видимо, Горбушкин очень торопился, потому что его такси двигалось на предельной разрешенной скорости. Несколько поворотов направо и налево, и вот уже впереди заблестела Сена с бороздящими ее небольшими

корабликами и катерами. Миновав набережную Кеннеди, такси Вячеслава сбавило скорость. Это был престижный район Пасси, застроенный в основном двух-трехэтажными особняками. Через пару минут «Мерседес» замер возле одного из таких особняков. Высадив пассажира, такси плавно тронулось с места и вскоре исчезло за поворотом.

Мулат тоже остановил машину и вопросительно посмотрел на Милославскую. Видя, что Горбушкин направляется к дому, Яна расплатилась с водителем и тоже вышла из машины.

— Удачи, — улыбнулся ей на прощанье мулат, отсчитывая сдачу.

— Удача мне сейчас не помешает, — кивнула в ответ Милославская, краем глаза продолжая следить за Горбушкиным, который торопливо поднимался на крыльцо.

Как она будет действовать и что предпринимать, Милославская совершенно себе не представляла. Пока она преследовала Горбушкина в такси, в ней разыгрался охотничий азарт, и она даже не думала, будет ли она вообще что-то делать, когда Горбушкин прибудет на место встречи. Теперь же ей просто нестерпимо захотелось узнать, кто этот таинственный незнакомец, живущий в таком роскошном особняке. Двигаясь словно сомнамбула, она переложила диктофон из сумочки в карман пальто и, подчиняясь какому-то непонятному порыву, включила его.

Она пересекла небольшой газон, на котором бурыми и рыжими пятнами темнела жухлая трава, и поднялась на крыльцо. Милославская не пыталась пригнуться или еще как-то скрыть свое намерение проникнуть в дом — а в том, что такое намерение у нее было, она уже не сомневалась — но и, благодаря природной грации, излишнего шума не создавала, переступая мягко, почти неслышно. Горячая ладонь легла на бронзовую дверную ручку. Дверное полотно легко подалось и без скрипа отворилось. Так же бесшумно, придерживая защелку рукой, Яна закрыла за собой дверь.

Оказавшись в просторном двухсветном холле, Милославская огляделась. Каменные полы из двухцветной крупноразмерной плитки, вычурные полосатые диваны, стоявшие вдоль стен, затянутых шелком, тяжелые часы с вращающимся маятником, тикающие на каминной полке, литые бра с модерновыми абажурами, дневной свет, падающий сквозь высокие окна — все это было эклектично и в тоже время создавало приятное впечатление покоя и уюта. Только в душе у Милославской не было покоя. Какие-то тревожные сигналы резкими волнами стекали в холл по широкой, покрытой ковром лестнице. Вся внутренне подобравшись, Яна начала подниматься на второй этаж.

На антресолях, нависающих над холлом, она остановилась, раздумывая, куда же дальше? Те же энергетические волны, которые будоражили ее мозг, подсказали нужное направление. Она повернула направо и пошла по коридору, куда выходило несколько высоких дверей. Одна из них была приоткрыта и из-за нее доносились мужские голоса. Видимо, разговор был не из легких, потому что спорящие то и дело перебивали друг друга, пытаясь что-то доказать своему оппоненту. Не думая о том, что будет, если ее увидят, и как она сможет объяснить свое присутствие, Милославская приблизилась к открытой двери и увидела Горбушкина, который ожесточенно жестикулируя, наседал на мужчину средних лет, сидевшего на диване с бокалом красного вина. Это был дородный фронт из «Олимпии», сидевший за одним столиком с Ритой.

— Да пойми ты, Жоэль, — навис над ним Горбушкин, словно собирался вдавить его в диванные подушки, — русский бизнес немного отличается от вашего, европейского. Мы просто не можем там работать честно на сто процентов. Тогда мы разоримся и станем нищими еще до того, как начнем получать какую-то прибыль. Хоть это-то ты можешь понять?

— Я могу понять многое, — Жоэль сделал жест рукой, брезгливо отстраняя от себя Горбушкина, — только не обман и не предательство. У меня давно уже закралась мысль о том, что ты ведешь нечистую игру. С тех самых пор, когда ты перевел деньги на счет моей фирмы под закупку партии «Ситроенов» представительского класса, а потом аннулировал контракт, представив мне липовые документы. Да я еще и обналичил тебе всю сумму, хотя и не понимал, зачем тебе это нужно. Теперь-то я понимаю... Молчи, — крикнул он попытавшемуся возразить Горбушкину. — Я только что звонил в Семеновск, оказывается, тебя там считают погибшим...

— Я тебе сейчас все объясню, — торопливо пробормотал Горбушкин, — это же чистой воды недоразумение.

— Не нужно ничего объяснять, — Жоэль нервно дернулся, вино из бокала пролилось на ковер, — ты использовал меня, чтобы отмыть грязные деньги. Теперь благодаря тебе я тоже стал преступником. Но больше я этого терпеть не намерен. Ты никогда не войдешь в мой дом, больше того, я обязан заявить о тебе в полицию...

Жоэль быстро допил остатки вина, встал и направился к столу, чтобы налить еще. Когда он, наполнив бокал, поднял голову, в глаза ему смотрело темное дуло пистолета, который появился в руках Горбушкина.

— Очень жаль, Жоэль, — с кривой улыбкой произнес он, — я даже не

мог предположить, что ты умеешь говорить по-русски...

Кажется, Жоэль испугался, увидев в руках своего недавнего партнера-приятеля оружие, но просто не мог поверить, что тот может пустить его в ход.

— Я не знаю русского языка, — дрожащим голосом сказал он.

— Как же ты разговаривал с Семеновском? — недоверчиво спросил Горбушкин.

— Для этого имеются переводчики, — с грустью сказал Жоэль, — а теперь уходи. Все остальные дела я буду вести только через моего адвоката, если, конечно, тебя не посадят в тюрьму. Адье, Вячеслав, проваливай.

— Ты не сделаешь этого, — пошел на него Горбушкин, — скажи, ты ведь не заявишь в полицию?

— Я именно так и сделаю, — в голосе Жоэля сквозило презрение, — иначе я перестану уважать самого себя.

Он поднял бокал и принялся жадно пить.

— Ну и дурак, — тихо сказал Горбушкин и нажал на курок.

Жоэль так до конца и не понял, что же произошло. Пальцы его безвольно разжались, выпуская бокал с недопитым вином, колени подогнулись, и все его грузноватое тело медленно и как-то удивленно повалилось на пол.

— Дурак, дурак, дурак, — повторял Горбушкин, глядя на Жоэля.

Испуганный крик чуть не вырвался из горла Милославской, но какие-то спазмы сдавили ей шею, не дав даже ничего шепнуть. Возможно, это и спасло ей жизнь. Она продолжала стоять как вкопанная, не в силах пошевелиться. Только глаза жили независимо от остального тела, наблюдая за страшной трагедией.

Тем временем Горбушкин положил пистолет на стол, деловито склонился над Жоэлем, приложил пальцы к яремной впадине, щупая пульс, и удовлетворенно хмыкнул.

— Готов, придурок, — словно сквозь сон услышала Яна его голос.

В эту минуту в комнате появился еще один человек, которого Яна тут же узнала. Это был тот самый парень, которого она видела на вокзале вместе с Ритой. В руках у него был большой револьвер, который он направил в голову Горбушкина. Вышел он из-за тяжелой портьеры, за которой было окно или из смежной комнаты — Милославская этого не поняла, да это было и не важно, главное, что Вячеслав тоже не ожидал такого поворота событий.

— Так-так, — с легкой усмешкой произнес молодой человек, — очень забавная ситуация. Я-то думаю, как мне получше устроить все дело, а дела

делаются сами собой. Вот ведь как получается, Вячеслав.

— Шило, что ты здесь делаешь? — Горбушкин был, мягко говоря, ошарашен, но держался неплохо.

Он попытался было схватить свой пистолет со стола, но Шило щелкнул револьвером, взводя курок.

— Даже не думай об этом, — негромко сказал он, — иди, присядь на диванчик, тебе нужно немного отдохнуть. Ну, быстро, — прикрикнул он.

Горбушкин повиновался.

— Что ты собираешься делать? — спустя мгновение спросил он.

— Грохнуть тебя, чего же еще, — Шило осклабился. — Потом женюсь на Ритке и стану твоим наследником. Ритка в делах ничего не смыслит, поэтому твоим бизнесом и бизнесом Жоэля буду управлять я. Ведь вы же партнеры, и после его смерти его доля перейдет к тебе, а значит, к твоей дочке. Все очень здорово получится.

— Она не выйдет за тебя, — попытался вставить Горбушкин.

— Она без ума от меня, — рассмеялся Шило, — я ведь спас ей жизнь, вытащив из лап Захарыча. Его, кстати, тоже пришлось убрать, чтобы не мешался под ногами, старый козел. Да и эту дуру Шкавронскую я удачно подставил, узнав что ее муженек кувыркается на даче со своей секретаршей. Я все рассчитал, только думал, как избавиться от вас с Жоэлем, чтобы отвести от себя подозрение. Теперь все получилось самым наилучшим образом. Знаешь, чья это пушка? — он подкинул на ладони револьвер. — Жоэля. Ты убил его, а он, смертельно раненый, выстрелил в тебя, ты понимаешь?

Шило поднял револьвер и направил его в Горбушкина.

— Стой, — торопливо прошептал Вячеслав, сползая на ковер на колени, — я отдам тебе деньги, много денег, только не стреляй.

— Хорошо, — подумав немного, ответил Шило, — давай.

— Мне нужно за ними съездить, — скороговоркой произнес Горбушкин, — я привезу, это недалеко. Там много денег, очень много. Тебе хватит на несколько лет.

— Не пойдет, — Шило отрицательно покачал головой, — ты никуда не выйдешь из этого дома, но если ты мне скажешь, где деньги...

— Ладно, я скажу, только не стреляй, — Горбушкин стоял на коленях, словно отбивал поклоны языческому божеству.

— Говори, — заинтересованно приказал Шило, поигрывая револьвером.

— Здесь они, в этом доме, — прошептал Горбушкин.

С этими словами он вцепился руками в ковер и, ломая себе ногти, что

было мочи потянул на себя. В каком-то фильме Милославская уже видела похожий прием прием, но в жизни наблюдать такую картину ей приходилось впервые. Земля, то есть ковер, уплыла из-под ног Шилов. Он попытался удержаться, но не смог и, издав короткий возглас, свалился на пятую точку, а потом еще ударился головой о каменный пол. Шило с трудом, но все же удалось удержать в руках револьвер. Когда Горбушкин из партера, словно большая кошка на дичь, кинулся на него, стремясь впиться в ненавистную глотку стальной хваткой, Шило, почти не целясь, дважды нажал на курок. Револьвер гавкнул, выплевывая горячий свинец, и замолчал. Тело Горбушкина, пролетев по инерции пару метров, упало прямо на Шило, придавив его мертвой тяжестью.

Едва придя в себя после одной смерти, Милославская оцепенела во второй раз. Она собиралась убежать с этого страшного места, броситься к телефону, вызвать полицию, но почему-то стояла и смотрела в щель между дверью и косяком, надеясь что больше она такого уже не увидит.

— Вот козел, — брезгливо поморщившись, Шило столкнул с себя тело Горбушкина, перевернув его на спину, и встал на колени.

На животе Горбушкина, под расстегнутым костюмом расплывалось бурое пятно крови.

— И-ди-о-от, — Шило пренебрежительно ткнул дулом револьвера Горбушкина в плечо. — Ну ничего, — добавил он с ядовитой усмешкой, — все что ни делается — к лучшему.

Шило поднялся с колен на ноги и принялся действовать. Он поправил ковер, деловито, словно мешки с песком разложил трупы ногами друг к другу, затем протер носовым платком оружие и вложил револьвер в руку Жоэля, а пистолет Горбушкина в его руку.

Теперь, — поняла Милославская, — когда в доме Жоэля появится полиция, первой версией будет, что партнеры что-то не поделили друг с другом и пустили в ход оружие. Других версий, скорее всего, может и не быть. Наводя в доме порядок, Шило бормотал себе что-то под нос. Прислушавшись, Яна разобрала: «Деньги, деньги где-то в доме. Старый козел, не мог сначала сказать место. Где же мне искать деньги? Вот так, — управившись с трупами и декорациями, он с удовлетворением посмотрел на проделанную работу, потом взглянул на часы, — теперь можно и капусту поискать».

Наконец Милославская стряхнула с себя мистическое оцепенение и засеменила к лестнице. Она еще не дошла до конца коридора, как внизу хлопнула входная дверь. «О, Господи», — не представляя, что можно предпринять в такой ситуации, Яна в панике метнулась назад. А по

лестнице, слегка заглушаемые ковром, звучали шаги. Почти бегом она вернулась в противоположный конец коридора и попыталась открыть дверь, напротив той, за которой только что произошло двойное убийство. Дверь оказалась не запертой, и Яна, быстренько прошмыгнув в комнату, закрыла ее за собой. Хоть она и была сильно напугана, но все же не забыла оставить между дверью и косяком маленькую щелочку.

— Жоэль, — услышала она взволнованный женский голос.

— Где ты, Жоэль?

Шило, которого Яна не видела, тоже услышал этот голос. На какое-то мгновение он оцепенел от неожиданности и испуга, но быстро взял себя в руки и бросился к двери. Он столкнулся с Ритой — а это была она — на пороге комнаты.

— Рита, какое несчастье, — пробормотал он. — Я только что вошел, а здесь... Ты только не волнуйся...

— Леша? — удивилась Рита. — Что случилось, почему ты здесь?

— Твой отец позвонил мне в гостиницу, попросил приехать, — вдохновенно врал Шило, — наверное, он что-то чувствовал...

— Где он? — с тревогой в голосе спросила Рита. — Дай мне пройти.

— Ты только не волнуйся, Марго, — Шило сделал шаг назад, уступая Рите дорогу.

Она шагнула в комнату, замерла на мгновение, закрыв руками рот, а потом бросилась к телу отца, трясаясь в беззвучных рыданиях.

— Марго, — вкрадчиво говорил Леша, — они поссорились и убили друг друга. Мы должны вызвать полицию.

Милославская вышла из своего убежища и снова остановилась в коридоре, глядя на разворачивающуюся перед ней сцену. Около четверти часа Маргарита продолжала рыдать. Потом она немного успокоилась и они с Шилом присели на диван. Он обнял ее за плечи и что-то шептал ей на ухо. Вскоре он заговорил громче. Голос его звучал одновременно успокаивающе и проникновенно.

— Марго, звезда моя, — он погладил Риту по волосам, — нам нужно что-то делать. Ты должна понимать, что я не могу здесь оставаться... Малоли что могут подумать... Нам ведь не нужны лишние неприятности...

— Неприятности?! — воскликнула Рита. — Убили моего отца, а ты называешь это неприятностями?

— Ты не так меня поняла, Марго, — терпеливо продолжал Леша, — то что погиб твой отец — а я знаю, как ты его любила — это трагедия, нам нельзя сейчас подвергать себя ненужному риску...

Поняв, к чему клонит Шило, Милославская осторожно пересекла

коридор и вошла в противоположную комнату. Достала колоду и опустила в низкое мягкое кресло, стоявшее у окна. Тщательно перемешав карты, она нашла «Взгляд в будущее».

Карта, как и «Джокер», была с небольшим изъяном. Только ее повредила не Джемма, а сама Яна, случайно пронеся над пламенем свечи.

И это было тем более забавно и странно, что на карте был изображен лунный диск в окружении свеч со свисающими с них цепями.

Милославская сосредоточилась, насколько это было возможно, приложив ладонь к карте. Смежив веки, она откинулась в кресле и застыла. Перед ее мысленным взором возникла комната, в которой сейчас Шило успокаивал Риту, здесь же на полу лежали два неподвижных тела, в которых она узнала Жоэля и Горбушкина. Комната была наполнена каким-то серебристым дымом, отчего все предметы и находящиеся в ней люди выглядели размытыми, словно Яна смотрела через мутное стекло. Потом комната уплыла куда-то в сторону, и Яна увидела себя вместе с Шилом в большом помещении и поняла, что это ванная. Здесь же был Шило, который прищурившись глядел на Милославскую. Что-то поразило ее в его взгляде. Через мгновение она поняла, что. Это были глаза мертвеца, стеклянные и мутные. Но что-то поразило ее еще сильнее, что-то, что она увидела за спиной Шила. Теперь она знала, что ей нужно делать.

Яна стряхнула оцепенение, в котором пребывала, убрала карты в карман и на низкой тумбочке рядом с кроватью нашла телефонный аппарат. Сняла трубку и, помедлив пару секунд, позвонила в справочную и тут же набрала номер полицейского участка.

* * *

Яна снова вышла в коридор.

— Так мы с тобой договорились, дорогая? — Внушал Шило Маргарите. — Я сейчас уйду, а ты позвонишь в полицию. Правильно?

— Да, Лешенька, я позвоню.

— Не забудь, меня здесь не было.

— Я все сделаю, как ты сказал, — согласно кивнула Маргарита.

— Вот и умница, — Шило снова погладил ее по голове, — я буду ждать тебя в отеле.

Он чмокнул ее в щеку и направился к выходу. Милославская, продолжавшая стоять у двери, даже и не подумала скрываться. Наоборот, какая-то сила заставила ее толкнуть дверь и шагнуть в комнату. Шило,

ошарашенный этим внезапным явлением, замер в двух шагах от нее. Его тщательно продуманный план, осуществлению которого помог ряд случайностей, грозил рухнуть в одночасье.

— Минуточку, — в Яне вдруг появилась уверенность, страх куда-то испарился и только ненависть к этому подонку подстегивала ее активность, — думаю, вам не стоит торопиться.

Так как немая сцена продолжалась, Милославская решила взять инициативу в свои руки.

— Кажется, мы с вами уже встречались, молодые люди, — она обошла стоящего перед ней Шило и остановилась в центре комнаты, лицом к Маргарите. — Думаю, вам следует выслушать меня. Вы совершите непоправимую ошибку, если выйдете замуж за этого мерзавца и убийцу...

— Чего ты несешь, ты?.. — Шило подскочил к Милославской и принялся трясти ее за плечи.

— Оставь ее, — Маргарита кинулась к нему, схватила за рукав и оттащила в сторону, — пусть говорит.

— Неужели ты будешь слушать эту психопатку? — заорал он, тыча рукой в сторону Милославской. — Да она же из ума выжила. Откуда она вообще взялась здесь? Ладно, — сбавив тон вдруг согласился он, — пусть говорит.

Он закурил и закинув ногу на ногу сел на диван, сохраняя на лице пренебрежительное выражение.

Чтобы Рита все поняла, а рассказывала Яна в основном для нее, ей пришлось начать почти с самого начала истории. Опуская незначительные детали, она подошла к тому моменту, когда она вошла в дом Жоэля. Здесь пришлось излагать более подробно. Когда же история дошла до того пункта, где Горбушкин выстрелил в своего приятеля-компаньона, Рита закричала, затыкая уши руками:

— Я вам не верю, не верю! Вы все это придумали. Он не мог! — она дрожала как осиновый лист на осеннем ветру, не в силах сдвинуться с места.

— Вот видишь, Марго, — со снисходительной усмешкой поглядывая на Милославскую, вклинился Шило, — она ненормальная. Твой отец и Жоэль повздорили, Жоэль пригрозил ему револьвером и тот выстрелил, защищая свою жизнь. Иди, звони в полицию. Придется мне тоже остаться здесь.

Не обращая на его слова никакого внимания, Милославская достала из кармана диктофон, при виде которого Шило напрягся. Обращаясь к Маргарите, Яна сказала:

— Здесь все записано, вы сами можете в этом убедиться. Надеюсь, вы узнаете голос своего папы.

Она быстро перемотала пленку и включила воспроизведение. Запись оказалась четкой и почти без помех. Пропуская ненужные детали, Яна оставляла только ключевые моменты.

— О, Боже, — ошарашенно завращала глазами Маргарита, когда слышала, как упал Жоэль, и последующие слова своего отца.

— Дай сюда, — Алексей кинулся на Яну и вырвал диктофон у нее из рук, — дальше неинтересно.

— Леша, — Маргарита с ужасом смотрела на своего возлюбленного, — значит, это ты...

— Чушь, — бросил тот, выхватил из мертвой руки Жоэля револьвер и направил его на Яну, — я потом тебе все объясню.

Милославская, словно пришпиленная к месту, глядела в ствол револьвера.

— Лешенька, не надо, — заорала Маргарита, кидаясь к нему.

— Отстань, — он оттолкнул ее и взвел курок, — придется пришить вас обеих. Се ля ви, — зловеще усмехнулся он.

Револьвер подрагивал в его руке, а палец неумолимо давил на спусковой крючок...

— А как же деньги, Леша? — с удивлением спросила Милославская, — ведь ты ради них все затеял...

— Ты знаешь, где деньги? — в голосе Шила сквозило неприкрытое недоверие, но палец его перестал давить на курок.

— Могу даже показать, если ты уберешь пистолет.

— Показывай, только быстро, — Шило опустил револьвер, но в его хитрых жестоких глазах мелькала тень недоверия. — Что это ты такая добрая?

Милославская, проигнорировав насмешливое замечание, обвела глазами комнату, как-бы что-то припоминая, и уверенно направилась к одной из дверей. Шило двинулся следом. От громыхнувшего внезапно выстрела Яна вздрогнула. Она резко обернулась и встретилась глазами с глазами Шила, мутными и стеклянными. Позади него, сжимая в руках дымящийся пистолет, который она выхватила из рук Жоэля, стояла Рита.

— Сволочь, — успела сказать она, до того как ее бывший возлюбленный плашмя рухнул на пол.

Милославская инстинктивно бросилась к нему, чтобы поддержать, но не успела. За окном неистовствовала полицейская сирена. Хлопнула входная дверь, и по коридору затопали несколько пар тяжелых башмаков.

Проведя оставшуюся часть дня и вечер в полицейском участке, Милославская и Рита на следующее утро отправились в Пасси. Когда они вышли из такси перед особняком Жоэля, солнце стояло почти в зените.

— Не понимаю, зачем мы сюда приехали? — Рита остановилась перед дверью с наклеенной на нее полоской цветной бумаги.

— Ты сказала, что у тебя есть ключи, — не обращая внимания на ее вопрос, решительно произнесла Яна, — отпирай.

Рита достала связку ключей и, сорвав бумажку, которой была опечатана дверь, открыла ее.

— Пошли, — Яна увлекла ее наверх.

Милославская прошла через комнату, в которой разыгралась вчерашняя трагедия и, отворив дверь, остановилась посреди огромной ванной комнаты. Рита вошла следом и замерла рядом.

— Что, захотела искупаться? — пыталась шутить Маргарита, — это можно было сделать и в отеле.

— Смотри, — Яна проигнорировала ее ироничное замечание и кивнула в сторону стены, — я увидела ее вчера, когда после долгого общения с полицией зашла сюда, чтобы умыться.

— Ну и что? — Рита пожалала плечами. — Эту «Олимпию» я видела уже не один раз. Ты только ради этого притащила меня сюда?

— Возможно, ты уже не помнишь, — Милославская неотступно вглядывалась в панно из плиток, на котором была изображена репродукция картины Клода Мане, — а я тебе рассказывала, что образ этой «Олимпии» преследует меня с тех пор, как я занимаюсь расследованием убийства Шкавронского.

— Но ведь теперь ты знаешь, что его убил Алексей, — Маргарита шмыгнула носом, видно еще не до конца смирилась с тем, что ее возлюбленный оказался убийцей.

— Это все так, — кивнула Милославская, — только мы же не знаем, куда твой отец спрятал деньги.

— Скорее всего, мы не узнаем об этом никогда, — вздохнула Рита. — Полиция перерыла вчера весь дом, но ничего не обнаружила.

— Если мы их найдем, ты обещаешь, что отдашь мне те деньги, которые твой отец задолжал Веронике?

— Нет проблем, — Маргарита достала сигареты и закурила, делая вид, что деньги ее мало интересуют, но Яна заметила искорку неподдельного

интереса, блеснувшего у нее в глазах.

— Тогда иди, принеси что-нибудь тяжелое, — приказала Милославская.

Когда Рита вышла из ванной комнаты, Яна подошла вплотную к панно и начала водить ладонями вдоль поверхности стены, почти вплотную прижимая их к холодным плиткам. Маргарита вернулась, держа в руках молоток с черной резиновой рукояткой, и остановилась в дверях, с интересом наблюдая за Милославской.

— Ну что стоишь, давай, — Яна замерла, держа руку на правой нижней плитке.

Она почти выдернула у Риты молоток и, не раздумывая ударила по плитке. Керамический прямоугольник разлетелся вдребезги, осколки со звоном посыпались на кафельный пол, открывая взору изумленных женщин большой тайник. Он был доверху заполнен банковскими пачками сто долларовых банкнот, аккуратно упакованных в прозрачные пластиковые пакеты.

Вскрыв один из них осколком плитки, Милославская отложила несколько пачек в свою сумочку.

— Остальные можешь забирать, — вздохнула Милославская. — Только не знаю, принесут ли они тебе счастье, девочка. Твой отец из-за них жизни лишился, да и все кто с ним в одной упряжке были — тоже. Так что, хоть эти деньги и не праведные, но хозяйкой их, как наследницу Вячеслава Сергеевича, можно, наверное, назвать тебя. Впрочем, это уже не мое дело.

Она еще раз вздохнула, на этот раз с облегчением и, оставив Маргариту наедине со свалившимся на нее богатством, вышла на улицу. Поймав такси, она заехала в гостиницу и заказала билет на ближайший рейс «Эйр-Франс» до Москвы. Она с удовольствием осталась бы в Париже еще на недельку или на две, но нужно было вытаскивать из тюрьмы Веронику Шкавронскую.

«Ничего, — решила она, — вернусь сюда летом. Летом в Париже теплее».